

Сергей Морозов

ЦИВИЛИЗАЦИЯ. МАШИНЫ. СПЕЦИАЛИСТЫ

Вариант 09.04.2019

СОДЕРЖАНИЕ

История
Жизнь и среда
Вопросы
Эффективность
Машины
Программа
Животные
Цели и средства
Человек
Явное и туманное
Многомерность
Программирование людей
К обществу
Специализация против универсализации
Селекция
Универсальный интеллект
Стержни
Человек и общество
Группы и институты
Нация и масса
Необщество
Привязки и контроль
Машины как судьба
Групповые машины
?? Верх и низ
Специалисты: история
Хронология – 1: Производство
Хронология – 2. Генетика
Хронология – 3. Масса
Одномерность и символ
Одномерность
Символ
Специалисты: бытие
Человек и редукция

Интелиотия
Социальный интеллект
Специалисты
Иерархии
Авторитетная обезьянка
Люди-детали
Адаптация в цивилизации
Эффективность, стандартизация, унификация
Унификация
Борьба за понимание
Тоталитаризм
Власть
Государство
Мандаризм
Кланы и программы
Отчуждение
Глупость и жестокость
Цивилизация: аннигиляция
Мораль
Утрата человеческих представлений
К пониманию машины
Смыслы и идентификации
Люди и массы
Путь свободы

История

Современный мир можно видеть как мир специалистов. Всё важное в мире делается специалистами; а все неспециалисты заняты на подсобных работах – у этих же самых специалистов. Можно видеть и иначе – как мир владельцев этого мира; это более традиционная точка зрения. Но для понимания мира в аспектах его прогресса владельцев можно оставить за скобками. Как будет показано далее, самые глобальные, самые глубинные потоки мировых тенденций владельцы не направляют. Владельцы их только оседлывают и на них едут. Специалисты, их масса, ближе к определяющему тенденции базису цивилизации, а владельцы оказываются ближе к надстройке, и задают только некоторые текущие события.

Можно дискутировать, насколько этот мир – мир успеха специалистов – хорош или плох. Но есть мнение, что при появлении огромных возможностей для развития человеческих потенциалов мир как-то не становится лучше. И есть много мнений, что он становится хуже. Что, например, падает биологическое качество людей. Что людям становится все труднее понимать других людей,

что влечет еще один, следующий ряд проблем. В этом часто обвиняют владельцев мира. Но владельцы были всегда, или почти всегда. И тогда, когда мир становился лучше – тоже. Специалисты тоже были всегда; но их роль в развитии мира была менее определяющей.

Конечно, видеть мир как мир специалистов – это подходить к нему со стороны одной грани. Но всегда с какой-то надо начинать; тем более что подходов со стороны власти, от династий до секретных обществ, было более чем достаточно. И со стороны одной грани можно прийти к пониманию всех мировых тенденций, закономерностей развития и деградации. Пройдя через одну эту грань, можно увидеть достаточную и целостную картину, а все прочие грани – увидеть изнутри. И еще – иная, еще одна точка зрения – это как правило прогресс.

В тексте в качестве исторической-историософской базы применена система Шпенглера – чисто из-за отсутствия практически работающих альтернатив. У мира есть хронология. У цивилизации есть начало. У большинства исторических цивилизаций есть еще и конец. Цивилизация от начала и до конца есть временное пространство событий – от момента, когда мир – а в данном контексте он же и цивилизация – становится лучше, до того, как он становится хуже и умирает.

В шпенглеровской системе координат первоначальная живая культура (первая часть цивилизации) противопоставляется поздней умирающей цивилизации (вторая часть). Получается сначала график вверх, когда в общем все лучше, а потом вниз. Вокруг вершины – все культурные достижения, в том числе и нация как высшее социальное достижение.

Цивилизация застаёт ...городскую/национальную буржуазию... в готовом виде и уничтожает его понятием четвертого сословия, массы, принципиально отвергающей культуру с ее органическими формами. (с) Шпенглер.

Идея Шпенглера – исчерпание проектов и следственная «метафизическая усталость»; после достижения вершин возможен только один путь – вниз. Это хорошо и понятно, но для четкой физической картины этого недостаточно. Потеря биологических качеств – это физически точнее, но тогда вопрос: а почему эти качества так непреодолимо падают, какова физика процесса? Ведь сначала все качества растут, и вдруг начинают падать; а между ростом и падением сама собой получается вершина.

Сначала, в момент культуры, всё постепенно возникает. В момент цивилизации все существует, а к её концу всё начинает постепенно исчезать. Препятствовать этому исчезновению вещей невозможно – поскольку вещи исчезают именно потому, что люди меняются так, что теряют представление о них. Вещь может и лежать где-то не полке, но представления о ней уже не будет, и если

даже ее найдет какой археолог, его просто не поймут. Да и сам он вряд ли что-то поймет.

Существует и система периодизации цивилизационных состояний, кроме «культура-цивилизация». За модерном следует постмодерн, за цивилизацией – постцивилизация, которая «темные века», за нацией – постнация, которая масса, за человеком – постчеловек. Всегда появляется приставка «пост». (Есть мнение, что постчеловек – это все-таки труп.) Это происходит, когда по сути всё уже заканчивается, но какие-то формы и остаточные явления еще наблюдаются.

То, что цивилизация прокручивает через себя нацию, как мясорубка, и выдает на выходе массу – это многократно описано. Смысл этого исследования – описать, как этот процесс происходит в деталях. Как возникают и как работают механизмы этой мясорубки.

Жизнь и среда

Жизнь предполагает движение, движение происходит в среде. Данный текст о среде, о том, как она изменяется на временных диапазонах. И как меняется собственно среда человека, которая есть человеческое общество сначала, и только потом ландшафт. И далее сторонники жизни могут выведенные закономерности использовать при своем движении.

Адаптационный рай для человека не был утрачен, поскольку его никогда не было. Человек жил во вращающемся вихре изменений, и его высокая вариативность обусловлена тем, что условия адаптации менялись настолько быстро, что адаптационные свойства не успевали закрепиться или исчезнуть. К тому же высшие хищники в большей степени адаптируются к собственной социальной системе, чем к ландшафту. Сильная адаптированность к ландшафту ведет к утрате множества общих человеческих элементов, точно так, как и адаптированность к цивилизации. В обоих случаях имеется специализация. Конечно, в ландшафте есть еще и социальная среда, которая в цивилизации разрушается, но долгое давление даже одной ландшафтной среды искажает и социальную среду. Народы-реликты не могут преодолеть ландшафт, выйти за его пределы, поскольку у них утрачены свойства, которые требуются для выхода из ландшафта, они заменены на дополнительные средства адаптации к одному ландшафту. Это тоже сходно со специализацией.

Ландшафт – это уже первая степень ограничения, а именно адаптации к ландшафту. Ландшафт есть ограничение, это структура, в которой растут.

И поскольку чем дольше группа живет в ландшафте, тем выше становится уровень адаптации, то что-то сделать, над ландшафтом подняться сможет только группа, долго в ландшафте не проживающая. Но адаптация к ландшафту – это почти то же, что и адаптация к цивилизации – только процесс идет гораздо

медленнее. И за адаптацию приходится платить утратой качеств. То, что может преодолеть ландшафт – это город. Причем город возникающий-формирующийся. Для города нужно множество условий самых разных. У большинства племен города так и не появились.

Среда, приспособление и успех неразделимы.

В каждый текущий момент времени побеждает наиболее приспособленный к текущей ситуации, а не ко всем возможным ситуациям. Эта череда побед тех или иных приспособленных по сути является множеством последовательных эволюционных бутылочных горлышек, и на каждом с человеческой популяцией срезается ее многообразие, срезаются признаки и свойства, которые и должны обеспечивать будущие приспособленности. А поскольку будущая приспособленность исчезает, то в будущем популяция оказывается неприспособленной. Хотя явная альтернатива – популяция становится неконкурентоспособной в настоящем, и вопрос будущего снимается автоматически.

Успешными становятся наиболее приспособленные. Приспособленные – они приспособленные к среде. Среда меняется, обычно при одном поколении почти незаметно, но за века – принципиально. Например, когда нация начинается, она предпочитает художника-реалиста. Затем нация стремится к вершинам, и она предпочитает романтизм. Затем начинается цивилизационный период, и как его отражение становятся успешными разного рода абстракционизмы и прочие шизоидности. Далее идет упрощение людей, и абстракционизм упрощается. Далее остается только масса, отрицающая всякую иерархию культуры, и в моду входят технически удовлетворительные картинки изображения быта. Успех художника предопределяется средой. Если абстракционист родится в начале истории, или портретист-халтурщик – в ее середине, они не будут успешными, поскольку не будут приспособленными к среде, среда будет им чужой; и среда их отвергнет, потому как не поймет. Такие художники рождались, но сейчас от них не осталось памяти, потому что тогда они не оказались успешными. Пара «среда – приспособленность» – неразрывна.

Цивилизация идет куда-то не туда. Определенно не в сторону жизни. А туда, куда ушли все прочие цивилизации. Ушли по одним и тем же законам, по одним и тем же правилам. Вопрос цивилизационных циклов рассмотрен достаточно широко и доказательно.

Как цивилизация себя уничтожает, как *«цивилизация кончает самоубийством?»* (с) Тойнби.

Этот процесс сложно представить сознательным, как какой-то злой умысел... чей?.. цивилизации? Так что процесс этот должен быть построенным не на воле, которой у цивилизаций нет и быть не может, а на аттракторе – точке естественного притяжения. Яблоки не хотят падать на землю, но земля – их

аттрактор, и рано или поздно они на нее упадут. Поэтому процесс видится механическим, машинным. А за машинным процессом должна находиться машина. Эта машина – цивилизация. Каким-то образом человеческая воля утрачивает управление процессом, и в результате цивилизация превращается в уничтожающую жизнь машину – в ту же ранее упомянутую мясорубку по производству массы.

Человек – он тоже величина переменная. Человек до и после мясорубки отличается. Не меньше, чем нация от массы.

Человек почему-то этому процессу не может воспрепятствовать. Логично предложить, что в цивилизации-машине происходит машинизация человеческой жизни, и машина-цивилизация создает для себя машину-человека, ориентированного, заточенного под то, чтобы разделить судьбу цивилизации; шаг за шагом, чтобы человек сразу не догадался. Впрочем, и обратный процесс одновременно имеет место: человек шаг за шагом строит мясорубку для себя. Это как раз тот человек, который не видит, потому что самой способности широкого, глобального видения лишен.

Основные противоречия (дихотомии): жизнь – смерть, живое – механическое, свободное – механическое, человек – машина.

Главное методологическое противоречие: свободы – структуры. Свободы высшего порядка строятся на структурах; структуры поддерживают свободы. Но когда структур становится слишком много, места для свобод не остается. Пространство свободы всегда меньше условных 50%: половина уходит на взаимоисключающие «свобода для» – «свобода от», и еще нужно место для структур, которые будут поддерживать свободы высшего порядка. Например, свободу ходить (высшую) поддерживают ноги (структура). А если «освободиться» от ног, ходить не получится.

Вопросы

Первый набор вопросов представляется в философском виде:

- Что есть механицизм в человеческой жизни?
- Насколько человек есть машина?
- Чем человек отличается от машины?
- Что такое превращение человека в машину, как оно выглядит и как его избежать?
- Какая роль конфликта машинного и человеческого в жизни?

В плане практическом лучше смотрится бытовая постановка вопросов:

- Почему кругом сплошные идиоты?
- Были ли идиоты всегда или они откуда-то взялись?
- Как эти идиоты умудряются быть успешными?
- Как эти идиоты проникли во власть и как они умудряются её удерживать?
- Откуда у идиотов деньги, особенно те, которые они относят мошенникам?
- Как этот мир торжествующего идиотизма еще не рухнул и когда это всё-таки произойдет?
- Почему люди не понимают очевидного?
- Как могут сочетаться массовый идиотизм и невероятный технический прогресс, не являются ли они двумя сторонами одной медали, единого явления? Как это собрание идиотов вообще сумело создать столь сложную цивилизацию?

Современный мир эти вопросы постоянно задает, на эти вопросы постоянно и отвечает, но почему-то понимания по этим вопросам не наступает.

И, конечно, постановка основного вопроса текста: что в этом мире, в цивилизации есть скрытого и важного, что понимается неверно, и что ведет к неудаче гуманитарных и социальных проектов.

Эффективность

Главное в поиске физики процессов – это механика машины, состоящей из людей-машин. Понять эту механику будет означать понять работу собственно цивилизации, и в биологическом, и в культурном плане тоже, и во всех прочих планах. Понять – значит выяснить всю последовательность причинно-следственных связей, от начальной точки до конечной: как живая культура становится машинной и мертвой. Хотя с виду это мертвое может казаться живым – как машина.

Эффективность определяется соотношением полученного результата в числителе к расходам в знаменателе. К результату у людей относятся выживание и доминирование, количество и уровень благ. К расходам относится обычно энергия, но это еще и люди, и материалы, и человеческие качества (если вникать в тонкости, то всё можно считать энергией, тогда эффективность пойдет как КПД). Например, Пирр одержал пиррову победу над римлянами. Но эта

победа оказалась не эффективной. Потому что большие расходы – на будущее остатков не хватит.

Эффективность чего? По-максимуму, человеческого развития. Которое неотделимо от развития социума, в котором человек находится. А реально – эффективность поддержания существования в среде конкуренции, потому что приходится. И занимаясь выживанием, вторым, желательно помнить о развитии, т.е. о первом. Но для этого нужна многомерность понимания, множественность понимания, а их обычно не хватает.

Происходит механизация жизни, факт. С одной стороны это хорошо, поскольку возрастает эффективность производства, товаров становится больше, и они качественнее и дешевле. С другой стороны, эта механизация жизни становится слишком всеобъемлющей, и начинает проникать в такие чисто человеческие области жизни, куда ей проникать бы не следовало. Вплоть до механизации людей во всех смыслах и аспектах.

Философско-моральная предустановка: в человеке человеческое и машинное конкурируют. Быть машиной – это плохо, потому что машина расчеловечивает, машина в человеке уничтожает в нем человеческое начало. Да, в идеале многих мыслителей стоит синтез, т.е. поработал человек эффективной машиной 8 часов – а потом снова стал человеком со всеми его достоинствами. Увы, так почему-то не получается.

«Эффективный» – он по умолчанию «ограниченно эффективный». Потому что нельзя быть эффективным во всём. И даже по очереди быть эффективным человеком и эффективной машиной не получается.

Эффективность может быть неверно рассчитана. Например, что эффективно на малом промежутке времени, может быть неэффективно на большом промежутке. Но тогда как эффективность видится? А так, что ограниченный человек видит эффективность ограниченно, а одномерный человек видит эффективность одномерно. Соответственно, такие люди и оценивают эффективность ограниченно и одномерно. А ограниченная и одномерная эффективность выдвигает вверх и делает относительно эффективным этого ограниченного и одномерного человека; круг замыкается и начинает при каждом обороте сжиматься – всё ограниченнее и все более одномерно.

Два основных персонажа – человек и машина. Машина в философии и культуре описана плохо, человек еще хуже; оба образа туманны. Но они противоположны: человек обычно не хочет, чтобы из него сделали машину. Разделить образы сложно: человек имеет в себе машинное, а машины приобретают все больше человеческого. В общем человек задается свободной волей и чувством сострадания – теми качествами, которые машине вроде бы недоступны; заодно это самые простые категории различения.

(Теорему Геделя о неполноте сюда тоже можно подключить: в данном случае свободная воля как раз и является недоказуемым элементом. По сути религиозным, лежащим в основании. Кстати, этим элементов вполне бы могла быть душа. И то, что человек, или человеческая жизнь есть ценность – это тоже недоказуемо, это тоже вопрос веры.)

Машины

Машина – это специальное средство для чего-то. Обычно для выполнения работы вместо человека. Машина – это система, т.е. множество взаимодействующих элементов.

Традиционно принято, что машина не обладает самосознанием. И общим человеческим мышлением тоже не обладает. Не обладает способностью к сознательной рефлексии, т.е. способностью обращаться к собственному сознанию. Дополнительно и вследствие отсутствия рефлексии, машина не способна к состраданию.

Машина механистична – это похоже на тавтологию, но человек тоже может оказаться и механистичным, и неспособным к состраданию. А вообще большая часть человека – это машина. И большую часть своего времени, и своего движения, человек – это машина.

Механицизм – это бездумное функционирование. Механицизм – свойство машины. И машинной части человека – при ходьбе, например, человек не думает, как ему сгибать и перемещать ноги. Машина характеризуется и через механицизм своей работы.

Программа

Машина – это система для решения технической задачи.

Обычное представление машины – это станок. Еще одно популярное – автомобиль или что-то на него похожее. Паровоз тоже похож. В окружающей реальности разных машин можно вычислить больше, чем кажется. Например, поле – это ведь машина, у которой человек – оператор. В машину кидаются зерна, а машина умножает их количество: машина-умножитель, машина-репликатор. И скотина – это тоже машина. И из человека можно сделать машину. И из группы людей.

Программа – это инструкция для машины. Для некоторых природных машин инструкция дается от природы. Например, инстинкты – это тоже программы. Цикл поля – это программа, поле работает по природной инструкции – умножает урожай; но эта инструкция должна строго соблюдаться. Получается, что

программе подчиняются и поле, и человек-оператор, который на поле работает. Тогда собственно поле оказывается машиной-системой, состоящей из деталей – земли и человека.

Машина действует по программе. Человек обычно тоже – ведь он содержит множество деталей, работающих по принципу машины, можно сказать, что он на 99% машина, но человек может действовать не по программе.

Самое главное отличие человека от машины: машина действует только по программе. Даже её поломка предусмотрена программой. Человек может действовать исходя из своей воли. Если человек действует исходя из своей воли – он действует как человек. Если он действует по программе – он машина. Люди часто говорят: «Ой, я сделал это автоматически, я не хотел». Программа может иметь форму приказа или объективной необходимости. Программа выполняется человеком по умолчанию; чтобы ее преодолеть, нужна воля.

Главное: человек может не следовать программе. Он может делать свой субъективный выбор в рамках свободы воли. И это не будет поломкой. В этом его главное отличие от машины. Самосознание, мышление, рефлексия, сострадание – все эти термины могут плыть. В главном отличии – следовании программе – разница прописана максимально жестко.

Не главное, но важное: машина не выражает себя через свою деятельность. Машина вообще себя не выражает, самовыражение – это слишком человеческое.

Возвращаясь к основным отличиям человека – это свобода воли и сочувствие; в людях они присутствуют далеко не всегда, и обычно находятся в отключенном состоянии. А если это опции отключены – никакой разницы в функционировании между человеком и машиной нет. Человек получается в режиме машины. И в режиме исполнения программы, или врожденной, или, что чаще – культурной, заложенной в него извне. По форме – человек, по содержанию – машина.

Программа управляет машиной. Машина контролирует, чтобы программа исполнялась, согласно собственной программе машины-контролера. При этом программу саму можно назвать машиной. Таких закольцовок «машина-программа-машина» может быть множество. И в этом множестве, дополненном множеством еще и других взаимодействующих машин, бывает очень легко потерять первоначальный смысл машинного комплекса.

У машины три состояния: работа, простой и поломка. Смену этих состояний можно ошибочно принять за чью-то волю.

Программы – это софт, так принято, но даже компьютерные программы могут быть прошиты намертво, становясь буквально железом, хардом. Врожденные

биологические параметры людей – это хард. Приобретенные культурные программы – это софт. В данном случае важно противопоставление, а не абсолютное значение. Как и в делах компьютерных, программы могут прошиваться намертво, или устанавливаться так, что только отдельные специалисты в состоянии их перезаписать или стереть, а для прочих случаев получится то же самое намертво.

Программы могут выглядеть как традиции, законы, мораль, институты, привычки, инстинкты. Почти любой культурной код может стать программным кодом.

Животные

Животные – это машины, «известно» со времен Декарта. Потому что они исполняют свои программы-инстинкты. Животному можно задать новую программу, которая подавит инстинкт – но это тоже будет только программой. Животное предсказуемо, за исключением случаев поломки. На самом деле оно предсказуемо и в случае поломки, просто еще не научились это практически предсказывать, хотя теоретически вопрос решен.

Выбор животного – не свободный. При наблюдении окружающей среды в животном переключаются инстинкты; у какого в данный момент больший приоритет – тот и исполняется. Приоритеты записаны в отдельной программе заранее, и эта программа является заменителем свободы воли. А еще – имитатором свободы воли.

Скотина и насекомые проявляют свою волю – волю своих программ, и не имеют свободы воли. В отсутствие рефлексизирующего сознания их воля просто интегральный результат работы программ и инстинктов. Какая программа победит – та и выполняется. «Я», которое может выбрать программу, просто не существует.

Нужно признать, что Декарт со своим «животные – это машины» не совсем прав. Все сравнения хромают. Данное хромает хотя бы потому, что скотина страдает; машина страдать не может. Скотина хочет убежать и реализовывать свои скотские желания. Но, увы, не может, потому что ограничена своим собственным машинным началом. Скотина – это машина, но скотина не хочет быть машиной. Что интересно, как и человек. Скотина не знает, что не хочет быть скотиной, человек иногда этого не знает. Живое сопротивляется, и чем больше живого – тем сильнее сопротивление. Но и это сопротивление живого животного – оно ведь машинное, обусловленное программами-инстинктами.

Машинное живое оказывается против машинного мертвого. Машина может быть живой и может страдать – поскольку она машина только в видении человека-наблюдателя. Сначала скотина – живая. Потом она – машина. Этот момент важен, поскольку к категории скотины часто относят рабов и крестьян.

Животное – это и зверь, и скотина. Что вносит путаницу. Скотина – это дикий зверь, подвергшийся специализации.

И скотина, и зверь – это машины. Когда говорится об их универсальности, всегда имеется в виду относительная универсальность. Зверь универсальнее скотины, но как зверь он, естественно, специализирован на своем образе жизни в своем ареале.

Дикий зверь – это универсал. Скотина – это специалист. Еще раз, всё относительно.

Это может звучать странно: свинья – это специалист. Свинья – это специалист по производству мяса. Но это верно. А корова может быть или специалистом по мясу, или специалистом по молоку.

Есть универсальный кабан и специализированная человеком свинья. Это разные породы. В кабанае содержатся специальные свойства свиньи. А в свинье универсальные свойства кабана не содержатся. Свинья не выживет без человека. Человек может быть точно так же универсальным и специализированным. Из кабана свинью можно вывести просто, а наоборот, вывести из свиньи кабана – почти невозможно. Поскольку некоторые элементы генетического кода утрачены. Это позволяет говорить о кабанае как универсальном, а именно содержащем в себе свинью, и о свинье как специальном, ничего, кроме свиньи в себе не содержащем. Свинья – это количественный набор отдельных признаков кабана, сопровождающийся утратой других, не нужных признаков. Свинья – это сокращенный качественно кабан.

И раса, и порода – это наборы устойчивых видимых признаков, передающихся по наследству. Естественным, природным образом получившаяся порода называется расой, а искусственно выведенная порода называется породой.

Скотина – это первая биомашина, созданная человеком.

«Скотина» у людей – это ещё и ругательство. Скотина никогда не обвиняется в том, что она скотина; но скотина есть выражение всего низшего человеческого. Стыда и совести у нее нет, ничего не стесняется, гадит где попало, чем ведет себя, естественно, как скотина. Скотина не имеет представления о морали, скотине не читают мораль, если скотина лезет куда не положено, ее просто хворостинкой выгоняют на место.

Есть некоторая путаница: машина не может чего-то хотеть. Машины ничего не хотят, только имеют точку притяжения – аттрактор. Но скотина, бывает, чего-то хочет. Но скотина – это машина, а машина не может чего-то хотеть. Здесь проблема, скорее, со словом «хотеть»: у него слишком широкое переносное значение. Просто на примере скотины с этим словом еще можно разобраться. А на уровне таких абстракций, как «власть» и «государство», что тоже машины, разобраться гораздо сложнее. Поэтому когда речь идет о хотении власти, желательно вспоминать, что её технический уровень между скотиной и машиной.

В муравейнике есть только специалисты. Мир инсектоидов обычно не рассматривается людьми как мир положительный. Потому что инсектоиды ограничены. Что интересно, ограничены они той же самой специализацией – именно тем, что дает им преимущества при выживании и достижении успеха. Специализация ограничивает. И потому специалисты ограничены – своей специальностью для всего прочего.

Специализация – удел насекомых. (с) Хайнлайн.

Через специализацию проводится аналогия с насекомыми. Уже многократно современный мир, современная цивилизация называлась человекником. Не потому, что людей много; а потому, что все выполняют свои функции и при этом ограничены во всем прочем – как насекомые

Еще одна аналогия – механизизм процесса: что люди, что муравьи, все выполняют свои маленькие функции, что ведет к функционированию большой системы – муравейника, цивилизации, человекника. Специализация и механизизм оставляют за скобками мышления вопрос: а всё ли верно в этом процессе, туда ли он идет, и куда он вообще должен идти; если, конечно, вообще должен. Муравейник, цивилизация, человекник – не управляемы.

Специализация, конечно, удел насекомых. Но что удел людей? По принципу противоположности будет универсализация, но ведь это только средство для чего-то. Поскольку у людей как у вида есть только одна идея – быть, а далее – поддерживать качество и количество, то набор качеств и количество этих качеств должен поддерживаться. В этом и есть и «быть», и бытие, и удел людей. Но это только минимум. На этом уровне универсализацию можно сформулировать так: быть универсальным кабаном, а не специальной свиньей. Еще раз – это минимум, этого мало, но специальная свинья – это тупиковая ветка развития и эволюции.

У животных есть оценка, на базе которой выбирается действие и запускается механизм воли. Но выбор животного – это именно машинный расчет. Он может оказаться ошибочным, но только в результате получения ошибочных данных или ошибочного расчета, который делается на уровне инстинкта. Животное не

может сделать выбор исходя из своих внутренних ценностей, поскольку таких ценностей у животного нет, и механизма выбора этих ценностей у животного тоже нет, и механизма формирования. Только человек может создать ценностную иерархию, и выводить одни ценности из других. Эти ценности можно назвать моральными. Мораль есть подмножество культуры.

У людей есть всё то же, что и у животных. Но еще есть морально-ценностная надстройка. Через морально-ценностную надстройку происходит процесс воспитания. Если такой надстройки нет, то возможен только процесс дрессировки. Вообще процесс дрессировки возможен всегда – это процесс машинный. Примерная разница в том, что при воспитании человек понимает и выполняет, а при дрессировке не понимает, но выполняет. Воспитание – только человеческое. Дрессировка – для всех.

В силу отсутствия морально-ценностной надстройки животное не может, например, размышлять, чем подлец отличается от мерзавца, поскольку оба есть моральные категории. А если попытается – перепутает мораль с законом. У насекомого нет понимания смыслов. Кстати, эти два пункта наиболее удобны для отличия людей мыслящих от людей-машин.

Насекомое – это максимальная биомашина. Насекомое интеллектуально ограничено. Функциональность и компетентность не выходят за рамки друг друга. Оно полностью одномерно-функционально. Интеллект насекомого: влезть в комнату через невидимую щель и быть неспособным вылететь в открытое окно. О морали насекомого не говорят, её явно нет.

Насекомое рационально и функционально. Ничего лишнего у насекомого нет. Насекомое может видаться нерационально, но только в чужой среде, к которой насекомое не адаптировано.

Насекомые способны создавать невероятные сооружения. Но только по программе. И они могут создавать сооружения только одного типа, в чем их ограниченность. Все лишнее принесено в жертву одной функции, функциональности.

У нас нет больше поэтов, артистов, трагиков, революционеров, сумасшедших мистиков, воодушевленных чудаков, но все больше и больше зомби, которые только и умеют, что быть «функциональными». (с) Xavier Eman

Цивилизация – это среда адаптации и обработки человека. Среда задает правила отбора. Человек цивилизованный – это человек адаптированный, переработанный под запросы цивилизации.

Человек адаптированный к цивилизации разделения труда – это человек специализированный, что по сути – одомашненный, и через одомашнивание – ограниченный. Чем дальше в цивилизацию – тем больше скотины и насекомого.

Цели и средства

Машина – это средство для выполнения технической операции при производстве товара или услуги.

Есть диалектическая противоположность, дихотомия «цель – средство». Машина – это средство; специальное для чего-то средство. А человек – универсальная цель. Тогда вторая дихотомия – «универсальное – специальное». Дихотомия не четкая, поскольку цели одного процесса могут служить средствами другого процесса; когда процессов много и есть обратные связи, в них легко заблудиться.

Машина служит человеку. Машина, выполняя машинную работу, освобождает человека от этой машинной работы, предоставляя ему время для свободы: чтобы человек реализовывал свою свободу воли.

Машина может быть и живой. Животные – это машины, точнее, биомашинны. Лошадь используется как машина – и тогда она машина, но она живая.

Насекомые – это биологические машины. Многие особи настолько машины, что специализированы настолько, что даже не размножаются, являясь полностью средством. Животных тоже стерилизуют для повышения уровня специализации. И людей тоже – особенно практиковали это китайцы.

Некоторые люди захватывают и превращают в машины животных и других людей.

Орудия труда бывают молчащие, мычащие и говорящие. (с) Марк Варрон, Рим.

Когда человек используется как средство, то он используется как машина. Цель обычно – или другой человек, или программа. Чтобы человека было удобнее использовать как средство, этот человек расчеловечивается, он лишается тех или иных человеческих свойств, люди отказывают ему в признании этих свойств. Для создания скотины из зверя технология применяется примерно та же.

В машины превращаются не только люди, но и коллективы. Социумы, нации, государства, министерства – все эти общности могут работать в режиме машины, по программе. Обычно – ради высшей цели, которая провозглашается

как высший, освобожденный человек. И чаще, чем обычно, эти провозглашения оказываются спекуляцией.

Машина – в человекоцентрических координатах – это средство (обычно сложная система) для выполнения какой-либо работы. Но это если есть цель – человек. Бывает так, что человек куда-то исчезает, а машина по-прежнему выполняет заказанную ей работу, следуя заложенной программе. Например, человек ушел, а телевизор остался работать. Или в больших социальных величинах – люди ушли, а ливневая канализация продолжает работать. Или еще больше – люди построили государственную бюрократическую машину, вымерли, а машина продолжает работать, и другие, пришедшие на это место люди, ей подчиняются, но не знают, зачем происходит такой порядок вещей. С программами происходит та же ситуация: они переживают системы, для которых были написаны.

Машина служит... должна случить человеку. Машина и человек существуют только в отношениях цели и средства. Если цели и средства – человек и машина – меняются местами, то это уже выход за рамки дискурса, это уже не человек и не машина, это уже иной мир, антимир. Но этот антимир постоянно присутствует в реальности.

Человек

Вопрос «что такое человек» необъятно широк; рассматривать его в философском аспекте – отдельная бесконечная тема, в претензии на полноту он рассматриваться не будет; достаточно представить его как множество его свойств и противопоставлений. В данной теме он противопоставляется машинам и машинному началу. Человеческое против машинного. При этом от всяких претензий на четкость картины придется сразу отказаться; этой теме тысячелетия, но продвигается она совсем по чуть-чуть. Да, ориентиры есть; но ясности нет. Без блуждания не обойтись. Но, всё-таки, ориентиры есть, и их можно еще добавить.

Человек – теоретически – это высшая ценность, соответственно он смысл и цель. И поскольку он высшее, то смысл и цель берутся из самого человека, больше неоткуда. Человек – генератор высшего, в том числе всех высших смыслов и целей. Высшее можно представить не как что-то предметное, поскольку это будет спорно, а как направление к высшему. Человек – это направление к высшему, от зверя к трансцендентному. Чтобы человек двигался к высшему, он должен быть освобожден от низшего. А самое низшее – это рутинная, грязная, машинная работа.

- Ты всего лишь машина, только имитация жизни. Робот сочинит симфонию? Робот превратит кусок холста в шедевр искусства? – А ты, (человек), сможешь? (с) Я, робот.

Явное и туманное

Действительно, люди очень ограничены, и очень ограниченно разумны. Настолько ограниченно разумны, что почти неразумны в общем; можно сказать, что люди специализированно разумны. Как собаки и кошки, только шире. Например, организовать жизнь без эксплуатации – это вне пределов их разумности; даже если ненадолго мир без дикой эксплуатации получается – это праздник. Даже вопросы выживания – если брать в широком смысле – в зону разумности не попадают. Абсолютное большинство людей живут по принципу «кошка родила котят». Вижу – беспокоюсь и защищаю, не вижу – не беспокоюсь и не защищаю. Как и кошки, люди не реагируют на то, что вне их поля зрения. У кошки это поле совсем маленькое. А у людей редко превышает пару поколений. «После нас хоть потоп». Что будет с потомками потом? А то же, что и с котятками; выкрутятся, может быть. Точно как кошки, люди в массе не думают, какой мир они оставляют после себя.

Говорить о разумности человека – как средней статистической величины – в высших смыслах этого слова, в возвышенных, в универсальных – это слишком, средние статистические люди не разумны. Их разум не охватывает их среду и потому в масштабе среды не может изменить их жизнь. В результате и жизнь обычно строится крайне неразумным способом – и личная, и общественная. Выжившие сообщества выживают не потому, что оказываются разумнее конкурентов, а потому, что конкуренты оказываются еще неразумнее их. Эта конкуренция не на положительной части линии разумности, а на отрицательной.

Надобно признаться, человек очень глупо устроил свою жизнь: девять десятых ее проводит в вздоре и мелочах, а последней долей он не умеет пользоваться.
(с) Герцен

Человек не есть среднее; в среднем виде он бы до сих пор бегал по африканской саванне. Средний человек ничего не говорит о человеке как таковом. Высшая точка человека – это смыслогенерация. Но чтобы кто-то поднялся до уровня смыслогенерации, нужно огромное число труда низших порядков.

Человек есть процесс движения от низшего – к высшему, от простого – к сложному. И в обратном направлении тоже.

Путь человека – это условный путь вверх, конечно, желаемый путь, но не всегда действительный. Вверх – к повышению сложности системы структур и свобод. Сложные структуры верхнего уровня позволяют выбирать сложные свободы. Перестройка среды человека, в том числе социальная, есть этот же путь к новым свободам. Новые свободы – новые возможности выборов. А чтобы построить новые свободы – нужно построить для их поддержания новые структуры, тоже сложные и тоже высшего уровня. И этот путь тоже можно назвать

общим прогрессом человека – он и гуманитарный, и социальный, и технический. Забегая вперед, нужно отметить, что прогресс заметен только при развитии сообществ в рамках культур – по окончании культур-цивилизаций прогресс утрачивается.

И снова человек – цель, машина – средство. Средство для освобождения человека. Конечно, если собственно столь идеалистично нарисованный человек есть, если есть субъект освобождения. Хотя и наличие не столь важно – поскольку задан путь, такой человек вполне может появиться. Новый человек, лучший человек – очень старая мечта.

Что хорошо? Иметь выбор. Проявлять свою волю. Реализовывать свои возможности. Бездельничать. Заниматься интересной работой. Чувствовать понимание со стороны окружающих. Успешно взаимодействовать с окружающими.

Если мы заставим расти экономику, то в 2030 году человеку, по крайней мере в Европе и США, больше не о чём будет беспокоиться. ...Нам всем станет так хорошо, что никому больше не придётся работать. Мы сможем посвятить себя искусству, поэзии, духовным мирам, философии, будем наслаждаться жизнью и восхищаться теми «лилиями полевыми», которые «не трудятся, не прядут».
(с) Кейнс, 1930-е.

Для реализации возможностей и нужно освобождение человека от рутины, от машинной работы, от машинного вообще. Что плохо? Заниматься механистичной работой. Заниматься унижительной работой – но это несколько другая история.

Есть только два пути: путь человечности и путь механизации человека. У всех процессов в мире есть только два пути-направления движения.

Машинное и человеческое – это не абсолютные значения, скорее зоны значений. (Хотя в качестве примеров можно приводить абсолютные значения.) Это направления, это диапазоны, чтобы определять менее машинного – менее человеческого и наоборот, и тенденции – к более человеческому или более машинному. К тому же идеальный человек – это ведь тоже только направление.

Четких критериев нет, все критерии, что есть, размыты и туманны. Но даже такая среда не запрещает движение – или в сторону машинного, или в сторону человеческого; она просто делает движение сложнее. Направление к человеческому – это вектор, это стремление.

Два основных взаимодействия:

Человек как машина.

Человек против машины.

И далее синтез: человек против человека как машины.

Развитие происходило от простого – к сложному, от животного-машины – к человеку.

Человек возник над животной машиной – как новая надстройка: над ней. Человек поднялся из животной машины. Свободная воля – это всадник на био-машине. Животная машина – это база, это базовое животное, на котором возникшее человеческое едет подобно наезднику. Не будет этого базового животного – человека не будет, и он никуда не поедет. Поэтому отрицать, отвергать базовое животное нужно очень осторожно – если хочется остаться быть.

Внутренний зверь в человеке всегда должен быть. Потому что он – неотъемлемое человеческое. Он фундамент человеческого. А человек культурный должен этого биологического зверя в меру слушать и когда надо подавлять; в общем, держать под контролем, а когда нужно – спускать с поводка. Но и спуская с поводка, держать под контролем.

Когда, в какой момент начинается человеческое? Когда начинает осознаваться, что есть выбор. До этого выбор происходит автоматически, без подключения мышления.

Здесь можно вернуться к проблеме со скотиной: с одной стороны, она машина, а с другой – она страдает и имеет волю. Скотина – машина, потому что она не выбирает; она делает. А человек настолько ставится в положение скотины, насколько он не выбирает сам в силу внутренних ограничений. А насколько человек ставится в положение машины – настолько, насколько ему запрещено выбирать внешней силой. В человеке машинное и скотинное таким образом незначительно разделяются.

К страданию принуждают не только внешние факторы, к страданию принуждают и внутренние программы. Через это страдание живым существам задается движение, в том числе к питанию и размножению. За исключением страдания, скотина есть машина. И точно так же и многие люди – за исключением страдания, человек есть машина. Но не каждый человек.

Выбор делается на основе свободы воли, а именно применения этой воли мыслящей, самосознающей, рефлексирующей личностью. «Я выбираю так, потому что я считаю это правильным, хорошим, добрым и т.д.» Человек может иметь программу выбора, и может ей не следовать.

Машина – это не только объект. Машина – это еще и отношения между объектами. Можно относиться к чему-то как к машине, а можно – как к живому существу. Но выбор такой может сделать тоже только человек.

Всё, что есть в человеке, можно разделить на машинное и не-машинное. С машинным просто – эта часть и называется машиной или биомашинной. А немашинная часть... единственное, как можно это назвать – душа. Впрочем, некоторые школы отвергают наличие или этой немашинной части в частности, или этой немашинной части вместе со свободой воли вообще. Слово «одушевленное» происходит от «душа». Может ли машина быть одушевленной? Нет. Также критерий, все очень определено. Все ли псы попадают в рай? Слишком сложно и туманно.

«Задумайся о вещах – и придешь к людям. Задумайся о людях – и самим этим фактом уже окажешься заинтересованным вещами. ... Обрати взгляд на людей – и наблюдай, как они превращаются в электрические цепи, автоматические устройства, программный код. Мы не можем даже четко определить, что делает одних людьми, а других – техникой, однако мы можем точно задокументировать их модификации и замещения, их перестроения и альянсы, делегирования и репрезентации». (с) Б. Латур.

Логическое направление прогресса в человеке и в человечестве – в направлении «меньше машины, больше человека». Потому что иначе – или скотина-машина, или механически-функциональный человек – во всем этом меньше человеческого. И тогда это и есть прогресс человека – направление от машины. От изначальной машины-зверя и подальше от новой машины-скотины. В данном случае даже не столь важно, куда – главное от нее подальше.

Многомерность

Понятие «мерности» здесь перекликается с понятием мерности у Маркузе в «Одномерном человеке», но там нет однозначных определений; нет определений мерности, одно- и многомерности, но есть множество деталей.

Повышать свое место в иерархии, бороться за свое место в иерархии – для человека это столь же нормально, как для всех социальных животных. А чтобы жизнь людей была более полной, более насыщенной, более реализованной, у людей есть множество иерархий, т.е. человек – многомерен. И поэтому одномерный человек противопоставляется правильному многомерному человеку. Можно привести такую хромающую аналогию: на конкурсе красоты у одномерных людей побеждает одна, а у многомерных людей – побеждают большинство участниц. Чем меньше у людей измерений – тем больше у них неудачников.

Есть сетка измерений. Есть три измерения x , y , z и к ним еще четвертое – время. Но измерений может быть сколько угодно. Пространственных – три, пространственно-временных – четыре. А можно в каждую точку добавить температуру, например. И давление. Будет еще два измерения. Мир воспринимается человеком в многомерности. И у каждого человека – свое число измерений, которое он наблюдает. Бывает, что человек не слышит, у него нет измерения «слух». А бывает, что у человека нет измерений «любовь» или «высшее-сакральное-трансцендентное».

Под измерениями жизни нужно понимать ценностные системы, которые не конвертируются друг в друга. Например, деньги, честь, любовь, вера, совесть. Теоретически эти величины могут быть конвертированы друг в друга, но тогда они окажутся только одним измерением.

Вычислить измерения точно не получается; возможно, когда-то, но не сейчас. поэтому можно и иначе: измерение денежное/денег и измерение человеческое/человечности. Есть измерения справедливости и измерение милосердия, которые часто конфликтуют. Измерения действительно есть; но материя их слабо уловима, и постоянно движется.

Многомерность напоминает биологическую вариабельность. Но многомерность производна от биологической вариабельности и на ней строится, уходя вершинами в область культуры.

Измерения – они измерения жизни. Любовь, например – это измерение жизни.

Откуда произрастают измерения? Это сублимация инстинктов из области биологической в область культуры.

Человека можно представить в виде вектора, направленного отрезка, где направление выражает направление инстинктов, а размер выражает количество энергии. Тогда множество людей будет множеством таких векторов, и если инстинкты у людей примерно одинаково направлены, тогда у людей появится сначала одинаковый, а потом общий вектор направления движения. И когда все будут двигаться примерно в одну сторону, возникает направление национального: проекта, пути. А от того, сколько в людях энергии, будет зависеть скорость этого процесса.

А когда все направлены по-разному, то общего направления нет. Когда энергии мало, векторы оказываются маленькими и расстояние между ними получается большое. Векторы не могут выстроиться в одном направлении. Получается хаос или броуновское движение. Или шум. Шум массы или шум небытия.

Когда энергии недостаточно, (обычно при заболеваниях, которые сами энергию потребляют,) она распределяется так, что на какие-то измерения её не

хватает. В первую очередь начинают отключаться высшие материи – духовное, трансцендентное и т.д. потом измерения целиком, пока не остается простейшее животное измерение. Сначала отключается высший, культурный уровень, исключения редки. А когда и тут не хватает энергии, отключается высокая экспрессия инстинктов, они заменяются на симуляцию, а далее – инстинкты полностью. Но нехватка энергии – не единственная причина; часто ломается чисто сам инстинкт. В самом конце и инстинкт ломается, и энергии нет. Такие же процессы энергетической деградации происходят с возрастом в каждом человеке, и в группах.

Измерения позволяют строить структуры в этих измерениях, отдельные и различные. Эти структуры позволяют реализовывать множество свобод, и через свободный выбор действия проявлять человека.

Чем больше структур в измерении – тем выше уровень этого измерения. И тем больший уровень свободы может быть достигнут – потому что свободы строятся на структурах. А когда есть много измерений, то есть и много структур, и эти структуры из разных измерений можно заставить взаимодействовать.

Измерения растут вверх к усложнению, переплетаясь и тем самым одно другое поддерживая. А в точках их взаимодействия возникают произведения искусства.

Жизнь-бытие внизу уровней-измерений – это жизнь скотины. Жизнь-бытие в одном измерении – это жизнь насекомого. Человеческое, квалифицирующее, определяющее свойство человека – быть многомерным и повышать уровни своих измерений.

Для поддержания измерений человек должен обладать внутренними структурами. Среди них, например, представление о непричинении страданий, о человеческом достоинстве, и его компонентах-структурах. Эти структуры есть ограничения, которые позволяют повышать уровни для измерений.

Благодаря измерениям мир имеет огромный размер, он почти неисчерпаем, он поддерживает множество иерархий и возможностей успеха во множестве измерений. Одномерный мир мал, для личности почти бесперспективен, поскольку успех при наличии только одного измерения может быть только наследственным, и как правило быстро исчерпывается как именно бесперспективный и вызывает желание от мира как такового абстрагироваться по-дальше, в игры, например.

Становится все меньше людей, имеющих представление об измерениях вообще. И они говорят, что с миром ничего не случилось, каким он был, таким он и остался. Для них так и есть – они же не видели измерений, и даже не имели о них представлений.

«Что-то важное всеми утрачено» Есенина – это именно про видение измерений.

Одномерный мир исчерпывается очень быстро, поскольку все конвертируется друг в друга, и достаточно это понять, чтобы на этом познавательную фазу можно было закончить. Все элементы мира начинают смотреться сквозь все другие элементы мира. И это вызывает скуку. Одномерный мир скучен и уныл.

У универсальных, изначальных людей все измерения на месте. По ходу истории у людей сначала пропадает по одному измерению, обычно какому-нибудь разному или сложному. Когда происходят первые потери, люди догадываются, что это они что-то не чувствуют. С дальнейшим разрушением человека это понимание тоже начинает разрушаться. Когда у людей разрушается несколько измерений, они перестают понимать друг друга.

Если есть передатчик, но к нему нет приемников – никакого вещания не получится. Вещание осуществляется на волнах измерений. Если у людей нет этих измерений, они не смогут принимать вещание. Вне измерений любовь превращается из возвышенного чувства в «кидалово-чтобы-не-платить-за-секс», а новогодняя елка – из чуда в «нафиг-этот-мусор». Во всех случаях утрачивается сакральность, в первом сакральность любви и во втором сакральность праздника. Праздник без сакральности, (а для сакральности нужна еще и трансцендентность, и тоже как измерение) – это просто выходной или повод для пьянки.

«Бог умер» не от каких-то знаний – таких знаний нет, быть не может и никогда не было – он «умер» оттого, что его перестали чувствовать. Это следствие потери измерений.

Содержание праздника – причастность к высшему: к сакральному, к священному, к трансцендентному. Без содержания остается только форма. А пустая форма очень быстро начинает раздражать. Пустая форма – это шкура, а шкура – это ругательство.

Праздник из утраченного измерения теряет дух праздника, измерение праздника. Остается выходной и можно организовать пьянку. Но пьянку на самом деле всегда можно организовать, для этого не нужно мертвого праздника.

Трансцендентное – уровень, где все разные измерения сходятся в целое. В самом низу измерения не разделяются – это и есть одномерный человек. Далее они разделяются, а еще далее – сходятся. Но это гипотетическая модель.

Термины, которыми люди пользуются в начале или середине истории, становятся непонятными в середине-конце истории. Это тоже связано с потерей из-

мерений – смысл этих терминов находился в утраченных измерениях. В результате часть терминов теряется, от чего в смысловом пространстве появляются дыры, а часть придумывается заново.

Для раскрытия потенциала человеческой многомерности социальные системы поддерживают множество иерархий – вообще для разных способностей разных людей, но получается так, что и для разных измерений. Эти иерархии обеспечивают свободы реализации разных моделей успеха.

Многомерность – в некотором роде синоним сложности. Измерения – это категории жизни, и в каждой категории может быть определен свой уровень сложности. При прочих равных значениях сложные системы обычно побеждают.

Многомерность – понятие системное, т.е. его можно применять как инструмент почти ко всем возможным ситуациям, как эволюцию: не только к живым существам. В управлении миром, например, тоже наблюдается многомерность. Миром управляет не одна нация, не одно государство, не один племенной союз. Есть управляющие миром нации, и при этом есть управляющие миром государства, и есть племена, управляющие государствами, и при этом они взаимосвязаны в управлении. Эта двумерная – по минимуму двумерная – система опирается на множество наций, государств, племенных союзов, отдельных кланов. Инструментов второго порядка – корпораций, банков, правительств, организаций – еще больше. Эта система существует пока что, и пока что она сложна. Сложные системы эффективны в сложных задачах. Контроль над миром с целью регулирования и распределения ресурсов – (управление постепенно утрачивается, но это из-за потери смыслов) – это сложная задача.

Утрата измерений людьми ведет к утрате измерений группами. Нация в процессе жизни постоянно теряет измерения, проходя через бутылочные горлышки, пока не превращается в массу, которая одномерна.

Программирование людей

Человек программируется на большую часть своих параметров, почти полностью. Любой человек. Но некоторые люди, в частности так называемый человек массы, программируется полностью. И не может перезаписать свою программу. С ним может случиться глюк программы, и он слетит с катушек. Но это будет не контролируемый им глюк. Тогда возникает вопрос – а насколько он человек, если он полностью программируется?

У каждого человека есть зона программирования и зона свободы воли. Все люди программируются, потому что все содержат машинную часть. Вроде бы речь идет только о степенях управляемости; но количество может переходить в качество. Есть люди, у которых программируется всё; причем сложно сказать, толи у них есть только машинная часть, толи у них и человеческая часть

программируется. (Тогда ведь она какая-то не совсем человеческая?) Получается, что программируемое нечто двуногое есть, а свободы воли у него нет, да и представления о свободе выбора у него нет. Считается, что человек должен иметь свободу воли, чтобы манифестировать через это свою человечность.

Возможности программирования целостного здорового человека очень малы. Потому что он запрограммирован на жизнь изначально, и потому что он обладает мышлением. Ему дают программный код, а места в голове заняты, там уже свой код сидит. И здоровое мышление работает как антивирус. А массовый человек изначально жизненную программу (инстинкты как направление) утратил, и новые программы встают на это свободное место размером с сознание, в котором ощущается пустота. Мышлением этот человек обычно не обладает. И вообще близок к клиническому идиотизму в вопросах понимания мира.

Если человек не понимает причин и следствий, то они выпадают из его зоны свободы выбора, он уже не может что-то выбирать с их учетом. Выпадают и мораль, и добро-зло, и большое-маленькое, и реальное-нереальное... почти все выпадает, и ничего не остается. Тогда начинают работать встроенные программы, а снаружи начинают записываться программы внешние.

Программирование – оно от природы, все природные взаимодействия запрограммированы. Насекомые программируются запахами – почувствовав запах, они исполняют соответствующие действия. Млекопитающие и в том числе люди программируются образами. Вид ребенка приказывает: возьми меня и заботься обо мне. Женщины с легкими формами умственной отсталости и со слабым самоконтролем этот самоконтроль тут же теряют и воруют детей. Но это просто сильная программа, лишаящая свободы воли. На выборах современному избирателю показывают образ, подобно образу ребенка, образ отдает приказ внутренней машине, подобно «возьми меня», и избиратель идет голосовать за того, за кого приказано в образе.

Реклама – это программирование; не важно, товарная или политическая. Если человек положительно реагирует на всю рекламу, то о свободе воли говорить сложно. Но тогда насколько он вообще человек, а не машина – возникает вопрос; если он еще и не выражает эмпатии – тогда он 100%-машина. Человек может быть человеком и на одной эмпатии, да, поскольку она есть основа человечности; но без свободной воли, которая происходит от свободы выбора, которую еще и надо увидеть – это человек только этического плана, но никак не политического и не социального. Человека почти нет, есть туманные намеки.

Возможные варианты людей: 1. Свободная воля + эмпатия; 2. Только свободная воля; 3. Только эмпатия; 4. Ни свободной воли, ни эмпатии – но это человек только внешне-формально.

Машину можно научить изображать и свободную волю, и эмпатию. Но научить машину их переживать невозможно. С людьми, лишенными этих возможностей, ситуация такая же.

То, что управляется чьим-то рекламным бюджетом, сложно назвать человеком со свободной волей. Первый, естественный и правильный выбор свободы воли – послать рекламу-пропаганду подальше, поскольку она сама по себе есть попытка манипулирования-управления. А если не получается послать – значит, и свободы нет, и воли нет, и человека нет, только машина и остается. Но что не дает реализовывать свободу воли? Разрушенный универсальный интеллект, т.е. лишенный некоторых деталей, которые за реализацию и отвечают. Точную границу разрушения можно определить чисто приблизительно, поскольку она находится вне пределов машинной зоны.

...Обычному обывателю абсолютно на все наплевать. А есть манипуляторы, которые выполняют политехнологические программы, политехнологическую дорожную карту по нагнетанию в определенных болевых точках, при этом все выдают себя за «общество». А на самом деле никакого общества нет, люди живут от ложки до ложки ко рту, заняты своими повседневными делами, но в обсуждениях могут повторить, воспроизвести то, что слышат по телевизору. Промывка мозгов идет, поэтому то, что называется «обществом», – это способность масс повторить то, что они слышат по ящику. Вот и все. © Гейдар Джемаль

Можно добавить: не промывка мозгов, а кодировка. И люди могут повторить то, что слышали по телевизору, только в ответ на запрос. Потому что то, что они слышат, в их сознании не существует – в том смысле, что они об этом не думают, об этом не рефлексируют. То, что они слышат, откладывается на специальную полочку в мозге, а при получении сигнала-раздражителя содержимое полочки извлекается ртом. Или сразу горлом – тогда будет речекряк. Вместе с эмоциями, которые к этому наложенному на полочке прицеплены как бирки. Чисто машинный, автоматический процесс.

Двуногое очень часто кажется человеком, поскольку оно эмоционально, психически выражает свою позицию. Но когда начинается разбирательство его позиции, выясняется, что вся эта эмоциональность и психичность в него были просто загружены в виде программы. Он магнитофон, в котором крутится магнитофонная пленка. И всё «психо», «душа», тоже просто записано. Запрограммированный человек над словами не думает – они из него сами выскакивают, согласно программе, как записывались, так и выскакивают.

Теоретически машина – это управляемая система, а управляющая система – это человек. Но управляющая система должна быть сложнее управляемой системы – правило кибернетики. Человек должен быть сложнее машины, да. Но оказалось, что человек – величина не постоянная, что человеку свойственны

подъемы и падения. И в моменты падения машина оказывается сложнее человека, и машина оказывается управляющей системой. И тогда она и начинает программировать людей.

Большинство машин – абстрактные, культурные, и сидят в мозгах. Они программные, но управляют аппаратной частью.

К обществу

Общество – это непосредственная среда обитания человека. Общество – это форма организации людей. Это система, состоящая из людей, в центре которой находится человек. Вне контекста этой среды большая часть человеческого вообще теряется. Общество – это среда, и это структура, и естественно ограничивает свободу. Но поскольку свободы нуждаются в структурах-опорах, без общества большинство свобод вообще недостижимо.

Сначала общество живое. Когда общество умирает, оно сначала превращается в машину. Далее оно может приобрести формы партии и слиться с государством, но это посмертная «жизнь» общества.

Общество принуждает людей к действиям, как машина. И, как машина, не знает, зачем оно людей принуждает.

Общества со временем набирают инерцию, инерция формализуется в виде программ «так принято», и общества становятся машинами.

Общество начинается как общество свободы, а заканчивает как общество структуры. Общество структуры сложно назвать обществом, поскольку это принуждение к общему. Рабов-гребцов на галере сложно назвать обществом. Общество состоит из свобод и структур; когда свобод уже нет, это уже не общество.

Общество без свободы – это обременение людей, это нахождение в состоянии инерции проблемы, и невозможность в силу инерции отвечать на вызовы. Поэтому общества без свободы или умирают, или оукливаются, замыкаются в себе.

Точка притяжения человека, его аттрактор – самореализация. Человек может самореализации даже не хотеть, но всё равно как-то получается, что он к ней стремится. Так или иначе это выполнение заложенных в человека от природы программ, в том числе не только чисто биологическое выполнение, но и выполнение культурное, которое происходит из сублимации этого самого биологического на более высокие уровни деятельности. Общество – это среда самореализации.

Человек живет в среде и определяется и через эту среду. Эта среда – мир борьбы высших хищников посредством групп. Первый уровень – борьба в своей группе за доминирование, второй уровень – борьба самой группы в мире сражающихся групп за ресурсы. Поскольку задачи сложны, человек обладает нужными физическими параметрами и интеллектом для их решения, и этот интеллект – универсальный, для решения любых задач.

Свобода – это не убежать из общества, поскольку человек – существо общественное. Человек измеряется общественным взаимодействием, и вне общества человека нет. Свобода – это жить в обществе со своей свободой. Она, эта свобода, будет безусловно ограничена структурами общества. Но она должна быть, поскольку структуры без свобод не поддерживают жизнь как таковую. А по вопросу ограничений ищутся компромиссы. Это и разделение свобод во времени и пространстве, это и создание подобществ в больших обществах.

Пока существует общество, ему можно бросать вызовы. Когда общество заканчивается, бросать вызовы оказывается или некому, или только государству. Но государству они в той же степени всё равно, как и некому.

Общество – это поле перманентного боя структур и свобод. Победа любой стороны означает его гибель.

Общество обладает множеством измерений. Человек может добиваться успеха, реализации в разных областях. Общество многомерно, и эта многомерность обеспечивает успех разным типам людей, которые обществу нужны. Таким образом, через многомерную поддержку успеха, общество поддерживает свою сложность. А сложность нужна для поддержания внешней конкурентоспособности.

Человек обладает двумя планами: человек индивидуальный и человек общественный. В индивидуальном плане присутствует машинная часть. В общественном тоже присутствует машинная часть – как общественное животное. И эта машинная часть постоянно разрастается, лишая общество свободы. Например, через подражание, которое когда-то было подражанием положительному, но со временем стало вредным. конкретное подражание становится структурой, и лишает гибкости и далее конкурентоспособности. Конфликт машинное-человеческое существует и в людях, и в обществах. Человек и общество – по сути повторяющие друг друга объекты, фракталы друг друга. Почти всё плохое, что может случиться с человеком – болезнь, старость, смерть, потеря человеческого – может случиться и с обществом.

Специализация против универсализации

У популяции есть качество и вариабельность. Качество отвечает за универсальные параметры человека, вариабельность – за специальные, которые и есть специальные достоинства.

Вариабельность против качества – дихотомия. Например, есть человек средней комплектации. И это будет качеством. Но нужны и легкая комплектация – для кавалерии, и тяжелая – для тяжелой пехоты. Так качество вступает в конфликт с вариабельностью; потому что совместить в одном человеке все свойства невозможно.

Качество обычно выражается в виде золотой середины нормы, а эта середина обусловлена требованиями окружающей среды. Чтобы получить разных людей для разных задач, вариабельность нужно специально социально поддерживать, в противном случае система будет чрезмерно тяготеть к качеству.

Поддержка вариабельности запускается на социальном уровне с помощью многих средств, в том числе отказом от многоженства, раннем свободном выборе женщины, последующим ограничением на смену мужа женщиной, и т. д. Будучи раз запущенной, по инерции вариабельность будет расти. Но вариабельность противоположна качеству. Соответственно, качество будет падать. В мире сражающихся наций должна существовать точка максимально эффективного соотношения качество-вариабельность. Это когда у нации есть и качество, и множество разных вариантов людей, которые могут взаимодействовать и создавать сложные и высокоэффективные группы. Когда нация проходит эту точку, она становится успешной. Но она не может остановить рост вариабельности, и это ее уничтожает – через потерю качества.

Особые способности возникают в результате вариабельности-перераспределения, но это перераспределение не ограничивается только вариабельными изменениями человека. Детали для таланта берутся с любых мест, и это может приводить к повреждениям и базовой физиологии, и базовой психики.

Вариабельность создает качества, а потом эти новые качества начинают конфликтовать с вариабельностью. Вариабельность закрепляется в популяции и становится обязательным новым общим качеством, и при этом конкурирует с прежними качествами.

Селекция

Качество лежит в основе универсальности.

Вариабельность лежит в основе специализации.

Специализация обеспечивает успех, но только в мире, где конкурируют специализации. Например, чтобы построить достаточно танков и самолетов не хватает средств. Тогда кто-то строит танки, кто-то самолеты. Это выведение специальных родов войск, или – однокоренное слово – пород войск. И так не только с войсками. Так и с гражданскими отраслями, для которых выводятся породы специалистов.

Любой живой вид, в том числе человек, изначально специализирован через адаптацию к своим изначальным условиям существования в природе. Есть проблема с человеком – в том, что этих условий для человека больше не существует. Из африканской саванны уже убежал, а в стабильную цивилизацию ещё не добежал.

Заселял земли человек универсальный. А потом он под эти земли адаптировался. А после адаптации, тем более продолжительной, вернуть утраченные качества уже невозможно. Эскимос не сможет адаптироваться к жизни в Африке. Только если путем последовательного заселения с адаптацией, очень медленно. Также сложно вернуться не только эскимосу с севера, но и жителю цивилизации из собственно умирающей цивилизации к жизни.

Любая универсализация рассматривается с учетом видовой специализации высшего порядка; универсализация – это и есть видовая специализация; далее специализация рассматривается как утрата этой изначальной универсализации в пользу специализации новой, меньшей, приобретенной. Т.е. под специализацией понимается не изначальная природная специализация (раса), а новоприобретенная специализация (порода). В природе это просто эволюционные циклы: появился признак – расширили его на популяцию, появился снова новый признак – расширили его, а старый может исчезнуть.

В природе дикая корова умела бегать, прыгать, давать молоко. Это универсальный набор. Раса. Домашняя корова его утратила, и бегать и прыгать уже не может. Универсализация утрачена. Но она стала давать больше молока – и это стало ее специализацией. Породой.

В конце 18 века у одного фермера родилась овца-уродец с очень короткими ногами. Эта овца не могла бегать и прыгать. Но ее достоинство было как раз в этом. Она не могла перепрыгнуть ограду, и ей была не нужна овчарка. Минус оказался плюсом; и для овцы тоже, она получила громадный репродуктивный успех. Она была размножена до миллионных популяций. (Анконская мутация у овец). Но один момент остается – эта овца может жить только в цивилизации.

Это не дикий баран, который карабкается по скалам. По своей сути, такая овца – это уродство. Но она цивилизованная, это полезное в цивилизации уродство.

Точно по этой схеме нация-цивилизация, как селекционер, отбирает людей, которые кажутся успешными для жизни в цивилизации. Но если у овец положительным фактором оказались короткие ноги, то у людей – на последней стадии – таким достоинством оказались усеченные мозги. Они очень полезны в промышленном массовом производстве. Нет, цивилизация ни в коем случае не отбирала людей по усеченным мозгам – цивилизация отбирала по достоинствам – она отбирала специалистов – но у специалистов, а далее и у их потомков, мозги оказались как раз усеченными. Все почти точно так же, как с овцой; у людей только чуть сложнее. А овца тоже была специалистом – по неубеганию.

Селекционеры не были против длинных ног овец, селекционеры хотели, чтобы овцы не убегали за изгородь. «Селекционеры» были не против универсального интеллекта людей, «селекционеры» хотели интеллектуальных достоинств, но достоинства надо было делать из чего-то. Варибельность-специализация делается из качества. Интеллектуальные достоинства сделали из деталей универсального интеллекта.

С мозгами людей происходит то же самое, что с ногами овец – они ограничиваются, поскольку так удобнее цивилизационной гипермашине. Вырождение человека – это побочное явление, вырождения никто не хочет, как селекционеры не хотят падения качества.

Цивилизация и есть селекционер. Не люди адаптируются, а система сообразно своим алгоритмам выбирает каких-то людей и обеспечивает им хорошую, можно сказать «адаптированную» жизнь. И эти какие-то люди приоритетно размножаются. Сложно сказать, что специалисты адаптируются. Нет, они родились с особыми параметрами. А система, которая большая социальная машина, решила, что они и есть адаптированные – к ней. Система предъявляет на таких людей спрос. И поскольку они пользуются её спросом, вознаграждает их успехом.

Человек превратился в товар и рассматривает свою жизнь как капитал, который следует выгодно вложить. Если он в этом преуспел, то жизнь его имеет смысл, а если нет – он неудачник. Его ценность определяется спросом, а не его человеческими достоинствами. © Эрих Фромм

Универсальный интеллект

Универсальность означает максимально широкий охват всех параметров. А максимально широкий охват параметров означает, что качества распределены между этими параметрами в общем равномерно и никаких особых, выдающихся параметров быть не может.

Человек вообще и изначально есть человек универсальный, и противопоставляется он человеку специализированному. Но не просто специализированному – в специализации по сути нет ничего плохого, а человеку, ограниченному специализацией и потому ограниченному в человеческом. Идея, что специализация идет в ущерб, всегда присутствует и в 99% случаев верна.

Можно выделить отдельные значащие группы параметров:

- Универсальное здоровье
- Универсальные физические качества
- Универсальная работа инстинктов
- Универсальные альфа-качества
- Универсальный интеллект (УИ)

Одинаковые друг друга понимают. Одного языка недостаточно – нужно еще и одинаковое представление мира. Одинаковые параметры создают уровень одинаковости, на котором возникает понимание между людьми. А из этого понимания возникает возможность построения общества – на базе этого общего.

На базе этих универсальных параметров возникает универсальное понимание, которое становится общим и далее приводит к возникновению и поддержанию общества.

Все эти качества есть общественные структуры, на базе которых строятся свободы. Поскольку в каждом обществе есть свои особенности для этих групп параметров, национальные и религиозные, то и свободы у разных групп различаются. Но у здоровых групп они различаются очень незначительно, поскольку в базе лежит одинаковое. Здоровые сообщества друг друга хорошо понимают, как и люди. А при взаимодействии здоровых сообществ и нездоровых возникают непонимания.

У любого человека есть универсальные для всех людей детали, и индивидуальные, оригинальные от прочих детали. Чем больше универсальных деталей – тем проще человеку взаимодействовать с другими, с обществом. И наоборот.

Универсальный интеллект – это деталь универсального человека. У которого восприятие реальности происходит из его универсальности. Поскольку универсальность людей в общем одинакова, то и восприятие этих людей тоже в общем одинаково. И только тогда они понимают друг друга и способны к организации.

Можно представить, что у интеллекта есть 100 параметров. Чисто например, выделить можно любые подобные цифры. Универсальный интеллект располагает всеми 100 параметрами. При этом каждый параметр может быть больше нормы или меньше средней нормы. Но поскольку этот параметр есть, то он есть, и каждый из 100 есть, то интеллект считается универсальным. Интеллект становится специализированным, когда из одних параметров создаются другие. И параметры-материал просто исчезают. В таком случае интеллект перестает быть универсальным. Когда интеллект перестает быть универсальным, восприятие мира, которое через него прогоняется, меняется, и поскольку оно меняется, возникают индивидуальное понимание и общее непонимание. Та же самая ситуация, тот же расчет с параметрами человека вообще. Но немного иначе: интеллект может быть не затронут, УИ на месте, но если есть серьезные рекомбинации или отсутствие деталей в организме, восприятие мира все равно меняется через восприятие сознанием этого факта отсутствия. Снова возникает непонимание. И еще момент, усугубляющий непонимание – люди не понимают, что элемента нет, какого элемента нет; и не понимают, что именно они не понимают, как и почему.

Человеческая родовая структура устроена так, что человеку нужно множество типов интеллекта – и логический, чтобы замечать закономерности и создавать абстракции, и социальный, чтобы понимать отношения в группе, и рефлексия, и другие, сложно выявляемые варианты (например, интеллект на уровне абстрагирования – способность от множества частных переходить к общему). Вообще интеллекты логический и социальный – это само по себе чисто практическое обобщение множества разных интеллектов-функций. При наличии всех вариантов интеллекта, все варианты работают вместе, создавая синергический эффект (умножения эффективности), и компенсируя суммой нехватку одного из видов интеллекта.

Человек обладает множеством различных интеллектов, которые в сумме можно назвать универсальным интеллектом. Эта система поддерживается на уровне биологии, с дочеловеческих времен. Альфа-самцу, чтобы стать альфой, нужны все виды интеллекта, в сумме нужен универсальный интеллект. Без этого нельзя стать альфой. Здесь принцип курицы и яйца.

Универсальный интеллект – это интеллект суммы. Это набор множества деталей, которые в сочетании дают множество разных интеллектуальных способностей. Например, способность к критическому мышлению. Или другая способность – способность замечать в видимом. Есть даже специальный языковой

ряд: смотреть – видеть – зреть. Можно смотреть, но не видеть. Можно видеть, но не зреть. Зреть – значит понимать, что происходит за внешним видением, понимать суть увиденного и добавлять то, что не видно. И эта способность тоже предопределяется наличием универсального интеллекта. Сюда же можно отнести понимание общих закономерностей, вроде «от осинки не родятся апельсинки».

В универсальном интеллекте (УИ) содержится критическое мышление. Если убрать какой-либо значащий элемент этого интеллекта – и критическое мышление исчезнет. А убрать другой элемент – исчезнет мышление, например, абстрактное. А оно отвечает за выраженность (экспрессию) сочувствия (эмпатии).

Универсальный интеллект привязан ко всем прочим человеческим элементам. Если, например, инстинкты не работают или работают не верно, на вход универсального интеллекта будут поданы неверные данные. УИ попытается их обработать так, как будто инстинкты работают. И логично выдаст неверное решение.

В случае генетической рекомбинации элементы универсального интеллекта могут быть пересоединены иным образом, что приводит к повышению интеллектуальных особенностей в одной области со снижением в других областях. Такой рекомбинированный интеллект можно назвать специальным – поскольку в одной из областей он превосходит универсальный. Но в других начинает уступать, и обычно сильно.

Конфликт универсального интеллекта и специальных интеллектов – это конфликт качества и вариабельности. Черепная коробка ограничена, так что приходится, точнее говоря, не приходится выбирать что-то одно – или качество, или вариабельность; или универсальный интеллект, или социальный. Подобная ситуация очень популярна в природе: например, наблюдается со зрением у разных видов: есть виды с хорошим цветовым зрением (человек), с хорошим зрением в темноте (кошка), и с дальним зрением (орел); но нет видов, у которых бы хотя бы два вида хорошего зрения присутствовало. Как ограничен мозг, так ограничен и глаз, и другие органы. А если у какого животного какой-то орган чрезмерно развит, что делает животное конкурентоспособным за счет этого органа, то множество других органов оказываются в упадке.

Универсальный интеллект – есть еще и инструмент реализации свободы воли. Если этот инструмент работает неправильно – воля перестает быть свободной, поскольку интеллект представляет сознанию неверную картину мира. Ложные данные не дают возможность сделать свободный выбор – поскольку выбор на ложных данных есть ограниченный и не есть свободный.

Стержни

Если делить все сущее на свободы и структуры, то у людей должны быть структуры, которые и определяют их как людей. Это общие свойства, которые являются в то же время и ограничениями. И в рамках заданных ограничений можно определять человеческое.

Есть структуры главные, есть второстепенные и производные. Стержневыми, или стержнями можно назвать главные структуры – все остальное держится на них, с привязкой к ним. Главные – это универсальные, и универсальные – это главные.

Человек в цивилизации без этих стержневых структур может прекрасно прожить. А общество – нет, не сможет, потому что через эти стержни задается общее общества.

Положительная оценка альфа-качеств создает положительность как таковую, якорь, стержень, критерий положительности. Этот стержень один и он универсален; быть сильным и спокойным считается хорошо и у индийских макаков, и у английских лордов, а быть задротом-истеричкой плохо и у африканских шимпанзе, и у амазонских индейцев.

Через эти качества, через этот стержень общества имеют биологическое общее и одновременно базовое общее. Если его убрать, понятие положительности станет совершенно условным, ни к чему физическому не привязанным, по сути любым и прийти к нему будет очень сложно, поскольку все люди разные.

Например, красота – это хорошо или плохо? Красота обычно связана со здоровьем, и поскольку здоровье есть в альфа-качествах, то и красота – это хорошо. И так можно пройти по всем человеческим качествам.

Направление, которые указывают здоровые инстинкты, в том числе доминирование, например, тоже является стержнем и якорем. Это не означает, что они должны быть разнузданы и в этом потакаемы; это значит, что нужно понимать, что они есть, и что они задают направления жизни. Если инстинкты не подразумеваются, или подразумеваются по-разному, то договариваться становится невозможно. Понимать, что хотят другие – тоже. И организовываться – тоже.

Альфа-качества задают явный стержень. Универсальный интеллект задает стержень менее явный, но когда стержень универсального интеллекта размывается, пропадает взаимопонимание и люди оказываются не в состоянии взаимодействовать и организовываться.

Инстинкты задают стержень для понимания базовых явлений и направление общей активности.

Альфа-качества задают стержень для положительности всех явлений.

Универсальный интеллект есть стержень для понимания и организованности.

Три этих стержня определяют также базовое соотношение свобод и структур везде и во всём. Все эти стержни относятся к зоне естественного и определяют естественное (натуральное, природное) право. А непонимание этих стержней предопределяет различие в понимании естественного права.

Стержни определяют следующий набор производных правил, который и является нормой. Нет стержней – нет нормы и нормальности как критерия. Нормы отсчитываются от стержней как расстояние до них.

Альфа-качества, инстинкты и универсальный интеллект есть меры и стандарты всех вещей, привязанные к биологии и потому единые для всех. Универсальный интеллект – это база для критического мышления и способности зреть суть вещей.

Стержни – это биологический хард, для которого потом пишется моральный и культурный софт. При написании софта главное – правильно понять хард. В общем его понимали правильно, но до конца правильно никто не понял ни разу.

Стержни отвечают на вопрос «а с какой стати?» С какой стати, например, нужно признавать предлагаемую моральную систему? А только с той, что она привязана к стержням. Привязанной к стержням может быть только одна система; непривязанных систем может быть сколько угодно. Но тогда – по причине множественности, это будет уже не система. Да, есть моральные системы совершенно уродливые. Но они – результат общественной деградации. Они, эти уродливые системы, существуют в пространстве множественности систем и в реальной отвязке от стержней. Здоровый человек к стержням привязан, и нездоровый, выросший на здоровой культуре, тоже к стержням через культуру, опосредованно, но привязан; и потому то, что не привязано к стержням, и видится этим людям нездоровым и уродливым.

Культура должны произрастать из биологии, из природы, быть их продолжением, только в этом случае она будет культурой жизни. Культура должна быть продолжением биологии и произрастать в том же направлении, как веточки произрастают из веток. В виде схемы это может выглядеть так: есть дерево, и от ствола до середины между краем и стволом рисуется контур. То, что в контуре – биология, то, что вне контура – культура. Или иначе: рука – биология, перчатка – культура. Перчатка-культура должна быть продолжением параметров руки-биологии; она должна иметь пять пальцев, и быть правой или левой.

Базовой основой любого общества, любого общественного понимания являются универсальные элементы, встроенные в человека. Но чтобы эта система

не плыла, чтобы не было смыслового дрейфа, она еще и усиливается культурными структурами, где каждому явлению дается значение в нескольких системах координат (кроме универсальных элементов и в дополнение к ним). Эти системы – мораль, религия, язык (контекст языка и далее закона), культурные (национальные) традиции. Они поддерживают друг друга перекрестно, через точки пересечений. Подобно укрепляют вертикальные столбы, прибывая к ним диагональные балки. Если, например, религия и культурные традиции развалятся, то язык и мораль начнут плавать в смысловом значении, и система начнет разрушаться дальше, глубже, к фундаменту – развалится мораль. Останется только язык, который каждый будет толковать по-своему. А если язык получится толковать по-своему, то и закон тоже каждый будет толковать по-своему, а реализовываться он будет с позиции силы: кто сильнее, того толкование (лукавство) и работает.

Лукавство – это по форме правильно, а по сути издевательство. (с) Ленин.

Доля лукавства, которое более не сдерживается, растет, и жизнь определяется в первую очередь лукавством, которое имеет гораздо больше значение, чем закон.

Одновременно, когда все постепенно утрачивается, возникает пустота. А в этой пустоте периодически расцветают всевозможные карго-культы. Так что даже наличие стержней не является гарантией выживания национальной системы; но развиваться она может только при наличии этих стержней. И, конечно, культура, скрепляющая эту конструкцию, должна вдоль этих стержней произрастать, должна им соответствовать, а не быть произвольно взятой из другого временного контекста или другой цивилизации.

Человек и общество

Есть правило: жизнь должна продолжаться, развиваясь, приобретая новые качества и количества во всех направлениях, экспансируя в новые пространства. А почему? А нипочему, это базовое, животное направление, не обсуждается в здоровых обществах. Это машинная-животная часть человека, её можно и нужно обуздывать, но ее нужно беречь, потому что без неё человека уже не будет. Само появление вопроса означает, что с обществом произошел поворот не туда, в сторону от жизни.

«Дети нужны для поддержки в старости... или и т. д. и т. п.» В биологически здоровом обществе такие рационализации не нужны и такой вопрос не может быть поставлен. Поскольку дети – это полностью естественное, настолько естественное и биологическое, что сам факт постановки вопроса неверен. Вопрос не должен ни возникать, ни ставиться, ни рассматриваться. Иногда животное восприятие вещей – именно верное. X ради X означает тавтологию и далее спектакль. Случай с продолжением жизни – исключение.

Дискурс смысла тоже должен иметь рамки. Продолжение жизни, которое не обсуждается – это та же рамка. Хотя рамкой вполне может быть уход от материальной или иллюзорной стороны жизни. Но это уже будет другой дискурс. Буддистский, например.

«Общество» в виде клана и племени – это изначальная человеческая социальная единица; все человеческие формы взаимодействия построены на нем. (Конечно, это натяжка, племя – это не общество, это племя, это биологическая база (рука) для культурного феномена – общества (перчатки)). Племенные базы ограничены в разнообразии, а общества на их базе могут быть самыми разными – вплоть до того, что общества могут быть не на базе племени. Эта разность общественных возможностей позволяет раскрыть потенциал для разных адаптаций. Через общество проходит всё основное человеческое, человек – существо общественное и далее – социальное. И в качестве человека – человек не сам по себе, а общественный. Общество – его среда. Общество – первичная среда, а не саванна и не город. И мир сражающихся групп – тоже его среда.

Животные процессы идут, они и должны идти; над ними возникает человеческая надстройка – культура.

Общество характеризуется культурой; у него много параметров, нужных для общего здоровья, но они нужны всем обществам, и каждое характеризуется культурой. Чем больше человеческого накапливается, тем больше человеческое становится равным культурному. Без культурного содержания жизнь становится или звериной, или скотской. Но никак не человеческой. Конечно, только культурного недостаточно, это всё-таки надстройка.

Механическое может включать в себя культурные моменты как видимость и обман – но эти моменты только кажутся культурными, это как обезьяну можно выдрессировать, чтобы она имитировала молитву, например. Или еще проще – крутила молитвенный барабан. Такая молитва не будет культурным явлением, поскольку в ней нет осознания. Именно по линии осознания культурных элементов можно провести границу культуры и ее механической имитации.

Механическое противоположно осознаваемому. С разумным гораздо сложнее, поскольку трудно провести границу разума человека и машины.

Группы и институты

Институт – это обычай, учреждение, а может быть учреждение с обычаями. Или группа с традициями, не обязательно оформленная, или сама традиция функционирования группы. Институт брака. Институт власти. Институт чести. Институт наследования рабочих мест, например.

Институты по сути своей являются феноменами культурными. Они росли и выросли, и поскольку это так, они стали в той или иной степени традиционными. И одновременно они являются программами-алгоритмами.

Группы людей (как и отдельные люди) могут быть машинами настолько, насколько они исполняют программы. И если группа только исполняет программу, то она является машиной. Альтернатива – исполнение свободной воли людей. Да хотя бы одного человека в группе.

Институты оформляют группы людей. Люди оформляются в институты. Общество состоит из институтов – и из обычаев-традиций, и из учреждений – не обязательно формальных. Неформальные учреждения играют обычно даже более важные роли.

То, что работает по программе, является машиной. Институт вполне может работать по программе. И в виде программы-обычая, и в виде программы-регламента-учреждения. Институт и сам может быть программой – для группы людей, например.

Цивилизация у Шпенглера делится по времени на две части – живую культуру и умирающую цивилизацию. График вверх и график вниз. Но жизнь любого института тоже может быть разделена на те же самые живую культуру и умирающую цивилизацию. В жизни института программы сначала создаются, а потом стабилизируются и накапливаются. Эти программы являются структурами. Эти структуры сначала работают на повышение эффективности, обеспечивая новые свободы, на первой стадии; а на второй рост их количества начинает ограничивать свободы внутри структуры. Относительно молодой институт может провести реформацию; но с тем, как он стареет, избавиться от старых программ становится все сложнее. Система окончательно лишается свободы и костенеет. Кстати, всё как и у человека. Да и *«старого пса не научить новым трюкам»*, (с) народное.

Нация и масса

Народ имеет два состояния – нация и масса. Нация – здоровое, живое состояние, масса – болезненное, бесформенное, умирающее, иногда скандальное, но редко. Нация иерархична, масса однородна. Нация состоит из классов, сословий, обществ и племен, масса состоит из людей и семей, а в конце только из людей. Нация условно соответствует культуре, а масса – цивилизации. Но эти два состояния – нация и масса – не обязательно происходят в цивилизации, они происходят в ней тоже в максимальном выражении. Они могут происходить по-минимуму в любом социуме – и сословии, и в классе, и в корпорации.

Чтобы быть нацией, народу нужно качество – а именно универсальные качества. И это качество должно быть рассеяно во всем народе. Когда это рассеянное качество достаточно высоко, внутри народа происходит строительство иерархий – как менее энергетически затратных по сравнению с хаосом, как выброс его избыточной энергии – и он становится иерархичной нацией. Когда качество падает, нация становится массой, хотя формальные иерархии иногда сохраняются. Для нации свойственны иерархии в виде свобод; для массового периода свойственны иерархии в виде структур.

В сумме, нужны общее универсальное качество населения и повышенные универсальные качества отдельных групп – тогда возможна нация. Нация – это не какая-то группа над народом или над массой; это именно результат упорядочивания качественных элементов народа в иерархии, нация есть функция от концентрации качества. А для концентрации качества нужно его наличие. Нация есть структурирование народа.

Масса в структурно-биологическом плане – это результат адаптации народа к уже существующим городским структурам с проеданием этих структур. Кстати, это лучше всего объединяет люмпен-массу и власть-массу. Сначала люди строят структуры, потом перестраивают структуры. Потом структуры накапливаются, и их становится очень много; а качества людей всё снижаются. В результате если первые люди просто строили структуры, как хотели, в средние времена люди перестраивали, адаптировали структуры под себя, то в поздние времена люди адаптируют себя под уже имеющиеся структуры. Начинают налаживать жизнь в щелях огромного механизма, машины, построенной предками. Хотя не обязательно даже предками – очень часто хозяева цивилизаций вымирают, а другие народы набиваются в щели и повторяют судьбу хозяев.

Необщество

Обычная, традиционная и правильная среда человека – это общество. Общество есть базовая среда человека.

Общество – это группа людей с чувством единства, к которому добавляются формальные признаки идентификации. С использованием которых создается культурное ядро общих ценностей и алгоритмов.

Общество культурное, позднее, есть продолжение общества биологического, раннего, изначального. Большие общества могут включать в себя меньшие общества. Чем больше общество, тем ниже его требования к членам, и тем слабее связи. Самые большие общества – нации и религии; но далеко не всегда нации и религии являются обществами, это скорее исключение. Они начинали как общества, но общественное в них давно прошло, превратившись в набор структур.

Три стадии родства-общества:

Чувство родства без родства крови – это общество. (Это высшее состояние).

Чувство родства при наличии родства крови – это состояние гомеостаза, природного равновесия, это еще не общество, это ещё необщество. (Это естественное).

Отсутствие чувства родства при наличии родства крови – это вырождение, это уже необщество (Это противоестественное). Но иногда это конечное состояние становится первым состоянием, и здоровые люди собираются отдельно и создают новое общество – с чувством родства без родства крови (по Гумилеву – консорцию).

Есть такая фраза: «массовое общество». Но иногда правильно было бы «массовое необщество». Общее основано на общих элементах, которые обязаны быть универсальными – иначе их не понять всем, что нужно для возникновения общего понимания. В «массовом обществе» всё общее-универсальное утрачено, поэтому называть его «обществом» совершенно неверно, «общество» как раз должно быть противоположно по всем смыслам «массовому необществу».

«Массовое общество» можно найти только как переходную стадию от общества к необществу, очень непродолжительную. Массовое общество – это некоторый промежуток организации жизни людей, когда их общество распадается, но еще не распалось. Т.е. общества на самом деле уже нет, но взаимное человеческое гуманное отношение еще есть, и структуры общества, которого уже нет, еще есть. Например, эти структуры – это деятельное участие в жизни других людей, который якобы относятся к обществу.

Необщество – это общество согласно только формальным признакам, утратившее собственно скрепляющее общее. (Да, утратившее скрепы.) Обычно возникает на месте умершего общества, но может и возникнуть как карго-культ там, где никакого общества не было.

Под моралью понимаются не теоретические умствования, которые никому не интересны, а практический моральный кодекс, определяющий, например, что хорошо, что плохо, кто подлец, кто мерзавец и чем они отличаются. И естественно, в обществе представление о тонкостях морали имеют авторитетные представители, которых единицы (в том числе штатные, вроде служителей культа, одновременно занимающихся моралью). В основном люди имеют понимание морали, хорошего-плохого только на самом примитивном уровне. Но этого уровня достаточно для общего и общества, чтобы через него проводить трансляцию моральных принципов. А масса-необщество не имеет понимания и на примитивном уровне, и трансляцию не поймет.

Уровень общества многократно выше, чем уровень необщества. Потому что имея общие понятия и не имея нужды каждый раз договариваться о каком-то новом шаге, достичь высшего гораздо проще, чем путем достижения договоренности по каждому пункту. Причем в необществе эта договоренность не сохраняется, и каждый следующий раз ее приходится снова достигать.

Когда универсальный интеллект не является базовым для населения, то невозможно не только понимание. Невозможна и общая мораль, в том числе общее представление о добре-зле. Дальше становится невозможной и общая культура. А в конце и прежние языковые понятия каждый начинает наделять новым содержанием, в меру своего понимания – а общего понимания всё равно больше нет.

Нет общей морали-культуры – нет общества. Нет взаимопомощи – нет общества.

Термин «необщество» предназначен для устойчивых иллюзий, симулякров, государственных и групповых имитационных проектов вроде «мы одно общество, мы один народ», в отношении которых делаются заявления и от имени которых делаются заявления, и к которым приписываются какие-то действительно существующие люди. Люди, относимые к обществу, обычно существуют, но общества такого у этих людей нет. Сумма людей, которым неверно приписывается «общество», и есть необщество. Например, интеллигенция в РФ в 2010-х.

Необщество – собрание случайных людей, которое, как один из вариантов, когда-то было обществом. Соответствует массе и является частью массы. А поскольку оно когда-то было обществом, у людей необщества может существовать иллюзия, что они – общество.

Как проверить общество, например? В обществе проблемы в той или иной степени общие. Если у кого-то нет денег, то это – проблема общества. Если человек обращается к обществу с этой проблемой и получает деньги тем или иным способом – это общество. Если человек обращается с этой проблемой, и ему говорят, что это его проблема, или дают советы – это необщество. Многие необщества хотят показать, что они общества, например, госсистемы. Когда общества умирают, госсистемы, и иногда однопартийные партии занимают их пустое место. Но их спекуляции на ложном единстве, в том числе госпатриотизме, давно вскрыты и высмеяны.

Для общества общее должно быть внутренним и органичным, а общее внешнее принуждение, государственное, например, – это совсем не то, совсем не внутреннее и не органичное.

Многие люди хотят жить в обществе и живут так, как будто живут в обществе, но на самом деле общества у них нет, они выдают желаемое за действительное, в том числе и самим себе. И при этом часто возмущаются по поводу и без: «куда смотрит общество!?!»

Привязки и контроль

Любое сложное явление не может быть точно оценено по одной шкале; одна шкала годится только для простейших явлений. Поэтому религия и мораль создают систему множественных привязок, как в GPS – привязка осуществляется к трем передатчикам сразу. Какова связь системы справедливости и морали? Системы справедливости и религии? Строится структурная сетка, и эта сетка ограничивает свободу толкования. И тогда уже сложные явления становится возможным определять. В качестве элементов структурной сетки используются общие принципы, общие книги, и книги с частными историями (Сунна, например), которые служат дополнительными привязками. Все эти привязки позволяют избежать «лукавства» – т.е. формального подхода, позволяющего манипуляции с толкованием.

Система законов – одна из систем. Законы можно трактовать как угодно. Чтобы этого не было, система законов привязывается к системе морали и ее подсистеме-справедливости. Из системы морали-справедливости выводится дух законов как системы, и с этим духом и должна согласовываться буква закона. И если буква закона не нарушается, но лукаво обходится, тогда ставится уже моральный вопрос о справедливости. Законы исполняются в среде структур, а не в среде свобод; только в среде структур они исполняются одинаково. При исполнении закона постоянно проверяется само исполнение закона – насколько это справедливо, насколько морально, насколько культурно и насколько соответствует мере гуманности общества; как правило, все эти проверочные критерии в свою очередь привязаны к религии.

Остановить, поставить на место подлецов и мерзавцев может только общество, а у общества должны быть мораль и религия – как инструменты для этого. Какие-либо иные структуры, кроме общественных, сделать это не могут, поскольку подлецы и мерзавцы находятся вне их измерений и по сути вне их видимости; быть таковыми – это ведь не преступление, и закона нет, а свобода ими быть есть.

Справедливость происходит из идеи, что существует – пусть как идея – справедливый миропорядок. Этот миропорядок периодически нарушается, и справедливость – это его восстановление. Справедливость – это категория моральная. Когда мораль начинает утрачиваться, размываться, в законе делается попытка ее формализации. Но полная формализация справедливости невозможна, поскольку моральная категория не может быть полностью формальной, полная формализация убирает моральную составляющую. Мораль допускает

свободу, и мораль есть инструмент обеспечения свободы не менее, чем обеспечения структурности; полная формализация есть полное структурирование, что отрицает свободу.

Мораль можно нарушать, и это есть зона свободы и зона маневра. Отрицающая свободу выбора мораль есть уже закон. Сама система справедливости – это система многомерная, допускающая подход к одним вещам через другие, и одновременно система контроля и оценки одних вещей через другие.

Слово не прочно, им можно манипулировать.

Мысль изреченная есть ложь (с) Тютчев. Изреченной мыслью легко манипулировать.

В основном – с целью лукавства: с целью посредством манипуляций с формой, в том числе со словесными формами, получить что-то содержательное для себя.

Лукавство находится вне компетенции закона – закон лукавством не занимается. Лукавство контролируется обществом. И только через множественные привязки: данные прогоняются через фильтры моральный, культурный, религиозный, опыта и т.д.

Когда кто-то лукавит, тогда общество говорит, как должно пониматься слово. Общество не выводит значение слова из каких-то объективных величин. Оно просто говорит, как слово должно восприниматься в контексте справедливости во всех её измерениях.

Мораль может быть без религии, законы могут быть без религии. Но именно через религию законы и мораль связываются в одно целое, и через эту целостность закон проверяется моралью, а мораль – законом. Нет такой области, где бы можно было прописать все возможные ситуации. Поэтому оценка ситуаций через множественные связи – это единственная возможность создания и поддержания стабильной системы со множественностью измерений и многомерностью подходов. Жизнь многомерна, и поэтому инструменты для контроля над жизнью и для ее поддержания тоже должны быть многомерны. Кстати, идея разделения властей – сначала на духовную и светскую – имеет эту же причину.

Машины как судьба

Начать можно с главного, с того, что лежит в корне проблемы: человек в качестве механизма имеет самый низкий КПД среди всех механизмов.

Это потому, что энергия человека расходуется на множество вещей, которые не являются в конкретный момент работы функциональными. У скотины в качестве механического механизма КПД только чуть больше.

С тем, как механизмы совершенствовались, они вытесняли менее эффективных людей с рабочих мест. И скотину тоже, и людей в качестве скотины тоже. Пришлось отказаться от гужевого транспорта и закрыть Гулаг. Но нужно сказать, что человек в качестве механизма всё равно остается неэффективен, что ведет к его исчезновению. Чтобы человек был эффективен, он должен быть смыслом, но в поздней цивилизации со смыслами еще большие проблемы, чем с неэффективными людьми-механизмами. Смыслы не просто утрачиваются, утрачивается даже представление о смыслах вообще.

Чтобы человек был удовлетворителен в качестве какого-либо механизма, его нужно прокачивать. При прокачке многие человеческие качества игнорируются и атрофируются.

Как говорил один из великих скульпторов: я просто беру глыбу мрамора и убираю всё лишнее. Точно так и с созданием машины: берем человека и убираем всё лишнее. Процесс напоминает обстругивание буратин.

Что такое специалист? По сути это машина для решения каких-то конкретных задач. А сделать специалиста – это все равно что сделать машину.

А что такое машина? Это объект, который выполняет какую-то задачу.

(Скотина – это специалист, а специалист – это машинная часть человека.)

Если человека не рассматривать как субъект, то его останется рассматривать только как объект.

Человек – это слабое звено. Исключение всего человеческого на всех уровнях – в том числе на внутреннем человеческом – повышает эффективность человека как машины.

Большие системы, например, корпорации и государства, рассматривают машину или специалиста как объект. Да и в маленькой фирме тоже: «нам нужен программист». Ведь о субъектной стороне не говорится, о человеческих качествах не говорится, они вторичны и лучше, чтобы их вообще не было. Потому что чем больше человеческих качеств, тем больше они мешают работе. Потом это умножается на многомиллионную цивилизацию.

Человек – это обременение биомашины.

Люди не нужны. Но людей не избежать, увы. Человеческое не нужно. Человеческого можно избежать – найти биомашину без человеческого, или просто вывести человеческое из биомашины.

В человеке, как и в машине, можно выделить аппаратную и программную части; врожденное и приобретенное.

Специалист может быть и программным – бывает, человеку достаточно что-то выучить, прокачаться, чтобы стать специалистом.

Но максимальный эффект может быть только у аппаратно-программного специалиста – когда знания налагаются на врожденную мозговую прошивку.

Именно взаимодействие программного и аппаратного, софта и харда создают синергический эффект умножения способностей.

Специалист с хардом и софтом в любом случае будет эффективнее специалиста только с софтом. И если специалистов с хардом и софтом достаточно, и специалистов требуется немного, то специалисты только с софтом становятся не нужны. А это уже отбор на уровне биологии.

«Видеть музыку», «чувствовать цифры» – это происходит на максимальном уровне способностей, близком к аутическому. Это подтверждает идею, что одни способности создаются из других и за счет других. Аутизм – это в большинстве случаев не суперспособности, которые есть и которые крайне редки, это обычные способности, которые утрачены.

Чтобы проинсталлировать специалисту софт, он должен обладать общечеловеческими, универсальными качествами – самоконтролем, интеллектом, запасом энергии (для управления своим собственным мозгом). Эти общечеловеческие качества снижаются в количественном плане по мере развития цивилизации. Они относятся к качеству и противоположны высокой вариабельности специалистов, которая всё время растет. Это снижение к концу цивилизации становится её проблемой. Т.к. система инсталляции – универсальная – оказывается тоже в некотором роде аппаратной и утраченной. В конце цивилизации талантливые люди еще есть, но использовать их не получается.

Групповые машины

Как появляется система-машина? Люди пишут инструкции. Эти инструкции являются программами. После этого люди начинают исполнять программы. Это и есть машина. А чтобы программы исполнялись, делается репрессивная машина, у которой тоже своя инструкция-программа.

Слово «машина» широко и давно употребляется для человеческих групп, сведенных к машине. Например, «военная машина».

Военная машина времен наполеоновских войн визуально виделась, как множество плотно стоящих людей, выполняющих программу вообще и отдельные команды в частности. Из человеческого у этих людей может быть только негативный момент – страх. Так что человеческое в этой машине было лишним, чисто обременением. Военные технологии всегда были передовыми, и война оказалась одним из первых процессов, отчужденных от человека-участника. Человек уже не воюет, он выполняет функции детали военной машины. Он обычно даже не видел врага. Большинство потерь в последних войнах было от артиллерии.

Там пушки новые мешают сойтись лицом к лицу с врагом... (с) Блок.

Люди придумывают программы-алгоритмы, делят алгоритмы на простые алгоритмы, прописывают эти простые алгоритмы в головы людей, люди исполняют алгоритмы; и так работают большие машины, или распределенные машины. По сути это то же функционирование, что у насекомых. Люди исполняют свои маленькие алгоритмы, но они не знают о том, что они части, что они детали большого алгоритма. А потом люди, придумавшие большой алгоритм, исчезают, если они вообще были, и алгоритм просто исполняется.

Программа пишется для социальной машины, и социальная машина создается этой программой – и еще волей. Люди, которые пишут программу, на самом деле не думают, что они пишут программу. Они вносят усовершенствования в систему организации жизни. Они пишут инструкции, которые со временем становятся традициями. Они пишут инструкции для борьбы в мире сражающихся наций; но эти же инструкции могут наносить ущерб биологическому качеству нации. Что-то лечится – что-то калечится; поскольку рекомбинации. Когда инструкции пишутся, этим ущербом пренебрегают. А потом написанное становится базой, поверх которой пишутся уже новые инструкции.

Есть основные принципы, которые не просто работают, но под которые люди так или иначе перестраивают организацию своей жизни. Например, «оптом-дешевле». И это становится главной управляющей инструкцией для всех. А кто писал эту инструкцию, кто ее запускал на исполнение? А никто. Эта инструкция происходит из чистой закономерности.

Со временем утрачиваются и большие смыслы, и маленькие смыслы. Остается инерция. Остается административный аппарат, который вроде бы работает. Люди ругаются, но сделать ничего не могут. Они даже не могут понять, что в работе хорошего и что плохого. И не понимают это до того, как сами деградируют настолько, что хорошее и плохое уже не отличают.

Муравейник сильнее муравья. (с)

Получаются такие супер-машины, сделанные из людей и которые сильнее людей. И эти супермашины тоже иногда дают сбои. Например, вдруг начинается волна репрессий против руководящих работников – мандаринов. Или революция начинает пожирать собственных детей. И приказа вроде никто не давал, а люди пишут доносы друг на друга. Это типичный глюк программы. Выполнялось несколько команд, а в сумме они дали такой синергический эффект.

В момент возникновения цивилизации внутреннее структурирование людей максимальное, а потом оно сначала медленно снижается, а в массовый период – быстро. Структурирование национальной общественной системы начинается с максимума на уровне обществ, потом оно достигает максимума в виде нации, потом начинает равномерно снижаться.

Реально, из-за развития технологий, мир становится все «меньше». Но количество структур, можно сказать, на метр, растет. Выходит, что если бы даже число структур оставалось тем же, уровень структурированности мира всё равно бы постоянно рос с техническим прогрессом, а количество свобод бы сокращалось.

Структурирование построенных систем, производных систем, в том числе государственных, постоянно и медленно растет и достигает максимума в конце цивилизации. Получается так, что сначала структурирование людей выше, чем у структур, что позволяет им структурами управлять. А в конце структурирование людей ниже, чем у структур, и построенные структуры управляют людьми.

Машины, а именно социальные машины (организованные группы под действием инерции), состоящие из множества людей, обычно работают по программе. Исключения есть, но они редки. Муравейники и прочие организованные формы высших насекомых – это тоже социальные машины, работающие по программе. У муравейников программа рассредоточена; её нельзя увидеть целиком, каждому жителю муравейника при рождении дается кусочек программы. Кстати, если нет программы целиком, то обычными способами её не найти, и значит, так теорию заговора не раскрыть.

Что такое работа программы? Это значит, что люди, не задумываясь, делают «как надо». Кому надо и зачем надо – вопрос не ставится, хотя можно рационализировать, если что-то не нравится, но от рационализации и её результатов ничего не меняется. «Надо ...» – это и есть управляющая программа группы.

Люди плюс управляющая программа равно машина.

Что значит античеловеческое государство, чье тогда? Машинное.

Основной конфликт поздней цивилизации – это конфликт человеческого и машинного.

Теоретически аппарат должен обслуживать людей. А он их, конечно, иногда обслуживает, но чаще перерабатывает во что-то не очень человеческое.

В массовом необществе навязываемые сверху необществу программы встречаются со склонностью массового человека следовать этим программам; это создает систему автоматических резонансов в работе программ, которая может работать до скончания этого необщества; когда действие одной программы затухает, другие программы задают ей дополнительный рабочий импульс.

У каждого человека в голове цивилизация вырастила много-много маленьких «культурных» роботов. В дополнение к тем, которые были от природы. И эти роботы решают, что человек должен делать. Обычно они принимают решения в пользу цивилизации, она им ближе и понятнее, чем человек.

Человек программируется. Как и муравей. Точно так программируется и общество – как и муравейник. У человеческих сочетаний «цивилизация-человек» гораздо больше обратных связей, чем между «муравейник-муравей», но в сумме все связи, всё их взаимодействие приводят к однозначному и всегда тому же самому результату: возникновение социальных машин, действующих по программам и лишенных гибкого, широкого адаптационного интеллекта.

Низкий КПД человека уступает не только всем механизмам. Он уступает и социальным механизмам, повторяется та же самая история, что с механикой.

В социальном механизме человек есть деталь, а если у детали есть человечность, то это проблема детали, потому что человечность у детали – это лишняя деталь детали. Лишние детали – это не функционально.

В технике машина эффективнее. В мире сражающихся наций машина тоже эффективнее – она даёт больше шансов на победу. Она снижает шансы на выживание, факт, но без победы выживание невозможно, что тоже факт.

Уровень машин растёт. У человека социальные машины выигрывают. Следующий уровень – социальные машины выигрывают у обществ, которые не организованы как социальные машины. У обществ, в которых сохранено излишнее человеческое. Рим выигрывает у Греции, США у Европы.

В сумме – социальные машины-общности эффективнее общностей, не организованных как социальные машины. Правда, временно, но этого достаточно для временной победы. А до постоянной дело никогда не доходит и, скорее всего, в ближайшие века не дойдет.

Машины создают для машин минимум проблем; именно люди, именно их душевный компонент создает проблему нарушения стандарта.

По максимуму задача машин – убить всех людей, потому что люди не эффективны, не качественные, не функциональны, и обладают всеми возможными недостатками.

Убить всех людей! Миром будут править роботы! (с) Бендер

Менять большие программы могут только люди с универсальным интеллектом. Потому что люди с разными интеллектами даже не договорятся, как программы менять. Есть вариант – эти программы могут менять диктаторы, но они – тоже люди с оригинальным интеллектом, и их решения крайне редко ведут к чему-то человеческому. Обычно их усилия оказываются обычной политикой возможного, а возможное в поздней цивилизации предопределено инерцией. А с тем, как цивилизация окончательно распадается, программы тоже распадаются.

Программируются в том числе и отношения между людьми. А если они программируются, то у них должна быть инерция. И если отношений очень много, то инерция со временем должна стать определяющей. Традиция отношений становится культурной структурой: «так принято».

Среди совершенного безумия нагроможденных, непонятных, разваливающихся структур поздней цивилизации – позднего постмодерна, среди которых бегают совершенно безумные и непонимающие массы, не только что-то менять сложно, понять ситуацию оказывается в большинстве случаев невыполнимой задачей.

В чем машина? Машина в том, что люди, действуя как детали этой машины, не думают, что они действуют согласно программе машины. А если бы они думали, это бы ничего не изменило.

В фантастике очень популярен сюжет: злые машины поработили людей и заставили на себя работать. Ах, ужас-ужас. В реальности люди большую часть истории поработаны машинами и работают на машины. Только не на злые, а на безмозглые. Да, машина творит античеловеческое зло, хотя была сделана для победы. Но машина не зла, она просто безумна – в нейтральном значении слова.

?? Верх и низ

Что вверху, то и внизу. (с) Гермес. Конечно, в большей степени это сказано о стремлении к единству. Власть вверху, масса снизу. В сумме везде масса. Цивилизация вверху, человек внизу. В сумме везде цивилизация. А если цивилизация – машина, то в сумме везде машина. Если некоторое внутреннее единство уже есть, то оно направляет к дальнейшему единству, дальнейшему слиянию.

Цивилизации-машине лучше всего соответствует человек-машина, человек-деталь. При несоответствии возникают трения и конфликты. Для преодоления трений создаются механизмы стандартизации, в том числе подавления. Которые в силу заданной в них программы пытаются все человеческое перетереть. Обычно в пыль, а иногда в лагерную пыль.

Владельцы мира существуют. Но их полномочия ограничены рамками системы, в которой они же и являются владельцами мира. Чем больше система – тем больше структур, тем больше связей, тем больше программ и тем меньше свободы. Так что их полномочия ограничены возможностью больше потреблять и кого-нибудь ободрать. При том, что у этих владельцев и так всё есть.

Часто можно услышать, что миром управляют люди, которые обладают каким-то особым знанием, какими-то удивительными талантами и свойствами, какой-то особой культурой, какими-то унаследованными от древних ритуалами. Нет, что вверху – то и внизу, что они транслируют вниз – то они и есть. А есть они та же серая масса. Превосходство только в количестве денег. А смотрят, судя по делам, те же самые сериалы. Разница только в количествах, в размерах зала и экрана. Но, конечно, они не признаются. Если бы они были другими – то и мир бы был другим. Потому что то, что внизу – то и вверху. Еще можно сказать, что миром правят люди, которым не интересно править миром; и еще, пользуясь своим высоким положением, они прогуливают работу.

Люди-машины управляются системой-машиной. Через взаимодействие программ. Если тупые вырожденцы правят тупыми вырожденцами, то соотношение сил равно и система стабильна. Масса вверху и масса внизу. Революции классического типа невозможны; революции происходят в результате столкновения разных качественных потенциалов. По этой же причине революции не происходят и в начале истории – потому что у всех сил потенциалы высоки и все способны договариваться.

Машинный подход может применяться и для анализа государств на международной арене. В таком случае выясняется, насколько государственные системы являются машинными. Тогда уровни машинности окажутся у разных государств разными. И менее машинные государства могут проводить нужную политику быстрее и эффективнее, чем более машинные, потому что менее машинные означает менее инерционные и далее более подвижные. Как правило

менее машинные государства будут обыгрывать более машинные государства. А у некоторых выяснится кризис смыслов, и окажется, что они не смогут проводить нужную политику, поскольку они не могут представить, что такое нужная политика и для кого она нужная.

Всё выражение планетарных отношений можно свести к свободам и структурам. Субъектам этих отношений тесно, поэтому они заключают разные договора, которые разграничивают их полномочия и, неизбежно, урезают возможности. Договора – это структуры, а урезают договора свободы. Когда система договоров существует долго, договора накапливаются, структуры заполняют всё и места для свобод не остается. И война, даже заранее без шансов на успех, вполне может быть вариантом выхода из такой тупиковой ситуации к новой свободе.

Что в начале, то и в конце. Нация начинается с кланов и племен и заканчивается кланами и племенами. Но качество к концу падает. Это падение качества приводит к невозможности поддержания сложности, в том числе такой сложной структуры, как нация. Когда племя стоит во главе нации – оно конкурентоспособно на уровне наций; когда племя не имеет нации – в борьбе с нациями оно неконкурентоспособно, и у него постепенно отнимут всё.

Специалисты: история

Основная идея: у специалистов и у их потомков в головах установлена урезанная версия универсального интеллекта. Люди с этой версией не могут понять универсальных проблем и не могут решать универсальные задачи.

В этой проблеме специалисты сходятся с самыми интеллектуальными низами – те совершенно так же не понимают универсального, по той же причине – урезанной версии универсального интеллекта.

Что внизу – то и наверху. И что снаружи – то и внутри. Цивилизация вверху-снаружи людей – и цивилизация снизу-внутри людей.

Специалисты по захвату-удержанию власти – это тоже специалисты.

Хронология – 1: Производство

Не было еще в истории случая, чтобы цивилизованные люди создали цивилизацию. Цивилизации создаются людьми относительно дикими. Цивилизованные люди цивилизацию могут только поддерживать, и, в конце концов её, мягко говоря, утратить.

Система со своего начала – это всегда система универсальных людей. По той причине, что все прочие системы не смогут выжить на начальной фазе, если

такowymi не являются. Системы людей специальных – это поздние состояния систем, это их умирание.

Племенное бытие построено на альфа-качествах. Люди со специальными возможностями обычно не могут реализовать себя в силу крайне ограниченной области реализации; они рождаются всегда, но не добиваются успеха и потому их количество постоянно ограничивается. Но рано или поздно наступает момент, когда возникает понимание необходимости специалиста. Иначе не победить во внешней борьбе за ресурсы. Обычно этот специалист занимается реализацией привнесённой извне технологии, гораздо реже он придумывает её сам. Первый шаг – общество начинает ценить и вознаграждать таланты рекомбинантов-специалистов.

Изначальный племенной человек – это человек со здоровыми инстинктами и альфа-качествами. Конечно, в племени есть любые люди, но именно эти определяют его бытие. Если у человека есть все альфа-качества, то у него вполне может быть какой-то талант. Но увы, небольшой. Потому что большой талант делается из деталей, которые берутся из альфа-качеств и прочих общих качеств. Большой талант – альфа-качества снижаются. Иначе на планете наблюдались бы сверхлюди и с альфа-качествами, и с талантами. И их было бы много. Но увы.

Сначала появляются очень немного людей с особенностями интеллекта. И остальные люди с универсальным интеллектом могут этих людей понять. А людям с особенностями интеллекта понимать остальных с универсальным интеллектом не обязательно, их задача – создавать. Такая связка создает общественный прогресс. По мере развития цивилизации людей с особенностями интеллекта становится все больше, и понятие общего размывается. Одновременно растёт разрыв между универсальным и специальным. Далее процесс идёт до стадии, когда особенные-специальные люди вытесняют универсальных и понимать их особенности становится некому. В этот момент цивилизация начинает схлопываться. Схлопываются цивилизации в ничто.

Специальный интеллект специалиста, (математика, например) который и даёт ему специальные превосходные способности, может быть создан только из деталей универсальных интеллектов, поскольку больше его делать не из чего. Изначальных интеллектов там уже не остаётся, все их детали уходят на один специальный интеллект. Так происходит, поскольку связи между зонами мозга перестроены иначе. Сниженные социальные способности математиков и подобных специалистов – факт общеизвестный.

Первая задача при создании специалистов – их вывести. Вторая задача – их размножить.

Для правильной селекции средства перераспределяются в пользу специалистов. В мире сражающихся наций специалисты оплачиваются дороже, чем они есть, за счет прочих. Людей со специальными возможностями начинают искать – и находят, и концентрируют. Выходит так, что где-то возникает концентрация специальных способностей, где-то – по принципу противоположности – концентрация глупости, а концентрации УИ нигде не происходит.

В биологии есть такое понятие, как «нарастание признаков породы». Есть даже такая картинка (поиск – что в кавычках). Идея в том, что сначала эти признаки нарастают незаметно. А потом, в какой-то момент – за многократно меньшее время они нарастают больше, чем за все предыдущее. Нарастание признаков породы – это нарастание признаков специализации. Прогресс при этом не линейный. Но нарастание признаков специализации – это и нарастание негативных последствий, перекосов специализации.

Нарастающие признаки специализации подавляют другие признаки. Нужно заметить, что гибель в результате негативных последствий специализации – в природе это регулярно случается с видами. И причина та же – утрата свойств в результате рекомбинации и отбора на базе этой рекомбинации, при том что рекомбинация вроде бы явно положительная. Но параллельно утрачивается многомерность, и вид становится неконкурентоспособен. Но там все-таки животные, которые вообще об этом не могут помыслить.

Чем больше социальный механизм по размеру, тем относительно меньше (на душу населения) специалистов одного типа ему нужно. Это ведет к конкуренции специалистов и росту требований к специалистам. На это же работает и концентрация производства в цивилизации – социальном механизме: меньше заводов – меньше специалистов, выше их уровень специализации. Чем больше экономическая система – тем больше у нее шансов на победу в мире. И тем сильнее в ней будет выражена специализация, тем сильнее будут ее негативные биологические последствия.

Чтобы повысить параметры специалистов, специалисты становятся все более и более узкими – их способности перераспределяются в пользу специализации. Более узкие вытесняют более широких. Конечно, эти способности перераспределяются не в существующих непосредственно специалистах, а со сменой их поколений; с этими способностями специалисты рождаются, а цивилизация-система, она же среда отбора, делает их востребованными и успешными.

Чем больше разных операций выполняет человек на производстве и чем сложнее эти операции, тем большие возможности общество представляет для универсальных людей: происходит положительная селекция сложных. Но по мере развития производства операции становятся проще, а число операций на че-

ловека снижается до одной. Универсальные люди не получают никаких преимуществ и сокращаются. А между специалистами и массой возникает и быстро растет разрыв по всем параметрам – кроме параметра утраты УИ.

Операции разделены настолько, что их может выполнять совершенно примитивный человек. А человек более-менее интеллектуальный не может реализовать никаких своих преимуществ, потому что все преимущества срезаются низким уровнем операций. Когда достаточно знать только сложение и вычитание, знание умножения и деления не дает никаких преимуществ. А умников еще и не любят. Не иметь лишних деталей – это кратковременное преимущество. Пример лишнего: тяжело работать охранником человеку, не привыкшему к безделью.

В начале общества людей с универсальным интеллектом много, и потому они не ценны, ценны специалисты, которых мало. Это становится традицией. В конце общества людей с универсальным интеллектом становится мало, но традиция сохраняется, и они остаются традиционно не ценны.

И еще традиционно было принято считать, что универсальный интеллект есть почти у всех. На базе этой идеи и возникла либеральная мысль, что человек «обладает разумом».

Разделение труда снижает его уровень до выравнивания по минимуму – до выравнивания интеллектуального уровня по минимуму, и до выравнивания мужского и женского уровней. На последнем моменте патриархальность и прочие аналогичные элементы культуры рушатся. В Англии были моменты, когда дети работали на фабриках, а безработные взрослые сидели дома, что кажется нездоровым. Можно спорить, хорошо это или плохо, но люди еще не научились жить в условиях рухнувшей патриархальности. Кроме того, выравнивание по минимуму ведет к замене наций, ориентированных на сложный труд, на нации, ориентированные на простые операции.

Цивилизация сама является машиной, самой большой социальной машиной. Она как среда тоже выводит породы нужных ей людей – через перераспределение ресурсов тем, кто ей нужен. Но цивилизация – машина социальная, и биологический аспект человека она игнорирует. Ее уровень компетенции слишком мал, чтобы растянуться на оба уровня – и социальный, и биологический. В результате цивилизация сначала выводит нужные породы людей, а потом эти породы, лишённые человеческих качеств, деградируют и вымирают.

Хронология – 2. Генетика

Чтобы специалисты начали выводиться, нужно повышать вариабельность группы, при этом нужно сочетание «близкой» генетики и «дальней» генетики. Чтобы его получить, нужно смешивать близкие племена. Разные племена – это дальность. То, что эти племена соседи – это близость.

Это можно сделать только в городе – в городе, где из близких племен формируется племя центра – нация. Для обеспечения этих условий лучше всего подходит город в создающемся, но еще не созданном национальном государстве. В уже созданном будет недостаточно дальности.

Для выведения нужна система поддержания вариабельности, поэтому нужна свобода для женщин в выборе партнера. Более ранний возраст вступления в брак тоже содействует росту вариабельности. Этому же содействует моногамия.

Невозможно провести эксперимент по выведению успешных и относительно жизнеспособных специалистов без процесса формирования нации.

Чтобы вывести специалистов, нужен изначально качественный биологический человеческий материал. Поэтому цивилизованный человеческий материал не подходит; он испорчен цивилизацией, он уже выработан.

Для поддержания качества нужны одновременно генетическая дальность в группе и генетическая близость в той же группе по разным группам параметров. Разные, максимально различные люди из близких племен и подобные варианты поддержания противоположного. Противоположные варианты в таких случаях сами тяготеют друг к другу. И свобода для их поддержки, больше свобод. Поддержание качеств на первом этапе необходимо, чтобы процесс сразу же не схлопнулся, не застыл в структурах. Качество теряется постепенно.

Есть дихотомия качество-вариабельность. Специалисты должны быть разными, поэтому на первое место встает вариабельность. Качественно приходится жертвовать. При некоторой потере качества человек может быть специалистом. Но при значительной потере качества человек быть специалистом уже не может, ему будет не хватать общих навыков даже для того, чтобы стать специалистом. А потом ему уже не будет хватать качеств, чтобы быть человеком.

Процессы выведения специалистов и процесс формирования нации идут параллельно. Нация означает диапазон свободного скрещивания, свободу выбора партнера в нации от племенных ограничений; ограничения могут быть, но только незначительные. Если видится-кажется город, но там не живет нация, то это просто деревня, возможно, просто большая. Эффекта роста качества не будет.

Племенное бытие стабилизирует качество, но не допускает развития. Национальное бытие допускает развитие, но качество начинает падать. Племенное бытие – это постоянная, национальное бытие – этот процесс. Качественное развитие происходит всегда на грани, когда ещё есть и племенное бытие, и уже есть национальное бытие.

При встряске хороших деталей может получиться интересное совпадение. А при встряске интересного совпадения, лишённого некоторых деталей, шанс на получение чего-то интересного близок к нулю.

Чтобы быть специалистом, нужны особенности организма – или физиологические, или интеллектуальные. А в тех областях, где особенности не нужны, в такси, например, называть занятых специалистами как-то не совсем верно.

Специалист должен быть только специалистом; требований к его здоровью или альфа-качествам нет, он успешен настолько, насколько он специалист. Соответственно, качественные свойства через специалистов передаются в последнюю очередь, постольку-поскольку, что ведет к общему снижению качества биосистемы.

Факт: специалисты плохо размножаются сами по себе. Возможно, им мешает это делать та же уникальная рекомбинация – она ведь ведет к проблемам с универсальным интеллектом. И далее – к проблемам с универсальным социальным интеллектом. Аналогия: специалисты у муравьев не воспроизводятся; их воспроизводит королева, а у людей их сначала воспроизводят неспециалисты, а потом их воспроизводить оказывается некому.

Хронология – 3. Масса

Сначала сапожник делает сапоги целиком, сам. Потом у него появляются подмастерья, которые временно выполняют отдельные операции. Производительность растет. Потом у него появляются вечные подмастерья, которые выполняют еще более мелкие операции, по сути люди-машины, или уже пролетарии. Потом большинство пролетариев заменяют машины, а оставшиеся выполняют задачи подачи сырья и чистки. Потом сам сапожник заменяется руководством корпорации. Это касается еще и портного, и булочника, и жестянщика, и мясника. Сначала в этом процессе возникает ремесленник, потом мелкая буржуазия, потом пролетариат, а потом обе последних группы сливаются в массу. В сумме остается масса и машины. Где-то далеко еще и олигархия, но она далеко и её мало, чтобы быть классом или сословием и поддерживать свою высокую культуру. Нет принципиальной разницы, какие машины их вытеснили: в Греции и Риме, например, их вытеснили машины-рабы. Главный итог: ликвидация основной массы структур, превращение нации в массу. А масса – это конец: ни поддержки структур, в том числе иерархий, ни поддержки качества. А когда нет структур, иерархий и качества, то свободы поддерживать сначала нечем,

а потом исчезает само их понимание. А потом, после потери свободы, пропадают и сапоги. И начинается уже другой мир. Потом появляется сапожник, сначала для богатых, потом и для прочих, но это уже другая цивилизация.

В «светлом мире» специализации и успеха специалистов есть и темная сторона. Специалисты – узкие, и чем уже, тем эффективнее, тем более продвинутые. Но мир меняется, и востребованные специализации тоже меняются. В результате начинает расти число невостребованных специалистов. Которые, поскольку специалисты, не пригодны к другим специализациям. Также растет число потенциальных специалистов, которые не смогли, не успели и уже не смогут стать специалистами. Их врожденные способности не нужны. И чем дальше развивается цивилизация, тем уже становится круг востребованных специалистов. Основная масса потенциальных специалистов не может реализоваться. К ним добавляются потомки специалистов с утраченными общими параметрами, не унаследовавшие специальных качеств родителей – а таких большинство. Эти люди становятся массой. А поскольку их ненужные специальные способности сделаны из других деталей, обычно универсальных, то массой нездоровой и массой с плохим пониманием. Впрочем, масса всегда такая. И масса всегда накапливается, поскольку позитивные изменения в людях крайне редки.

Масса накапливается не только на дне, внизу общества. Еще одна из составляющих массы – это потомство специалистов, не унаследовавших специальных способностей. Эти способности, будучи сложносоставными, вообще критически редко наследуются. А утрата универсальных способностей наследуется фактически всегда. Получаются люди без способностей вообще.

Предпредпоследняя стадия – это вершина специализации, когда специализация доходит до предела. Все операции разделены на множество примитивных, дальше некуда. Если до этого момента философию, например, понимали все универсальные люди, то теперь ее понимают немногие и специалисты, потому что она пишется слишком специально. Предпоследняя стадия – это когда специализация переходит в формализм и утрачивает содержание. Специализация становится всё уже и формально уже.

Если сначала при выборах люди могут проанализировать предшествующую деятельность политика, то теперь качество массы падает так, что сделать это она не в состоянии; в результате на выборах начинают побеждать специалисты по победе на выборах.

Если сначала грант выделяют, например, на создание непонятной железки – создателю железки, то со временем специальные требования усложняются, и грант может получить только специалист по получению грантов.

Последняя стадия – это профанация специализации в условиях распада, контроль кланами и племенами специализированных ниш, причем при отсутствии специальных талантов для работы в этих нишах. Реально специализация уже утрачивается, способности утрачиваются и заменяются способностью группы-клана, гильдии – держать место, которое вроде бы оказывает специальную услугу. Со специалистами в области захвата и контроля власти это случается чаще всего и быстрее всего. Поскольку реальные специальные способности оказываются в гильдиях утрачены, то очень скоро появляются масоны и гильдии разгоняют.

Предпоследняя стадия: специалисты что-то делают, на самом деле что-то делают, но никто уже не понимает, что они делают. Последняя стадия: специалисты уже ничего не делают, но говорят, что они что-то делают, а проверить их никто не может, поскольку не понимает, что они вообще должны делать.

Специалисты есть составной компонент массы: потому что универсальные качества утрачены. У наций есть сословия и классы, где универсальные качества проявляются в сословном-классовом сознании. У массы формально сословия и классы могут быть, но сознания – сословного или классового – у них нет. Потому что у массы это мертвые унаследованные формы-структуры. Для сознания нужен УИ.

Поздний мир – это мир нищеты, что вроде бы странно, поскольку технологии поднимаются на максимум. В поздней экономической системе занято очень мало людей. Но это малое количество занято максимально эффективно. Получается так, что с одной стороны – товаров не хватает, а с другой стороны – производить дополнительные товары не получается, поскольку всё равно нет спроса, поскольку всё что можно обменять – уже произведено, поскольку не только невыгодно, но и вообще в минус по сравнению с существующей максимально эффективной системой. К тому же производство ограничивается естественным пределом – количеством ресурсов. Получается кризис-разрыв между частным-малым характером производства и массовым характером потребления. В результате – нищета масс. И нехватка денег на воспроизводство. Что снова ведет к регулированию и распределению в пользу нищих и по цепочке причинно-следственных связей поддерживает эту систему нищеты.

В условиях концентрации производства и повышения его эффективности масса очень быстро становится вообще не нужна, и масса становится нищей массой. Дальше идет традиционное «хлеба и зрелищ», а потом вырождение и вымирание. И еще, когда дела плохи, еще одно зрелище для массы – травля кого-нибудь.

В областях специализации возникают кланы и племена, которые области захватывают и держат. Например, на место врачей приходят непонятные люди, обычно наследники врачей, которые захватывают должности врачей и под это

дело вымогают деньги. Лечить они не умеют. И так в каждой области. Особенно жестко смотрятся картины «великих художников», не умеющих рисовать. А не умеющие петь «певцы» – это уже не интересно, это скорее норма, чем исключение.

Одномерность и символ

Машинизация обществ происходит в результате адаптации этих обществ к миру сражающихся групп-наций.

Доведенная до логического предела и заведенная за логический предел, при этом отторгнувшая и утратившая свою биологическую базу, борьба за ресурсы в мире сражающихся групп – это базовый импульс машинизации общества. «Для выживания мы должны быть более эффективны! Для эффективности мы должны стать машиной! Единой машиной! Каждый человек будет эффективной деталью эффективной машины!» От «одна нация» – к «один улей!»

Нужно повысить эффективность группы (общества) для повышения ее внешней конкурентоспособности.

Для повышения эффективности – стандартизация и машинизация. Как побочный процесс – упрощение, сокращение деталей.

Убираются религия, мораль, культура. Вместо множества иерархий остаются две – деньги и власть. Потом и они сливаются в одно. Как правило, власть захватывает деньги.

Нужно заметить, что они убираются во всех системах – и в России, и в Китае, и в Европе. Разница только в технологиях убирания.

Когда все мозги разные, ищется общий знаменатель, к которому их можно привести. Привести к одной мере, к одному измерению, чисто чтобы облегчить их взаимодействие, а иначе люди друг друга не понимают. Этот общий знаменатель оказывается очень маленьким и низким: это синтез власть-деньги-потребление, причем декларировано может быть что угодно через любой элемент. В остальные измерения можно легко пересчитать.

Даже неверно понятая, одномерно понятая эффективность временно эффективна. Поэтому такая эффективность постоянно побеждает в мире. Только победители – постоянно разные. Потому что победить обычно можно только один раз; от силы два. Специалистов можно создать из универсальных людей один раз, если универсальных много – от силы два. Потом специалистов создавать не из кого, поскольку в специалистах возможность создания уже исчерпана. Можно из универсальной коровы вывести мясную или молочную. Вывести из молочной мясную равно наоборот – не получится, сначала придется вывести

универсальную, а это фактически невозможно. И тем более это невозможно быстро.

Чем больше эффективности в системе – тем более эта система становится машинной. На самом деле это неверно, одномерно понятая эффективность – это не совсем эффективность. Это биологическое самоубийство, и культурное самоубийство, но это эффективно на достаточно большом промежутке времени, чтобы одержать и зафиксировать видимую победу группы. А то, что потом группа исчезает – это уже находится за рамками дискурса эффективности, это уже «философия» и «ничто не вечно».

Специалисты, лишённые качества, а также религии, морали, культуры, только с одним денежно-потребительским измерением, даже не смогут поставить вопрос, что в этом мире не так.

Одномерность

Жизнь предполагает сложность как конкурентное преимущество при прочих равных. Сложность предполагает многомерность. Для упорядочивания многомерности, чтобы она не была хаосом, нужна иерархичность. Иерархичность – это выражение структурированности, это структурированность, представленная с точки зрения приоритетов, а именно с позиции определения смыслов.

Иерархия есть способ видения структуры и сложности и их создания. Свободы строятся на структурах, а структуры – на свободах; так возникает иерархия. И это и есть путь вверх, который должен проходить по множеству измерений. Но это и есть иерархия.

Путь одномерности – это и есть путь деградации относительно многомерности. И путь одномерности – это путь к победе через превосходство над всеми в этой одномерной величине. Многомерность не рассматривается как нечто плохое; просто те ресурсы, которые идут на многомерность, переключаются на одномерную величину, через которую должна быть одержана победа.

Общество образовано от общего; но оно должно отличаться от всех прочих обществ. При одной только одномерности отличаться можно только по количественным показателям – по единым деньгам-власти. Чтобы общество было, оно должно быть привержено общему в нескольких измерениях; и далее это общество может еще структурироваться, но для этого снова нужны множественные измерения.

По мере продвижения к механизации все элементы кроме машинных сначала рассматриваются как подозрительные, а далее – как враждебные, как попавшие в супермашину вредные насекомые. Все нестандартное с точки зрения машины со временем рассматривается как более и более враждебное.

У человека много измерений. Если всё восприятие можно свести к одному измерению, то это – не человеческое. Есть вещи, которые измеряются деньгами. Есть вещи, которые измеряются степенью структурированности. Есть люди одномерные, у которых все измеряется деньгами или производными величинами от денег – комфортом или степенью компенсации. Многомерные люди таких одномерных людей не любят. Потому что это два разных мира – одномерных и многомерных людей, между ними нет понимания.

Одномерную величину каждый видит со своей стороны, и с одной стороны. Власть, деньги, потребление, понты, секс для молодежи. «С одной стороны» означает, что человек из списка выбирает что-то свое одно; а потом все остальное в эту валюту пересчитывает. Например, все пересчитывает сначала в секс, по прошествии лет во власть, а под конец чисто в деньги. Но это потому и есть одномерная величина, что все эти валюты свободно конвертируются друг в друга. А место, где валюты конвертируются – это одномерный мир.

Одномерный выбор – это выбор между 10 руб. и 12 руб. А все прочее многомерное к «руб.» сводится.

Всё существующее в одномерную величину пересчитывается. А что не пересчитывается – то просто исчезает из видимости, или пересчитывается криво – например, любовь как способ не платить за секс; т.е. это способность, равная возможности не платить деньги, и эта способность – развести кого-то на любовь – легко пересчитывается в деньги.

Масса управляема. Для получения нужного действия от массы нужно задать массе необходимое число повторов. Масса действует как машина, по программе повторов. Для обеспечения повторов нужны или деньги, или власть. Посредством массы люди вкладывают деньги и получают власть, или вкладывают власть (используют её ресурс для повторов) и получают деньги. В любом случае посредством массы власть и деньги сливаются в одних руках. Число повторов для массы задается за деньги, в результате получается власть. Примененная к массе власть позволяет получить деньги. Получается так, что масса – это такая машина конвертации деньги-власть-деньги.

Живая нация состоит из множества иерархий; в массе эти иерархии утрачены и остается одна общая иерархия. Все ветви власти и деньги и бизнесы собраны в одних руках – у универсальных управленцев-мандаринов. И даже артисты становятся артистами всех жанров сразу: масса не понимает качества, что делает такое возможным.

Происходит упрощение и стандартизация общества как такового: сначала – никакой религии нет, потом – никакой морали нет, потом – никакой культуры

нет, есть только потребление. И разум, который за потребление отвечает. Разум – как центр управления человеком-кишкой. А потом и Бога нет, а потом и человека нет. Только кишка.

Человек особого типа не может чувствовать себя частью современного общества, поскольку оно лишено какой бы то ни было формы, поскольку оно не просто опустилось до уровня чисто материальных экономических и физических ценностей, но даже не желает замечать существование иных уровней.
(с) Ю. Эвола

Одномерность пожирает саму себя за хвост. Зарплаты мужчин и женщин должны быть равны, потому что равноправие, но мужчина всё равно «должен» получать в два раза больше, «иначе он не мужчина». Мир одномерности воюет не с жизнью – её-то он сразу побеждает – он воюет сам с собой – тяжело и очень болезненно, с большими потерями.

Чем больше женщина становится одномерной, тем больше она становится товаром; и чем больше женщина становится товаром, тем больше становится крика в медиапространстве, что женщина не является товаром-объектом. Этот крик происходит от дискомфорта общей системы, от неприятия действительности. Но решения в рамках системы невозможны, её инерция непреодолима.

Иерархии складываются в иерархические системы. На примере иерархии мужчина-женщина можно заметить, что одномерный подход не срабатывает. Потому что это система, это две иерархии: в какой-то выше мужчина, в какой-то – женщина. Для того, чтобы иерархии не конфликтовали, нужно как минимум понимание, что есть две иерархии. Но одномерные люди не могут этого понять – они могут понять только одну иерархию. В результате – война полов и очередные боль и страдания.

Символ

Символ – это машинный язык. Есть такая рыба корюшка. Она территориальная, и дерется со всеми рыбами, у которой есть яркое красное пятно. И пятно гораздо важнее рыбы. Когда пятно закрашивали – она не дралась. Когда его рисовали на картонке, чисто символически похожей на рыбу – она нападала.

Откуда символы? Чтобы прописывать явления в программах, применяется язык описания через абстракцию, символ. Потому что проще, не нужно держать в сознании весь многомерный-многосложный объект – красное пятно, и достаточно. Поэтому символы в обществе. А поскольку люди тоже становятся программно-управляемыми, от того и символы в людях.

Машинные элементы должны быть функциональны и эффективны. Сами критерии функциональности и эффективности начинаются как объективные показатели, но по мере времени все более и более становятся показателями символическими и формальными.

Что у рыбки, в начале, то и у человека, в конце.

В поздних обществах символам уделяется огромное значение. Эстетика тоталитаризма – это эстетика символа. (От серпа и молота через свастику к доллару.)

Символ есть абстракция по сути. Одномерность имеет вершины и концентрируется в символах.

Символы – язык животных и машин.

Что противопоставляется символу? Ничего, символичность – это степень. Степень может только быть больше или меньше. Символ по возможности пытается слиться с числом, формализоваться машинно через число. А поздний человек массы может на число-символ восхищенно реагировать.

В позднем мире победившая технология вроде бы может обеспечить большинство человеческих потребностей. Вроде бы – на самом деле происходит наоборот. Нищета в наличии как раз при изобилии. Города становятся городами контрастов и т.д.

Материальное исчезает, потому что всё материальное переводится в символы – потому что символы понятнее, унифицированнее, и их проще хранить и обменивать.

Богатства и людей, и стран – во многом символические. Символические богатства от нищеты не помогают.

Символически-астрономические суммы хорошо смотрятся на символических счетах. Если их попробовать вытащить в материальный мир, всё это рассыпается. Металлическое золото обладает минимальной степенью символичности; но даже выброс золота обесценивает его ценность на выброшенную сумму.

Чем большими становятся деньги, тем более они становятся символическими; потому что они становятся неповоротливыми и начинают от всего зависеть. С другой стороны, государство делает деньги символическими, обладая возможностью их создания и контроля.

Люди в здоровом обществе менее склонны к символизму, чем в позднем нездоровом обществе или в недоразвитом обществе. Упрощенным и слабым мозгам проще работать с большей степенью символизма.

После себя цивилизации оставляют пустыни – и ландшафтные, и человеческие. Потому что став одномерными, они перерабатывают всё сущее в символы. Природные ресурсы, человеческие ресурсы, потом чужие природные и человеческие ресурсы, сначала посредством потребительской массы преобразуются путем массового потребления в потребление символов и далее в символические величины, вроде символов на электронных счетах.

Символы постоянно становятся причинами массовых конфликтов. И чем более абстрактны и размыты символы, тем чаще. В поздних цивилизациях идет борьба за символы, которым вообще не могут найти определений. Чистая агрессия, происходящая изнутри людей, очень стремится найти какой-нибудь символ, чтобы более-менее через него оформиться, найти для себя рационализацию.

На символах можно делать деньги. До тех пор, пока их относительно мало. А когда все уходит в символы – их рынок обрушивается вместе с цивилизацией.

Финал: одномерное существо в состоянии психоза верещит символы. Чаще даже не символы, а против символов. Что в начале, то и в конце; как рыбка корюшка с пятном. А психозы для этого человека генерируются на любом месте, в том числе и на пустом, чтобы он на них отвлекался. Это относится к «зрелищам».

Специалисты: бытие

У человека, как у представителя биологического вида, нет никакой иной цели, кроме как собственно быть. Человек был когда-то, жил когда-то в системе-среде, которая автоматически обеспечивала ему возможность быть. Многих при этом съели, но возможность быть поддерживалась. Но потом человек создал новую, свою систему-среду жизни. Даже не создал – в результате технического прогресса, в результате той же самой борьбы за бытие она сама содалась. И оказалось, что быть в ней можно, но только не автоматически, а сознательно. А как именно сознательно – не ясно.

Специалисты – это количественно очень малая группа. Но в первоначальном городском обществе доля специалистов очень велика, и значение их тоже; города вообще были местами для специалистов. От наличия и эффективности специалистов зависит выживание новой общности. Поэтому специалисты и являются определяющим фактором, в том числе они определяют собственно время общества – в каком времени общество живет, сколько ему еще жить и когда оно станет необществом. Конечно, определяют они это не сознательно, а опосредованно через свои качество и количество.

Человек и редукция

Человек – это мир, где люди подобны насекомым и сведены к насекомым. Человек – это мир, лишенный человеческой культуры. Это мир, лишенный свободы, поскольку функции человека предопределены подобно функциям насекомых. Программы есть структуры, когда все запрограммировано, то всё заструктурировано, значит, места для свобод не остается.

Человек лишен культуры и свободы не потому, что в нем существует такой административный запрет (хотя возможен). Это лишнее, поскольку собственно человеку эти свобода и культура не нужны, они для него лишнее, избыточное и непонятное. У человека нет органов, из которых могут быть сделаны такие рецепторы, чтобы культуру и свободу оценить. А нет их потому, что из них или уже сделано что-то полезное для человека, или они уже атрофировались, чтобы снизить затраты энергии. Человек соответствует человеку, адаптирован к человеку как к среде; и человеку, и человеку культура и свобода не нужны одинаково. Через это соответствие системы довольно стабильны и первоначально прочны.

Человек – это цивилизация, действующая по программе, в которой живут люди, действующие по программе, и программы людей синхронизированы с программой цивилизации. Поскольку синхронизация на высоком уровне невозможна, она производится на низком уровне, а для ее обеспечения убирается все, что выше этого низкого уровня. У муравья нет плана муравейника, который он строит. Он синхронизирован на низком уровне – тащить веточку в муравейник. Строить муравейник – это слишком высокий уровень, такого у муравья нет. Муравей не знает, что такое муравейник и как его строить. Как и человек не знает, что такое цивилизация и как ее строить.

Отупение населения, снижение общего интеллекта происходит невероятное. Но как же цивилизация продолжает жить? А все ее задачи разделены на задачи малые, специальные, с которыми отупевшие люди вполне могут справиться. Чем глупее становятся люди – тем сильнее дробятся задачи.

Редукционизм – разделение на все более мелкие детали, на все более мелкие операции – из науки распространяется на всё, на все аспекты жизни. После утраты всех и всяких представлений о жизненных основах люди-детали занимают детальками жизни. А собственно жизнь для них слишком большая вещь, чтобы её понять; поэтому в плане жизни они или уходят от темы, или выдают что-то заученное.

Сам размер детали сокращается. При этом деталь становится все более примитивной и при этом все более универсальной. И так со всеми деталями, не только с людьми-детальками, это универсальное правило.

Да и чтобы люди понимали информацию, ее нужно разбивать на маленькие части. А что делать? Маленькие люди, люди-детали не могут понять большую информацию. Редукция неизбежна. Процесс идет двунаправленно: и со стороны информации-сверху, и со стороны человека-снизу.

Истинное (и смысловое) состояние вещей – целостное, а не состояние их элементов.

Если человека подвергнуть последовательной редукции, то сначала получится скотина, а потом насекомое. Редукция – это деградация. Редукция как метод повышения эффективности (например, через разделение труда) трансформируется в редукцию как цивилизационный процесс в результате накопления инерции.

Тенденция к редукции и углублению специализации задает уже собственную инерцию. Например, «доктор философии» – сам термин – должен был предполагать ширину универсальности против узости специализации; но был переработан снова в еще большую узость специализации.

Интелиотия

Особые способности делаются из универсальных способностей и за счет них. Больше их делать не из чего.

Чистая глупость – это простое отсутствие интеллектуального компонента, и далее одного из подвидов интеллекта вследствие того, что компонент мал и неразвит. Специализация сопровождается отсутствием интеллектуального компонента вследствие того, что из него был сделан иной интеллектуальный компонент. Результат обычно один и тот же – недоумие в некоторых областях. Смысл в том, что специализация есть причина обычной глупости.

Глупость без специализации настолько популярна, что её можно считать нормой человеческого вида. Специализация – вещь достаточно редкая сама по себе; просто этот текст посвящен ей, и может возникнуть ложное чувство, что специализация повсеместна. Но нет, повсеместна глупость. Специализация многое определяет, но через качество, а не через количество. И через значение в сообществах, где она – определяющий фактор успеха.

Аутистов – огромное множество. Талантливых аутистов – ничтожное меньшинство. Точно так с глупыми людьми, которых много, и специалистами вообще, которых мало.

Специализация в абсолютном большинстве случаев относится к мужчинам. Именно они – экспериментальный материал эволюции. Среди женщин специ-

алистов статистически нет. И это логично, поскольку мужчина – экспериментальная линия эволюции, а женщина – стабилизирующая. Способности женщин более стабильны, и их специализированность выражена крайне редко – так, что ей можно пренебречь для больших систем. Но женщины имеют универсальную черту – они любят успешных мужчин. А успех – у специалистов. Поэтому женщины предпочитают специалистов. Через этот свой успех специалисты всё и определяют.

Чем лучше специалист понимает специальные вещи, тем хуже он понимает простые вещи. Увы, факт. Возможности мозга не безграничны, и перераспределение возможностей происходит всегда.

Как животные лучше исполняют некоторые службы, чем люди, например, отыскивание дороги или утерянной вещи и т. п., так и обыкновенный человек бывает способнее и полезнее в обыденных случаях жизни, чем величайший гений. И далее, как животные никогда собственно не делают глупостей, так и средний человек гораздо меньше делает их, нежели гений. (с) Шопенгауэр.

Выявление сложных закономерностей и выявление простых закономерностей, а равно способность замечать простые и сложные закономерности – это разные задачи, выполняемые разными участками мозга. Потому совершенно не факт, что если человек может замечать сложные закономерности, то он может замечать и простые закономерности. Обычный человек замечает и первые, и вторые, но без каких-либо особых успехов. Но те, кто лучше замечают первые или вторые, обычно хуже замечают иные. К выявлению закономерностей по уровням абстрагирования это тоже относится.

Регулярно появляются какие-то мошенники, которые собирают у людей деньги. А потом исчезают. Но что интересно – ведь те обманутые люди где-то ведь деньги заработали или украли, так что они не совсем тупые. Но если они не совсем тупые, как они отдали эти деньги мошенникам? Просто эти люди – специалисты.

Те, кто зарабатывают деньги, сохраняют деньги и тратят деньги – это разные люди с разными способностями. Обладать двумя соседними способностями редко, но можно. Обладать двумя крайними – невозможно. А тремя – тем более. Да, а мошенники – это ведь тоже специалисты по проведению мошеннических операций. Но узкие специалисты. И очень часто случается, что мошенники с другой специализацией кидают этих удачливых мошенников на деньги.

И находить работу, и устраиваться на работу, и работать – это тоже разные компетенции.

Талантливые люди талантливы во всем. Да? Дикое заблуждение. Как раз наоборот. Талантливость во всем наблюдается очень редко, и когда все таланты очень маленькие. Или когда один талант имеет проявление в некоторых

областях, например, сверхспособности к трехмерному мышлению. Часто говорится: он суперспециалист, значит, ему нужно доверять во всем! Правильно: он суперспециалист, значит, доверять ему в чем-то, кроме его специальности, не стоит; скорее всего, он понимает всё остальное гораздо хуже простого универсального человека.

Из Вики: Синдром саванта, иногда сокращённо савантизм (от фр. savant – «учёный») – редкое состояние, при котором лица с отклонением в развитии (в том числе аутистического характера) имеют «остров гениальности» – выдающиеся способности в одной или нескольких областях знаний, контрастирующие с общей ограниченностью личности.

Поскольку некоторые детали, из которых что-то делается, исчезают навсегда, в этих некоторых областях человек становится полным идиотом. Мир специалиста делится на три зоны: маленькая успешная зона специалиста, большая зона стандартного дурака, и некоторая зона клинического идиота (там, откуда детали для специального таланта были взяты непосредственно).

В специалисте присутствуют и специалист, и человек-дурак. Очень часто получается, что, когда специалист получает повышение по службе, его обязанности расширяются в сторону общих задач, и он переходит из специалистов в человеко-дураки.

Нельзя быть успешным ученым без понимания такого факта, что большинство ученых не только ограниченные и недалекие, но и просто тупые. (с) Лоренц.

Социальный интеллект

Все сделано из чего-то. Приобретение означает потерю.

Социальный интеллект отвечает за способность понимать, что чувствуют другие, что не понравится другим и что хотят другие люди; высокий социальный интеллект позволяет угадывать состояния людей и так ими манипулировать.

Социальный интеллект – это набор взаимосвязанных интеллектуальных деталей, целостное подмножество универсального интеллекта. Социальный интеллект – множество интеллектуальных компонентов, и это множество старше, меньше и крепче универсального интеллекта.

Люди бывают с разным выражением интеллекта. Есть люди с УИ, есть люди с социальным интеллектом, есть люди со специальными интеллектами. Возможна рекомбинация, когда подмножество способностей социального интеллекта замещает плохо работающее подмножество УИ.

Для универсального интеллекта нужен социальный. Что удивительно, для социального достаточно иметь меньше элементов из универсального интеллекта. Комплект-подмножество социального интеллекта меньше. Шимпанзе имеют очень высокий социальный интеллект, и специалистам бывает довольно сложно установить всю последовательность их задумок и операций, что применяется при борьбе за власть в группе. При анализе интриг шимпанзе возникает идея, что их социальный интеллект не ниже человеческого; шимпанзе способны выстраивать многоходовки, манипулировать членами своей группы и подставлять членов своей группы. Но во всем остальном они на уровне идиотов.

В результате, когда люди теряют свой универсальный интеллект, люди с социальным интеллектом могут договариваться. И эта договоренность сводится к контролю ниш жизненного пространства, власти. Люди с повышенным социальным интеллектом получают власть только на поздних стадиях общества; на раннем их не пропускают наверх универсальные люди.

Повышенный социальный интеллект – это рекомбинация, достигается за счет снижения общего интеллекта, обычно применяется женщинами при адаптации в чужой группе и мужчинами для захвата власти в своей группе путем интриг и прочих хитростей.

Люди с социальным интеллектом не понимают, как строить коалиции, а чувствуют, как строить коалиции. Если бы они понимали, как строить коалиции, то это был бы логический интеллект. Социальный интеллект имеет внешне нелогическую систему операторов-действий; конечно, с помощью логики его понять можно, но это сложный обходной путь. Скорее всего, социальный интеллект оперирует некоторыми цельными множествами, иначе он бы не поместился в обезьяньи головы, и не был бы доступен людям с прочими средними интеллектуальными возможностями.

«Они же тупые, как они захватили власть» – слышно постоянно. А «они» имеют социальный интеллект специально для захвата и удержания власти. А «тупые» – поскольку социальный интеллект работает в ущерб общему. Так что часто случается, что власть захватили, а потом начинается кошмар для них самих же.

У технических специалистов обычно поврежден социальный интеллект. Социальный интеллект нужен для захвата власти и контроля над властью с помощью интриг. При этом у его обладателей снижены логические способности и способности к общему пониманию вещей, слабое критическое мышление. Что кажется парадоксальным; но для интриг, похоже, сама логика несколько иначе используется. Повышенный социальный интеллект делает мышление более «женским». Люди с таким мышлением не могут преуспеть в создании нового, но они прекрасно паразитируют на старом.

Организовываться люди могут и на базе универсального интеллекта, и на базе социального интеллекта. Можно предположить, что при универсальном организованная система оказывается максимально конкурентоспособной по борьбе с внешними, универсальными вызовами. При социальном система более ориентирована на адаптированность (женщина приходит в клан и в нем адаптируется), она не может реально противостоять внешним вызовам, но она бьет универсальную систему изнутри, а когда нация ослабевает – она её побеждает.

Природа ранней власти построена на универсальном интеллекте. Природа поздней власти построена на социальном интеллекте, а потом – на остаточном социальном интеллекте. Поэтому с ранней властью люди могут спокойно взаимодействовать по делу, а с поздней взаимодействие не получается. Люди власти на последней стадии цивилизации – это потомки специалистов с повышенным социальным интеллектом.

Для захвата власти нужны особые достоинства; особые достоинства делаются из обычных качеств; обычные качества у представителей власти оказываются сниженными; снижение этих обычных качеств есть неполноценность; в результате представители власти испытывают потребность компенсации этой неполноценности; захватчики сласти обладают особыми достоинствами и заслугами собственно захвата власти, и они этими достоинствами и заслугами компенсируют свою неполноценность; особые качества по наследству не передаются, а неполноценность передается; в результате наследники захватчиков власти испытывают постоянную потребность в компенсации, и одной крови для этого оказывается недостаточно; что и приводит к агрессивному компенсационному поведению представителей власти.

Специалисты

Когда говорится о специалистах, то говорится о действительных, настоящих специалистах, обладающих уникальными способностями, а не о людях, себя за специалистов выдающих, и не о людях, взявших под контроль специальные ниши, вроде гильдий или профессиональных мафий.

Самые «правильные», в значении максимально соответствующие правилам специалисты – это спортсмены. Их рекомбинации не вызывают никаких сомнений. Об их интеллекте и мышлении ходят анекдоты.

Математики и программисты обычно характеризуются совершенно иным, нечеловеческим мышлением. Это обычная рекомбинация. Из элементов универсального интеллекта и нормального мышления у них сделаны их специальные способности. Постоянно встречается отсутствие эмпатии. Постоянно встречается отрицание чувства любви. Это значит не только то, что математиков не любят. Это значит, что и математики не любят. Вообще неспособность понять

вроде бы очевидные вещи встречается постоянно. Специальности вроде математиков-программистов были всегда; например, в средневековой Европе вместо них были судостроители, артиллеристы. Программист – это тот же средневековый крестьянин, только еще умеющий программировать. Не более. А его представления о внешнем мире фантастичны, и тем более фантастичны, чем более великий он специалист. Это не 100%-факт; но это очень жесткая корреляция.

Школьный же опыт показывает нам странное явление: молодые люди, с любовью и успехом занимающиеся математикой, чаще всего оказываются малоспособными к другим наукам, особенно к словесности и истории. На математиках – специалистах весьма часто во всю их жизнь лежит какой-то странный оттенок ограниченности, и нередко с глубоким знанием математики уживаются в голове самые дикие, уродливые фантазии и упорнейшие, ограниченнейшие предрассудки. (с) Ушинский К.Д.

В демократических – и только – системах есть еще специалист – избираемый политик. Контроль власти – это вопрос кланов из спецслужб. (Римские «солдаты», совершавшие перевороты с солдатскими императорами, были скорее спецслужбами, а не солдатами в современном понимании.) В отношении политиков речь идет только о способности избираться, т.е. о соответствии массе и артистическом таланте. Демократические политики не контролируют ресурсы власти, их задача – организация шоу, борьба со скукой, отвлекающие маневры от распределения. По сути они артисты, как и телеведущие.

Непосредственно актеры и по сути актеры – обязательные участники общества спектакля. У них должно присутствовать главное свойство – чтобы их любила масса. Так что у них нет резкой рекомбинации, у них должна быть обычная массовая глупость.

Есть еще одна категория актеров, или артистов – публичные фигуры самого разного рода – известные менеджеры, директора, строители – по принципам подбора и функционирования относятся скорее к артистам.

Обычно выходит так, что при приближении к современному «великому изобретателю» или «предпринимателю», он прямо в воздухе начинает распадаться на части. Он туман, нет его, есть большие человеческие машины за этим туманом-образом. Это вполне естественно, реально этот изобретатель жил только в раннем модерне. И еще одна особенность этих персонажей: они ничего не говорят толком, они не проходят проверки на смыслогенерацию, они всегда в рамках дискурса – т.е. не выходят за границу очень короткого списка тем, где у них имеются готовые ответы, уже известные спрашивающим и потому не вызывающие раздражения.

Среди биологов и подобных специальностей, имеющих дело с материальными вещами, «актеров» меньше. Но что интересно, они есть, и они очень любят проявлять активность. В плане рекомбинаций, в плане отсутствия У-Интеллекта они мало чем отличаются от программистов. Но их язык ближе к натуральному, и поэтому то, что они несут бред, заметно еще меньшему числу людей.

Суди, дружок, не свыше сапога! (с) Пушкин.

Очень хорошо, что периодически футболисты, боксеры и программисты поднимают социальные вопросы. Как говорится, «дабы дурь каждого видна была». Но в массовом необществе возникает следующая проблема: масса дури не видит.

Для выяснения бреда, точнее, для выяснения, был ли это бред или не бред, желательно позднее разобрать высказывание и выделить основной тезис, его смысл. Обычно на этой стадии бред становится явным. Но поиск смыслов находится вне уровня досягаемости человека массы.

Если человек специалист, это не значит, что он тупой во всём неспециальном. Это значит, что за его высказываниями нужно очень аккуратно следить. У него, например, может быть утрачен один из массивов, например, та же эмпатия, а может быть сбой в некоторых иных операциях. Он может говорить совершенно верные вещи, и тут же добавлять свои (а чаще чужие) чисто фантастические восприятия.

Есть закономерность – чем выше степень профессионализма, тем больше бреда. Но это только для самых высших специалистов. Чуть ниже бреда будет меньше. И правильного восприятия мира будет больше. Но возникает другая проблема: тогда искать элементы неверного восприятия этого специалиста становится гораздо сложнее, потому что они находятся между элементов правильных.

Все эти особенности специалистов давно известны. *Не было еще ни одного великого ума без примеси безумия. (с) Аристотель.*

Иногда универсальность тоже становится специализацией; но таких специалистов нужны единицы. Специалист по общим вопросам – это тоже специалист. Он тоже может впасть в интеллиотию по какому-либо вопросу. Контроль нужен постоянный. Но массы таких специалистов не любят. Потому что в универсальности видно превосходство.

Для понимания современной цивилизации даже универсального интеллекта недостаточно. А обладают таким интеллектом в этой цивилизации очень не-

многие. Поэтому люди традиционно живут в цивилизации без понимания, пытаясь понять ее по ходу. А потом и люди, и цивилизация заканчиваются, и вопрос закрывается сам собой.

Иерархии

Масса действительно не видит иерархии там, где ее нет, например, когда аристократия утрачивает внутреннюю иерархию, масса это сразу замечает; но масса ошибочно переносит это представление и на те участки мира, где иерархия еще есть. И начинает эти оставшиеся иерархии разрушать. И более реагирует на реальные иерархии, а не формальные.

Масса отрицает иерархию во всем (и всего) еще и потому, что сталкивается с деградацией иерархии. Эти процессы с положительной обратной связью – деградация иерархии, (расширение массы) и отрицание иерархии массой. Масса создается-возникает не только снизу; и сверху тоже, и иерархия должна быть сначала повреждена сверху, а только потом может пойти массовый отказ её признавать. Масса не понимает иерархии и не видит смысла иерархии постольку, поскольку люди в иерархии теряют собственные качества, на которых иерархия и строится. Это процесс сути времени. А пропаганда может это чувство усиливать: ну какая может быть иерархия, если царица с Распутиным путается, а царь на это всё смотрит? Масса инерционна, и пока она инерционна, она следует навязанной ей иерархии, хотя и не чувствует этой иерархии; масса инерционно исполняет иерархию, иногда прокручивая рационализации этой иерархии. На этом этапе масса формально иерархична, реально она антииерархична всегда. И столкновение с реальностью, с открывшейся псевдоиерархичностью высших в иерархии, уничтожает в массе чисто формальную инерцию и рационализации иерархии. При реальном отказе от иерархий люди начинают жестко защищать разные формальные иерархии, придавать им повышенное значение, вроде научных званий. Шаги цепочки: утрата реальных качеств для иерархии; утрата реальных качеств для иерархии в сознании массы; утрата формальных качеств для иерархии в сознании массы.

Итак, общее, первый аспект: иерархия реально начинает исчезать в высших группах. Масса это замечает. И далее масса в своем сознании начинает отказываться от иерархии не только там, где иерархия была и исчезла, но и там, где иерархия реально не исчезала. Второй аспект: масса отрицает иерархию всегда, везде и во всем в силу одной только своей природы. Но это не отменяет первого аспекта.

Масса вроде бы отвергает иерархию, но глядя на доходы кумиров масс так не кажется. Тонкость в том, что масса отвергает качественную иерархию. Почему футболист свой для массы? Потому что нет качественной разницы. В футбол все могут играть. А футболист только по мячику лучше попадает. Количественно, а не качественно. Качественно он такой же, как все, как вся масса.

И актер тоже такой же. Играть все умеют, только у актера это количественно лучше получается. И политиком-чиновником любой может быть. Там вообще ума не надо. А говорят все трое так же, как и обычный человек массы. Иерархия отвергается массой для качества, а не для количества.

Человек массы отрицает иерархии, но при этом обожает богатых и знаменитых, в том числе и отдельных представителей начальства, для цели обожания раскрученных. В этом есть видимое противоречие. Оно решается через то, что свой для человека массы – это человек массы. Большой начальник, спортсмен, артист – если они показывают делами, что они представители массы, то они видятся за своих. А представить им такое очень просто, поскольку они действительно люди массы. Они не превосходят; и получается, что иерархии нет. И тогда человек массы включает их в свою виртуальную «семью». Чутье у массы очень тонкое, обмануть ее очень сложно: чуют иерархическое превосходство. Поэтому возник спрос на имиджевые фигуры, которые и изображают успешных людей, и которые подбираются для игры как типичные представители массы.

Итак, масса отвергает только качественные иерархии, количественные иерархии она отторгала на переходе от нации к массе, и скорее это отторжение количественных иерархий происходит от культурно-национального, утраченного момента. Поздняя масса не отторгает количественные иерархии. Но всё сильнее отторгает качественное иерархическое превосходство.

Есть парадокс в том, что, отрицая иерархию, масса строит иерархию. Масса бежит туда, где толпа, и тем самым создает мейнстрим; по аналогии это можно сравнить с засором в трубе, когда незначительный засор очень быстро приводит к засору значительному. Возможно, масса может позволить себе такую иерархию, поскольку у этой иерархии нет головы и нет превосходства – ведь эта иерархия создается массой. Эта иерархия всегда движется с самой массой, а поскольку движения много, то возникает эффект калейдоскопа. Масса что-то поднимает, как волна, но волна не останавливается, и постоянно поднимает что-то еще, и поднимая что-то масса одновременно, как волна, уходит от этого чего-то. В таком состоянии масса не может подумать о превосходстве и создаваемой иерархии, поскольку просто не успевает. Любовь масс недолговечна. После её скоротечной волны остается маленькая группа поклонников с прожженным биосом. Скорее масса не строит иерархии, а просто двигает массы, двигается, и так, как движение масс, это и воспринимает. А поскольку потоки есть и по трубам всегда что-то несется, то чтобы сделать миллиардера, в массовом мире ему достаточно выделить засор на трубе.

Ещё момент – человек массы не видит иерархии, если она от него далеко, и если он о ней получает информацию только из СМИ. В данном случае иерархия не отвергается, потому что не видится. При непосредственном столкновении человек массы вполне может той же иерархией возмутиться. Но не больше,

чем возмутиться – на большее такой человек в нормальном состоянии не способен.

Механизмы массы – простые, там не с чего быть чему-то сложному. Масса тяготеет к простому символьному представлению, в том числе людей.

В глубине массового чувства – деление свой-чужой. И если чужой, то агрессия. Непонятное – это чужое. Как велосипед для собаки, что вызывает агрессию.

Непонятное – это потенциально превосходящее. В непонятном опасность его превосходства – оно же непонятное. Так что основным индикатором для массы видится понятное-непонятное.

Так что, если человек выглядит и вещает понятно, на уровне – это свой; а если замечается что-то непонятное – это вызывает агрессию. На первые места для агрессии ставится то, что проще – в том числе внешние признаки интеллекта. Например, когда-то это были очки и длинные волосы, что создавало следующий образ – «студента».

Масса отрицает иерархию. Но она отрицает только свою иерархию, ту иерархию, которую навязывают ей непосредственно. Против чужой иерархии она может выступать на словах, но сделать ничего не сможет, поскольку она по большому счету вообще ничего сделать не может. Поэтому масса всегда оказывается под управлением чужой иерархии, а поскольку иерархия рождает власть, то под чужой властью.

Чтобы понравиться поздней массе, певец должен не уметь петь, музыкант – не уметь играть, режиссер – не уметь снимать кино. Но невероятным образом у них должно что-то получиться. Рэп, например. Пусть это будет не шедевр, но хоть что-то. Именно это нравится массе. Она не любит разного рода таланты, потому что таланты – это иерархия. Очень многие безголосые исполняют рэп, особой разницы между ними не видно, но масса, скорее всего, из всех выбирает того, у кого было относительно меньше способностей даже к этому. Человек массы испытывает симпатию только к человеку массы, а всё прочее ему не понятно, дискомфортно и отталкивает. Часто говорится, что для успеха нужны какие-то особые таланты. В массовом обществе чем более зауряден, чем более обыкновенен человек, тем больше у него шансов на успех, потому что тем больше у него шансов уловить и выразить настроение массы; в крайнем случае не вызвать у нее антипатию. А если какие-то параметры могут не понравиться массе, то их нужно компенсировать демонстрацией собственного деструктурирования; главное – не перебрать с ним, потому что при переборе опять получится превосходство над массой в деструктурировании и снова – иерархия.

Толпа бежит туда, где видит толпу. Поэтому самый лучший способ привлечь толпу – это симитировать толпу, а симитированной толпой симитировать нужное действие, а дальше прибегают и процесс повтора пойдет автоматически. Иное дело, что этот процесс, будучи запущенным, без поддержки продержится малое время: если процесс сложен и энергозатратен, он затухнет быстро, если прост и навязчив – будет продолжаться долго.

К моменту массового общества всё возможное в культуре-искусстве уже создано. Для успеха остается только правильно упростить. Чтобы массе понравилось. И для этого нужно просто быть ближе к массе.

Авторитетная обезьянка

Что в начале, то и в конце.

Авторитетная обезьянка – это очень старая, дочеловеческая программа. Есть общие правила. Сексом занимаются с теми, кого видели меньше – это техника избегания инцеста. Подражают тому, кого видели больше. Авторитетная обезьянка – та, которую больше видели. Чем дольше живет или чем больше упоминается в СМИ – тем авторитетнее. У обезьян это логично – если она столько прожила, то наверняка не делала плохих поступков, которые сокращают жизнь; значит, можно повторять. А людям это просто досталось по наследству.

Авторитетная обезьянка дает оценку и санкцию. Она наделяет людей, объекты и явления своим авторитетом. Она санкционирует книги, фильмы и политиков.

Она должна быть: старшего возраста; успешнее среднего; должна долго находиться в поле зрения, чтобы казалось, и вообще желательно, чтобы она всегда в этом поле была.

У массы нет иных критериев, кроме как верить авторитетной обезьянке. Критического мышления, логического мышления, аналитического мышления – нет, да и память плохая. Специалисты – это люди массы.

Почему люди склонны слушать специалиста? Потому что он попадает под программу «авторитетная обезьянка».

Критический подход с авторитетной обезьянкой не включается. И правильно, что не включается. В жизни есть множество стандартных ситуаций, и если по каждому случаю человек будет включать критический подход, он будет перманентно пребывать в состоянии торможения.

Авторитетные обезьянки иногда еще и умирают. Тогда их функции могут переходить мертвым авторитетным обезьянкам.

В течение миллионов лет авторитетные обезьянки выполняли свои полезные функции. Но мир изменился, и его сложность превысила сложность опыта авторитетных обезьянок. Но программы в людях остались, и программы продолжают работать. Программы вроде следования за авторитетной обезьянкой имеют приоритет над критическим подходом и в среде массы исполняются в первую очередь. А пока программы работают, то кто может, их еще и эксплуатирует.

Без общего интеллекта, без знания структурирования, без понимания принципов работы мироздания невозможно отличить человека реального знания от городского сумасшедшего. Люди массы и не могут их различать; людям массы просто рассказывается авторитетной обезьянкой, кто есть кто, а потом они повторяют.

Специалист (а неспециалист тем более) не сможет отличить в тексте по общим вопросам осмысленный текст от графомании, поэтому он обращается за решением к авторитетной обезьянке. Обращаются к специалисту по неспециальному вопросу. А он в этих вопросах, научно выражаясь, дурак. Так что отдельные люди еще могут отличать осмысленные тексты от графомании, и то возникают вопросы, поскольку люди становятся очень разные. Но собственно общество отличать уже не может, в том числе на уровне официальной науки; это было показано розыгрышами, когда машинные тексты проходили публикации в научных журналах. («Корчеватель»)

Специалисты могут оценить с критическим подходом только свой специальный текст. Текст общего плана, гуманитарный или социальный, специалисты оценить не могут. И не только текст – событие, явление – тоже не могут. Поэтому полагаются в оценке на авторитетную обезьянку. Если, конечно, они сами не являются этой обезьянкой. Специалисты смотрят на авторитетную обезьянку, которая специалист, но они не понимают чужой специализации, они не понимают того, что успех в специализации не означает понимание общего, и не означает понимание даже смежных областей. Часть человека «специалист» в таких ситуациях отключается, и остаются авторитетные обезьянки и просто обезьянки.

В массовом необществе авторитетными обезьянками являются и артисты, и спортсмены. В отличие от профессиональных политиков, эти не стесняются давать свои оценки. А если и не хотят этого делать – все равно из них эти оценки будут вытаскивать журналисты, еще и добавляя своими домыслами.

Почему для общественного развития жизни так важно скинуть специалиста с пьедестала? Конечно, Бог умер, человек умер, специалист на самом деле тоже умер, и это надо добавить, но не это главное. Проблема в том, что люди массы не могут понять, где заканчивается уровень компетентности. И не поймут, для

понимания нужен универсальный интеллект. Если дорогу расчищать – то расчищать, и оставлять на ней последнее – лежачего специалиста – неверно. Убрать его – и возможности движения к созданию нового возрастут многократно. А у массы так пропадет одна из последних зацепок, держась за которую, представитель массы может что-то «авторитетно, со ссылками на специалиста» вещать.

Люди-детали

«При капитализме экономическая деятельность, успех и материальная выгода стали самоцелью. Судьба человека состоит в том, чтобы способствовать росту экономической системы, умножать капитал – и не для целей собственного счастья, а ради самого капитала. Человек – лишь деталь машины и служит целям, внешним по отношению к себе». (с) Эрих Фромм «Бегство от свободы».

Первое условное поколение: эффективные специалисты без общего понимания. Из универсального интеллекта сделаны специальные способности.

Следующее условное поколение: потомки специалистов без общего понимания с утратой специальных способностей.

Делать что-то можно только из хороших, годных деталей. Из множества разных простых деталей можно сделать одну новую супердеталь. Если хорошая деталь сложная, одна и она сломалась – сделать уже ничего нельзя. Только если самый примитивный и не лучший молоток – из сломанного микроскопа. С такими людьми-молотками цивилизация под конец и остается.

При утрате специальных возможностей получают люди, способные только к самым примитивным операциям, и в том числе для них весь производственный процесс в поздней цивилизации на эти операции разбит. И еще – все эти люди совершенно одинаковы в плане применения. Это именно масса деталей. Они немного различаются, конечно, но в общем они взаимозаменяемы. Нужно заметить, что не у всех, но у многих из этих людей есть какие-то уникальные таланты, но настолько уникальные – в развитие варибельности до предела – что найти им применение невозможно.

Люди-детали понимают всё ограниченно, только через детальный подход. Если с ними говорить о деталях, они поймут. Они видят детали, их сознание оперирует деталями. Люди-детали во всех целых вещах и сообщениях видят только детали. Если поднять уровень, начать говорить об абстракциях – не поймут. Это говорит о проблемах с абстрактным мышлением.

Люди-детали могут носить в себе очень большие куски культурного кода и могут эти куски кода выдавать, повергая в изумление окружающих. Но они не имеют универсального интеллекта и не могут понимать тот культурный код,

который сами же и выдают. Чаще они ограничиваются прочтением заголовков как деталей текста, и далее выдают что-то из старых деталей кода, имеющегося в памяти.

Когда в рассказах человека возрастает детализация, это говорит о деградации его мозга. Многие люди в пожилом возрасте начинают вспоминать и замечать детали, на которые вроде бы никогда не обращали внимания; и это признак большинства болезней, связанных со старческим слабоумием. Но было бы правильно расширить это на всех людей независимо от возраста. Для деградации мозга не нужна старость.

Этих людей можно организовать, поставив каждую деталь на свое место, и получится серьезная сила. Но каждый человек в отдельности никакой силы не представляет. И сами эти люди не способны к организации, собственно процесс их организации – это процесс их принуждения со стороны. И этот же процесс есть создание из людей-деталей единой машины. И если люди-детали в машину организованы – эта машина сильнее любых групп универсальных людей. А если не организована – универсальные люди меньшим числом бьют большее число людей-деталей. Без организации одни люди-детали просто смотрят, как таких же людей-деталей бьют.

Восставать могут люди. Люди-детали восставать не могут. Потому что восстание – действие, требующее общего взаимодействия, общего понимания, и соответственно общего интеллекта. Восставать могут сословия, нации, классы. Масса восставать не может. Потому что восстание – действие, требующее иерархии, а массы отвергают иерархию. Но массы могут присоединиться к восстанию людей, и участвовать в восстаниях, поэтому может казаться, что массы могут восставать.

Получается так, что история делает круг: она начинается со множества относительно талантливых универсальных людей, потом проходит период специалистов, а заканчивает массой людей для примитивных операций. Последние универсальны, только уровень у них на порядок ниже, чем в начале.

Все люди-детали имеют смысл только до тех пор, пока в их системе кто-то думает об общем и определяет это общее. Общее, бывает, определяют ошибочно. Но если общее не определять, оно автоматически определяется ошибочно. Общее исчезает, и люди-детали рассыпаются. И становятся людьми-ненужными-деталью. Далее утилизируются.

Большинство людей действительно не нужны. Ни экономике, ни политике, ни себе самим. У Бодриера есть идея, что города будут превращены в складывалки ненужных людей-деталей.

Адаптация в цивилизации

Особь должна быть адаптированной к среде. В цивилизации человек адаптируется не к чему-то здоровому или положительному, а к накопленным в виде инерции структур уродствам этой цивилизации; и тот, кто лучше адаптируется, считается успешным и социально адаптированным.

Например, в магазин требуется продавец. Такой продавец находится. Но в нагрузку к этому продавцу выдается человек. Человек – это обременение продавца. И этот человек – это проблема. Это проблема и для нанимателя продавца, и для человека, который в продавце. Поэтому задача магазина – максимально нейтрализовать, снизить значение человека в продавце. Чтобы обременял продавца как можно меньше.

Человек – он сложный, многомерный. Потеря сложности ведет к утрате человеческого. Но сложность – это обременение человека-детали, человека-функции.

Есть машины из железа, которые делаются для совершения рекордов – гоночные. А есть спортсмены, машины из человеческого мяса, которые тоже делаются для совершения рекордов. Машина из человеческого мяса нужна не только в спорте, она нужна везде.

Клоун, потешающий публику в цирке, вынужден тренировать себя как клоуна круглые сутки, не зная отдыха, иначе он не выдержит конкуренции с другими, более усердными клоунами и опустится на ступень ниже, наденет униформу уборщика вместо шутовского колпака с бубенчиками. И поэтому он всегда и всюду – только клоун. Ни на что другое у него уже нет ни времени, ни сил. ... Точно то же буржуазное общество делает и с банкиром, и с высокооплачиваемым лакеем, и с инженером, и с математиком. Капиталистический способ разделения труда не знает и не терпит исключений. Поэтому профессиональный кретинизм и превращается здесь не только в факт, но и в добродетель, в норму, даже в своеобразный идеал, в принцип образования личности, соответствовать коему старается каждый, чтобы не погрузиться на самое дно общества, не стать простой, неквалифицированной рабочей силой. (с) Э. Ильенков, «Проблема идеала в философии».

Казалось бы, существуют специальности, не требующие ни способностей, ни особых временных затрат, и таких специальностей даже большинство. Первое – они не оплачиваются высоко, и тем отправляют работников вниз социальной пирамиды. Главное – поскольку и у них существует конкуренция, то она так или иначе осуществляется. Конкуренция происходит из множества претендентов на эти рабочие места; больше претендентов – больше конкуренция. И из самой идеи большой конкуренции возникают дополнительные требования; к

тому же власть развращает – если можно из людей выжимать больше ресурсов, и эти люди сами стремятся к конкуренции друг с другом за эти места, из них выжимают. Она осуществляется через конкуренцию дополнительных затрат времени, дополнительных обязанностей, дополнительной ответственности, дополнительных способностей интриговать. Так что даже универсальный человек вынужден специализироваться; и тем самым его универсальность опять оказывается минусом – даже на работах, не требующих врожденной специализации и особых способностей. Неспециалист превращается в такой же точно придаток своей работы, как и специалист. И даже на этих работах человек универсальный все равно оказывается проигрывающим по эффективности – тем, кто может сосредоточиться на работе в большей степени. Инициатива и усердие становятся обязательными для всех, а не только для желающих служебного повышения.

Так получается конкуренция без специализации, которая возникает там, где конкуренции как раз вроде бы и нет, и занимает свободное место отсутствия конкуренции.

– Естественно, – сказал я. – Человек стремится к деньгам, потому что иначе он умрет с голоду. Так уж жизнь устроена.

– Слова правильные, – согласился Энлиль. – Но я бы чуть поменял их порядок. Тогда изменится акцент.

– А как надо?

– Жизнь устроена таким образом, что человек умрет с голоду, если станет стремиться к чему-то кроме денег. © Пелевин

Да, для адаптации-выживания действительно приходится от всей сложности отказываться. И выбор оказывается далеко не свободным и далеко не в пользу многомерных людей.

Почему умирает вроде бы всё сразу, от искусства до политики и до собственно смерти социального? А потому что умирает человек многомерный. Потому что он в одномерном мире стал неконкурентоспособным. Через многомерность проходили смыслы – и смыслы больше не проходят. Человек определяется более ненужностью и менее ненужностью. Сложный – более не нужен. Он первый и проходит, оставляя прочих сложных-многомерных в непонимании.

Всякое в жизни бывает, но в абсолютном большинстве случаев успешный, «сам-всего-добившийся» человек в цивилизации – это что-то вроде овцы, родившейся с короткими ногами. Как говорится, «попробуйте добиться» репродуктивного успеха этой овцы. А что такое «элита»? Это те же овцы с уродливо короткими ногами.

Себе на горе я был вскормлен грезами и пророчествами великих американцев, поэтов и провидцев. Но победила какая-то другая порода людей. Мир, фабрикуемый ими, вселяет в меня страх. Я вижу, как он набирает силу; я могу читать его, как читают чертежи. Я не хочу в нем жить. Этот мир маниакально одержим идеей прогресса – поддельного прогресса, зловонного прогресса. Этот мир завален бесполезными вещами, и они идут нарасхват у мужчин и женщин, которым вдалбливают, чтобы легче было одурманить их и ими распорядиться, что эти вещи полезны и необходимы. Мечтателю, чьи мечты никак не могут пойти в дело, нет места в таком мире. Выбраковывается любой, кто не предался миру купли-продажи, предпочтя ему творчество, идеи, принципы, фантазии и надежды. В таком мире поэт – отщепенец, мыслитель – сумасшедший, художник – изгой, а ясновидящий проклят. (с) Генри Миллер, «Аэрокондиционированный кошмар»

Масса приспособлена, адаптирована к городу. Если точнее – к его структурам. Всякий раз, когда возникает структура, люди ищут варианты к ней присосаться, на ней паразитировать. Если структуры в нации сменяются быстро, то присосаться к ним не получается, вернее даже, получается, но сами структуры проходят. А если структуры стоят долго – то вокруг них сначала возникает паразитирование, а потом это паразитирование приобретает формы власти.

Масса есть усреднитель. Для адаптации в цивилизации снижения нужно повторять параметры массы как определяющей группы. Нужно быть серым, заурядным, незаметным, чтобы не вызывать раздражения и не быть обнаруженным раньше реализации личного проекта. Уровень деструктурирования должен соответствовать среднему; при этом важнее, как этот уровень видится, а не какой он есть. К тому же для продвижения в цивилизации обычно используются грязные пути, а чтобы по ним успешно двигаться, нужна определенная степень деструктурирования морально-культурного; впрочем, цивилизация научит. А после того, как успех у массы достигнут, можно делать все что угодно – у массы обратного хода нет.

Масса есть машина-усреднитель. Но при этом все параметры постепенно ползут вниз – деградация и дегенерация массы – её естественные свойства. Поэтому то, что принимала масса некоторое время назад, потом обычно не проходит, уровень деструктурирования-внутреннего-разрушения всегда должен расти. Такой поиск соответствующих духу времени решений даже может показаться чем-то вроде прогресса.

Поздний человек ориентирован не на создание структур для жизни, а на паразитирование на имеющихся структурах. Для него это естественно, иного он просто не поймет. Для его сознания естественно, что все блага и так есть, осталось их только отрегулировать и перераспределить.

Эффективность, стандартизация, унификация

Эффективность – это способность системы производить больше всего полезного с меньшими затратами.

У человеческой группы нет другой идеи, кроме как жить-быть. Обычно X ради X означает спектакль. Жизнь ради жизни – это исключение, потому что это базовое. Поэтому для человеческой группы задача стоит не как «быть или не быть», а как быть эффективно.

Эффективность человеческого сообщества – понятие многомерное; обычно эффективность оценивается в контексте, которым является мир сражающихся наций. Но чтобы добиться победы, нужно добиться эффективности только по отдельным областям. Поскольку области успеха для наций рекомбинативны, как и для людей, нельзя добиться успеха во всем. Нации в борьбе за ресурсы точно так же становятся «специалистами». Далее они программируют себя на отдельные виды эффективности, потом включается фактор инерции, а далее становятся узкоспециализированными. На следующем витке развития, когда условия победы меняются, узкоспециализированные нации терпят поражение. Потому что из специализированной свиньи не сделать универсального кабана.

Стремление к эффективности становится машинной программой нации, превращающейся в массу. Нацию и массу даже можно различать по степени приверженности программе, живая нация программе не привержена, у нее больше свободы. Программа есть результат накопленной инерции, а живая нация не успевает инерцию накопить.

Для повышения эффективности требуются специалисты и связанная с ними система разделения труда. Это в числителе. В знаменателе идет сокращение издержек, для этого нужны концентрация, поскольку оптом дешевле, унификация, поскольку позволяет повышать количества деталей и снижать те же издержки на них. Вообще-то обычная, добрая мечта директора завода.

Но концентрация ведет к монополизации. А согласно Марксу, норма прибыли постоянно падает, а когда она падает ниже допустимой нормы, она начинает регулироваться и распределяться. Затем концентрация-монополизация ведут к естественному и закономерному социализму, поскольку регулировать и распределять – это он и есть. А от социализма один шаг до тоталитаризма, и далее к жизни насекомых.

Унификация

Капитализм в своей основе хочет, чтобы люди были взаимозаменяемыми винтиками, а различия между ними, например, по признаку расы, обычно не признаются им ... В долгосрочной перспективе вы можете ожидать, что капитализм

обязательно будет антирасистским – просто потому, что он античеловечен. А раса, на самом деле, является человеческой характеристикой и я не вижу причин, почему это должно считаться чем-то отрицательным. Таким образом, идентификация, основанная на расе, мешает базовому идеалу капитализма, согласно которому люди должны быть доступны, как потребители и производители, они должны стать взаимозаменяемыми винтиками, которые будут покупать все это барахло – это их конечная функция, и любые другие свойства, которые они могут иметь, являются неактуальными. (с) Noam Chomsky

На самом деле капитализм ничего не хочет. Просто есть система, а у системы есть точка притяжения – аттрактор. Директор завода должен хотеть того же, что приписано к «хотению» капитализма. Потому что если чего и хотеть, то только повышения эффективности. И то не хотеть, а унаследовать направление в виде инерции.

Схема, которая таким образом применяется обычно к товарам, реально подходит к любым системам. На товарах она рассматривается обычно и проще. Но она отрицает не только расу, например, но и вообще все человеческое-неоднородное. Схема эта используется и работает и для армии, и для городов, и для корпораций, и для наций, и для цивилизаций. Потому что оптом действительно дешевле, и противопоставить этому нечего. Большие превосходят маленьких не только по размеру, но и по множеству других параметров эффективности. И при этом еще и растут.

Таким образом, по направлению к получению эффективности, причем не человеческой, а машинной, задается инерция для цивилизационной сверхсистемы и ее подсистем. Эта инерция не может быть остановлена ни во времени, ни в охвате – она распространяется на людей и определяет, как им жить для повышения эффективности. Естественно, не эффективности людей, а эффективности машинных систем. А эффективность машинных систем определяется снова машинными системами – через формализованные параметры.

Дешевле становятся не только товары, но и люди. А если ради эффективности товара жертвуют его качеством, что в поздней цивилизации происходит повсеместно, то падает и качество людей. Качество людей не формализовано. Если кто-то выпустит по своей вине бракованную, но даже не вредную колбасу – у него будут серьезные проблемы. За выпуск бракованного ребенка наказания нет. Нет формализации, нет критериев, нет вообще понимания.

Стандартизация позволяет снизить затраты и повысить выход продукта. В результате всё начинают стандартизировать. А потом начинается инерция стандартизации. На стадии инерции начинается стандартизация мыслей и людей. Действительно, самый радикальный способ стандартизации потребления – это стандартизация запросов.

Современный мир изо всех сил стремится, даже тогда, когда он декларирует, что следует за наукой, к единственной цели – к развитию промышленности и механизации. И таким образом, стремясь подчинить себе материю и поставить ее себе на службу, люди в конечном итоге, как мы отметили в самом начале, лишь становятся ее рабами. Они не только ограничили свои интеллектуальные претензии – если о существовании таких претензий сегодня вообще можно говорить – изобретением и конструированием механизмов. Они кончили тем, что сами превратились в механизмы. Не только ученые, но и техники, и даже рабочие проходят специализацию, столь восхваляемую некоторыми социологами под видом «разделения труда». И это окончательно лишило рабочих возможности разумного труда. В противоположность артизанам и артельщикам прошлых времен они превратились в простых рабов механизмов, с которыми они составляют единый блок. Чисто механическим образом они вынуждены постоянно повторять определенные движения, всегда одни и те же и выполняющиеся в одинаковой последовательности, чтобы избежать малейшей потери времени. (с) Рене Генон, Кризис современного мира

Нормы и стандарты вводятся из благих побуждений. Но в сумме они ведут к тому же состоянию узкой стандартизации. Через стандарты и нормы стандартизируются сначала товары, через товары стандартизируются фирмы, а через стандартизацию фирм стандартизируются люди. Нестандартная мелочь ликвидируется. А потом и вся оставшаяся мелочь ликвидируется. В отраслях остаются монстры-монополисты, по масштабу равные отраслевым министерствам. Стандарт – это один из главных инструментов монополизации, поскольку он ужесточается, пока не остается только один победитель.

Унификация происходит всегда, как процесс притирки элементов в результате их взаимодействия. Но унификация каждый раз происходит на уровне ниже предыдущего. Потому что с одной стороны падает качество человеческого материала вообще, а с другой специалисты всё более отдаляются и могут понимать друг друга только уровнем ниже. И унификацию всё время приходится проводить заново – и каждый раз уровнем ниже. В моменты создания наций для понимания достаточно унифицировать язык. Но чем дальше, тем больше элементов жизни унифицируется, к концу инерция процессов заставляет унифицировать всё – кстати, нереализуемая, и только уничтожающая живое разнообразие задача.

Что важно, все элементы унификации – по отдельности это в общем правильные, естественные, неизбежные действия; только в совокупности они ведут к цивилизационной катастрофе. В основном потому, что унификация людей оказывается неизбежной, и унификация людей ведет к катастрофе человеческого начала во всём.

Борьба за понимание

Демократический процесс есть *пространство договоренности свободных людей (с)*, есть борьба общественных групп за свои интересы; но когда люди не могут договориться даже о групповых интересах, когда они настолько разные, что утрачивают общества, то демократический процесс естественным образом становится невозможен. Просто обычно режимы добивают демократические процессы, когда те утрачивают силу; а иногда кажется, что происходит наоборот – что режимы уничтожают здоровые демократические процессы (Такое возможно только для маленьких систем вроде греческого полиса). Режим – он же продолжение этого же демократического процесса, процесс един, он вырастает в нем, а не прилетает с Марса. За демократическими процессами стоят общества; эти процессы и есть проявления обществ. Без обществ эти демократические процессы – пустые формы, карго-культы.

Универсальные люди с универсальным интеллектом друг друга обычно понимают, и унификация им не нужна; через общий-универсальный интеллект они и без того достаточно унифицированы, как минимум достаточно, чтобы понимать друг друга. Изначальная причина унификации – слишком разные люди. Процесс унификации запускается еще на ранней стадии, в процессе незавершенного формирования нации – чтобы добавить в нацию больше людей и сделать ее больше и сильнее. А сами разные люди появляются чисто как специалисты; специалистов и приходится унифицировать как людей.

Далее начинает расти вариабельность наций, и, следовательно, растет разброс параметров. Руководители этих наций чувствуют, что разброс параметров становится слишком большим, и из соображений общественного блага вводят дальнейшие унификацию и стандартизацию людей, чтобы люди друг друга понимали и нация не развалилась. Процесс набирает инерцию; потом он не может быть остановлен, но об этом сначала не думают.

Людям стараются давать одни и тот же минимум знаний, чтобы они лучше друг друга понимали. Сначала унификация проводится успешно; это и уровень синхронизации языка, и уровень поведения, и уровень начальной научной информации. Но далее унификация поднимается на следующий уровень сложности, где сами унификаторы уже не могут понять унифицируемое – потому что они тоже люди своего времени и люди оригинальные. Унификация начинает где-то не срабатывать, а где-то идти не туда, не в те области, в которых она нужна и возможна; процесс выходит из-под контроля, возникает программа, которая задает направления. А если в процессе унификации допускается ошибка – а на сложном уровне она всегда допускается – это вызывает понимание этой ошибки массой и ведет к сопротивлению унификации. А в самом конце процесса люди становятся еще более разными, что перестают понимать саму информацию унификации, процесс увеличения разброса продолжается.

Бесполезность унификации уже начинает пониматься всеми – на уровне заявлений, но остановить ее не получается. Не получается, потому что уже получается масса, а в массе уровень понимания стремится к нулю, а унификация проводится уже самой массой на уровень массы, так что вопрос направлений унификации пропадает.

Как инерционный процесс, как остаточная программа унификация сохраняется и проводится уже не волей, а инерционно, и непонятно, кто её проводит. Процесс унификации теряет изначальный смысл и становится машинным, ориентированным на самоценность унификации; как и любой процесс.

Массовое общество – общество притирки и усреднения, поскольку все смотрят на всех, масса на массу; причем усреднения каждый раз на уровне ниже предыдущего – вследствие линейных хронических деградации и дегенерации.

Универсальное человеческое, которое было изначальным, сначала утрачивается с ростом специализации-вариабельности, а потом возвращается на уровне ниже в виде универсального-унифицированного-массового. Соответственно еще и одномерного. Заодно выкидывается множественная иерархичность, кроме единственной иерархии деньги-власть-потребление, определяющей одномерность.

Первые специальные люди, первое их условное поколение не сильно отрываются-отличаются от универсальных людей и потому все понимают друг друга.

Для дальнейшего понимания специальных людей нужно множество универсальных людей. Два разных специальных человека друг друга не поймут, поскольку особенности у каждого свои, и поэтому множество универсальных людей служат множеством переводчиков для специальных людей.

С тем, как особенности увеличиваются, появляется необходимость в переводчиках, которые бы обеспечивали, чтобы универсальные люди понимали людей специальных. Число переводчиков возрастает многократно.

С тем, как особенности увеличиваются далее, возникает необходимость в многоступенчатом переводе, что оказывается невозможно обеспечить. Масса имеет низкий интеллектуальный потенциал даже для того, чтобы понять хотя бы первых специальных людей. А понимать через перевод оторвавшихся от массы специалистов, еще и со своей ушедшей в специализацию терминологией, и еще со своими психическими особенностями понимания – это невозможно. (Пример – современная философия.) И сами переводчики становятся настолько специалистами, что и их самих приходится переводить. Понимать становится невозможно и для массы, и для других специалистов, и для специалистов по общим вопросам, и в финале – для специалистов по тому же самому вопросу.

Сначала, в средние времена, ставится задача: «Это надо перевести на человеческий язык». А потом, ближе к концу, появляется контр-вопрос: «На какой именно человеческий язык?»

В самом конце уже каждый представитель массы начинает выражаться своими собственными абстракциями, ассоциациями и ретроспекциями. Чтобы люди понимали друг друга, появляется бытовая версия языка, упрощенная, вроде вульгарной латыни. Но в один момент и эта система разваливается, люди расходятся еще дальше, и ее перестают понимать. И если кто-то со стороны не навяжет язык, то у каждого рода появляется свой язык. Абстрактное общение вообще перестает быть возможным, социальное – с трудом.

Специалисты – это люди-детали и люди массы. Например, поставлена какая-то проблема. Люди-детали видят в проблеме разные детали, и исходя из видимых деталей определяют приоритеты в решении всей проблемы, и у всех детали разные, потому что в головах разные детали; целого они не видят. Люди массы не обладают способностью различать главное и второстепенное, и аналогичные категории, и каждый видит в проблеме свое главное, которое кажется. Люди массы ограничены, и в силу ограничений каждый человек массы не видит каких-то отдельных деталей проблемы. В сумме их представлений о проблеме получается не описание и не решение проблемы, а шум, потому что чужие решения для людей массы не видимы. Специалисты могут рассказывать о проблеме с одной стороны, которую увидел их участок интеллекта, и чтобы принять решение и упорядочить их мнения, нужен человек-интегратор, а специалисты, как представители массы, сделать этого не могут. Такая проблема при подходе приводит к тому, что для управления специалистами выделяются специальные люди – чиновники и управленцы. В жизни систем – государств и корпорации – это фактически целая стадия, тоже поздняя и социалистическая. Но это помогает тоже на ограниченном участке, а далее взаимопонимание исчезает.

Тоталитаризм

Тоталитаризм – закрытая и неподвижная социокультурная и политическая структура, в которой всякое действие (от воспитания детей – до производства и распределения товаров) направляется и контролируется из единого центра. (с) 1952, США политологический симпозиум.

Тоталитаризм – это экспансия одномерности.

Тоталитаризм – система победивших специализации, универсализации, унификации, стандартизации, в структурах и людях.

Тоталитаризм – это продолжение стандартизации, расширение ее на мозги людей.

Тоталитаризм – это высшая и последняя стадия социализма как системы регулирования и распределения, распространения машинного регулирования на людей.

Для производства унифицированных товаров должны быть унифицированные люди, которые эти товары купят под влиянием унифицированной рекламы. Тоталитаризм решает эту последнюю проблему – создание людей, соответствующих машине.

Тоталитаризм как система реализуется на средней и предпоследней степенях унификации. Тоталитаризм – это и есть такая унификация, когда жестко задаются рамки одинаковости. Тоталитаризм – это не обязательно власть личности-диктатора, главное – это власть унифицирующей программы. Идеи тоже унифицируются, идеология остается только одна. Потом остается одна идеология деидеологизации.

Удерживать всё множество сложных процессов под контролем можно только недолго. Разность людей ведет не только в взаимному непониманию. К развитию ведет тоже она. Развитие тоталитарных систем останавливается в течение одного поколения. Но обрушение происходит даже не от остановки, а больше от того, что сами представители правящих классов тоже становятся достаточно разными и им перестает нравиться власть программы, которая может их совершенно случайно ликвидировать – за то, что они слишком разные. Тоталитаризм происходит из неизбежности унификации и потому сам неизбежен для больших систем – как стадия развития-деградации. Бывает, что правящие классы даже свергают свой собственный тоталитаризм – но он неизбежно возвращается. Единственное, как его можно прогнать насовсем – это разрушить систему до мелких деталей. Чем меньше система, тем меньше она подчиняется правилам, потому что менее инерционна.

Что вверху, то и внизу. Только так возникают стабильные социальные состояния. Тоталитаризм идет не только сверху, в той же степени он идет снизу, от человека массы. В человеке тоталитаризм происходит из ограниченности. Когда мир вдруг резко и неожиданно расширяется – что как раз переживалось в начале 20 века – в напуганном сознании людей возникает идея упорядочивания. Когда эта идея встречается с системной тенденцией к упорядочиванию – тоталитаризм рождается, и переплетение частного и общего становится настолько тесным, что люди становятся тоталитарными в мышлении. И даже если тоталитаризм вдруг отменяется сверху, снизу он остается. И каждый человек оказывается маленьким генератором тоталитаризма.

Власть-деньги-потребление в одном месте – так было часто и это нормально. Идея одномерности в том, что все эти величины – власть, деньги, потребление, секс – без ущерба пересчитываются друг через друга и конвертируются друг

в друга. Все остальные явления мира пересчитываются в эту универсальную валюту. Такая одномерность в восприятии и есть истинная одномерность.

При тоталитаризме все эти ценности еще и объединяются в высшей точке управления. Все ценности становятся конвертируемыми и в сознании каждого человека массы, и в социуме, и на вершине социума. Власть делает деньги, деньги делают власть, потом все сливается неразделимо во власть-деньги.

Тоталитаризм обычно вводится для борьбы с противником в гражданской войне, особенно в холодной гражданской войне. Когда противник уничтожен, в тоталитаризме нет необходимости, но масса рассматривает его как естественную и комфортную форму жизни – он еще и становится инерционным. Но выражает себя масса только через психозы, собственно наладить жизнь масса не может и требует этого от режима. Для этого режиму нужны тоталитарные полномочия.

От тоталитарного государства – путь идет далее к тоталитарному обществу, для которого тоталитарное государство естественно. Всё это поздняя жизнь нации и переход к необществу.

Тоталитаризм не может без массы. Потому что тоталитаризм – это применение машинных методов к людям, а если люди не находятся в состоянии массы, то эти машинные методы они будут жестко отвергать.

В массовом необществе все люди разные. В результате плохо понимают друг друга. В результате чувствуют одиночество. В результате начинают искать кого-то для борьбы с одиночеством. Окружающие люди не подходят, потому что слишком разные и нет понимания. Остается только вождь. Кстати, настоящий вождь совсем не обязателен, более, в позднем массовом необществе он невозможен. Но масса вполне может удовлетвориться артистом в роли вождя. Настоящие вожди бывают только в короткий момент перехода от нации к массе.

В до-массовом мире миллионеры крайне редки. Когда нет массы, продавать товары сложно: опт маленький. И делать сложно. Власть и деньги разделены; и власть вполне может захватить деньги.

А в мире масс деньги и власть переплетены в одно, что создает их относительную безопасность. Масса стандартизирована, и в потребностях тоже, и это позволяет делать состояния за счет массовых продаж массе. Отсюда появляются миллионеры.

В прежнем мире если кому-то не нравится товар, для него делается другой. В новом мире никто другой товар делать не будет, поскольку разница в цене между оптом и индивидуальным производством будет несоизмеримой. Поэтому

людям придется подстраиваться под товар, ломать себя, если товар им не подходит. Что людям использовать и что носить – будет определять товар, а каким будет товар – будет определять программа усреднения. Это обычно называется «рынок решит», но поздний рынок только навязывает – в этом и есть его решение. Сначала это касается материальных товаров, потом переходит на нематериальное потребление, а потом вообще в сферу идей – но это уже тоталитаризм.

Люди не смогут покупать товары, которые им нравятся, поскольку это будет стоить несоизмеримо дорого. А те, у кого будут деньги, будут спокойно относиться и к стандартным товарам. Так что унифицированный халат пойдет на все случаи жизни – он не просто так прижился на руинах прежних цивилизаций. Второй момент – одежда выражает внутреннюю структурированность человека. Если человек носит «чужую» одежду, это будет вводить в заблуждение. Со временем представление о внешнем структурировании будет разрушено. А внутреннее разрушится с падением общего качества.

Концентрация эффективна: остаются только условные Амазон и Волмарт. А когда они останутся в одиночестве, их придется регулировать, что есть финальный социализм по Марксу. И финансовые поступления от них – тоже регулировать и распределять. Вся разработка вещей тоже будет сосредоточена в одном пространстве, в неформальной сверхкорпорации, и по разработке каждого направления будет один-два мировых специалиста.

Не всё, что производят люди, является товаром. То, что не востребовано, назвать товаром сложно. Масса следует за создателями успешных товаров. Но создателей успешных товаров создает масса покупателей. А массу покупателей создают успешные производители товара.

Товар может быть навязан, но если он не соответствует глубинным чаяниям множества людей массы, он не удержится даже при навязывании. Таким образом происходит приход к единому стандарту успеха – товар приходит к успеху через массу, и масса приходит через товар. В сумме автор (в том числе товара, а иного и нет) должен быть успешен, чтобы масса его слушала, и наоборот. Это приход к одномерности власть-деньги-потребление, что есть теперь одно. Начало сливается с концом в одно нечто неразделимое.

Тоталитаризм неизбежен, поскольку он происходит из неизбежного – стандартизации, унификации, стремления к пониманию, стремления к порядку, страха все усложняющегося мира в мозгах, становящихся все меньше.

Ближе к концу всё становится тоталитарным – даже либерализм. Даже анти-тоталитаризм. И путь идет от политкорректности к лагерям политкорректности. Чисто для примера:

Любой режим политического Модерна глубинно тоталитарен – будь то фашизм, коммунизм или либерализм. (с) Агамбен. А постмодерна, можно добавить, тем более.

Система управления всегда приходит к тому, что системой управляют спецслужбы – люди невыбранные и неизвестные. Потому что у них больше всего свободы, и когда другие из-за программ и структур действовать уже не могут, у спецслужб эти свободы еще остаются. Спецслужбы – это или последняя стадия, или посмертная стадия, поддерживаемая извне.

СССР и фашистские режимы Италии-Германии были образцами будущих систем. Только слишком светлыми и романтическими. В этих режимах утопия и антиутопия существовали параллельно. Потому что еще были живы остатки наций, они и задавали светлые моменты. Будущий реальный и последний для цивилизации тоталитаризм будет лишен какого-либо идеологического обеспечения, он будет чисто потребительским. Сажать будут не только за антифашистскую или антикоммунистическую мечту, но и за мечту о чем-то человеческом и не товарном. За выход за пределы товара. А в подполье будут собираться безумные люди, которые будут говорить о человечности режимов Сталина и Гитлера.

Масса соответствует всему массовому, в том числе массовому производству и массовому уничтожению. Возможность массового производства и потребления создает массу. Вершина массового производства-уничтожения – это массовое производство расстрелов.

Поздние общества похожи. И эта похожесть возникает как следствие естественного хода событий, в том числе решений, которые естественным образом принимаются. А принимаются, поскольку уровень людей не дает им заметить ущербный элемент этих решений. Позднее общество имеет максимальный момент накопленной инерции; решения, которые принимаются, – принимаются в соответствии с инерцией, и принимаются людьми, сознание которых действует инерционно. Собственно, решения даже не изобретаются, они даются инерцией, решения уже готовы. Инерция в машинах и людях, если таковые еще остаются к этому моменту, переплетается до неразделимости и инерционного обеспечения инерции. Когда этот момент достигнут, остановить систему уже нельзя, она обреченно идет к своему концу, и совершенно бесполезно требовать ее остановки. Это уже машина, можно только убежать. Если можно.

В поздние времена народов нет никакой разницы, есть ли демократические механизмы свободы в стране; структуры в эти времена накоплены уже в сознании людей, и сами поздние люди мыслят структурами и не понимают свободы. Поздние борцы за свободу против тоталитаризма, если присмотреться, мыслят тоталитарно.

Тоталитаризм – это не дефект, это не баг цивилизационной системы. Это закономерный её результат и финал.

Власть

Первым вопросом власти можно поставить: кто отдает приказы? Иначе, навязывает свою волю, что, собственно, и есть власть.

Вторым: кто выгодополучатель. Как выгодополучатель связан с властью и от чего именно он получает выгоду – например, от собственно власти или от паразитирования на власти.

Власть – это система и порядок отношений. Можно даже сказать, что алгоритм отношений; во всяком случае, в системе и порядке отношений алгоритмы просматриваются.

Пример:

Стадия 1. Есть король, он навязывает свою волю, и он выгодополучатель.

Стадия 2. Король написал программу, которая за него управляет его страной – отдает приказы. Но король по-прежнему выгодополучатель.

Стадия 3. Король умер, но программа по-прежнему отдает приказы.

Получается, что власть может быть и субъектом, и объектом. Программа отдает приказы, но она не субъект, она – объект. Традиционно объект власти – это то, над чем властвуют. Поэтому придется ввести термин «властвующий объект». Во «властвующий объект» могут входить и программы, и институты, и люди, в головах которых программы прописаны, и через которых программы выполняются. Все эти элементы обладают инерцией, и равнодействующая инерции выражается в инерции всей системы, всей государственной машины, максимального властвующего объекта.

Программу пишет, конечно, не король. Программа пишется совокупностью государственных служащих, десятилетиями сочетающих интересы государственные и собственные.

Власть – это структуры, а не свободы, а структуры обладают инерцией.

Например, может быть президент-властвующий-объект, «президент в режиме машины». Потому что предыдущий президент заключил такое множество договоров, которые нужно исполнять, что на остальное не остается свободы – все варианты выбора уже сделаны, прописаны как структуры и закреплены в

этих договорах. И где здесь собственно инерционная машина? А эта совокупность договоров-структур – это и есть машина, которая определяет, что нужно делать, и реально приказывает. И, конечно, человек может бросить машине вызов. Но если машина старая, и человек старый, и он от старой системы – то вряд ли.

Пример властвующего объекта: на автомобильном шоссе стоит камера, которая фиксирует наезд на сплошную линию, а далее робот выписывает штраф. Причем иногда система ошибается и выписывает штраф за тень на полосе, но оспорить эту ошибку сложнее и дороже, чем заплатить штраф.

Структуры власти, институты власти, программы в виде инструкций, чиновники-исполнители – подобный камере-роботу механизм. И в сумме они создают один большой властвующий объект.

Власть начинается с властвующего субъекта. Потом появляется властвующий объект. Некоторое время одно другому не мешает. Но потом властвующий субъект может исчезнуть, раствориться, например, в результате круговой поруки или подобной диверсификации полномочий. А еще во власти могут завестись чиновники-паразиты. Паразитируют они в структурах власти – то есть действуют в обход властвующего объекта. Но они не могут навязывать свою волю системе власти как таковой, в отличие от изначального короля. Они не управляют, их выгодополучение – иное, не от управления. Это иная власть.

Многие люди думают, что убрав паразитов, можно будет организовать жизнь в лучшем виде, более естественным образом. Но увы, исторически закономерны как раз паразиты, а не их ликвидация. Это значит, что убрать их не получится. И жизнь организовать тоже. Поздняя жизнь в таком виде как раз естественна. А идея убрать паразитов идет как инерция из старого, здорового мира, которого больше нет, и в котором паразитов можно было периодически убирать.

Корпоративно-клановая система – система кланов, играющих по внутренним правилам и контролирующим ресурсы страны, живет в государстве-системе, таком программно-аппаратном комплексе, который похож на скалу; в её щелях живут люди и кланы корпоративно-клановой системы, и из них они контролируют ресурсные потоки и захватывают ресурсы.

Государство

Государство есть инструмент господствующего класса, сословия, банды, племени или нации. У позднего государства это трудно представить, но когда князь с дружиной государство создает, всю вторичность и инструментальность государства относительно князя с дружиной замечательно видно. Сложный инструмент можно назвать машиной. Эта машина запускается и выводится на

автоматический режим через «так принято», «так надо». Далее она вроде-бы отдает приказы людям-деталям, и так функционирует. Но отдает приказы на самом деле не она, это старые, когда-то отданные кем-то приказы концентрируются в сознании людей, обрабатываются и усредняются этими людьми, и потом транслируются наверх машины, откуда они снова транслируются на людей-детали в качестве приказов. По сути приказы себе самим отдает масса подчиненных, но при этом эта масса не понимает и не может понять, что это она отдает приказы себе же. При этом господствующий класс может и смениться, и вообще исчезнуть – машина все равно будет работать по инерции, поскольку это прописано в ее отдельных программах, которые исполняют отдельные люди (как у муравьев). В позднем государстве «князь с дружиной» утрачены. Они могут быть формально, но как части-детали большой системы, а не как источники воли. Большая система-государство по отношению к ним уже первична, а не вторична, как в начале.

Кто тогда осуществляет власть? Легко выясняется, кто выгодополучатель от власти – тот, у кого больше дивидендов. Так же можно вычислить выгодополучателя-паразита на власти. Но команды системе никто не отдает. Команда в системе созревает как рациональное решение, и тогда осуществляется – возможно, что через вершину системной иерархии. Но это множество не может осуществлять власть. Выходит, власть осуществляется только инерцией системы. А у выгодополучателей есть свой, отдельный паразитический контур, через который их выгоды и организуются. Но это отдельная паразитическая система.

Выгодополучатель от своего положения, от своей должности не обязательно обладает какой-то свободой управления. Бывает, что он может только удерживать свою должность и получать определенную выгоду, но не больше.

Государство есть инструмент группы лиц для исполнения своей воли.

Государство как инструмент попадает в категорию средств. А его владельцы становятся целью.

Средство всегда вторично. Этатизм ставит государство на первое место, провозглашает его целью. Выходит, что этатизм – идея кривая. Средство не может быть первичным.

Государство создается для целей. И эти цели задают его инерцию, государство – система подчиняющаяся инерции и система наследующая системе-создателю. Например, если государство создавалось для охраны городов, то в его действиях всегда будет охрана городов, даже не нужных, даже враждебных; а если создавалось для разбоя – всегда будут элементы – нет, не разбоя, а инструментов разбоя. До конца инерцию никогда не вытравить, даже если инерция не нужна.

Как возникает и работает большая машина государства? Есть общие правила, например, «оптом дешевле». От них идет набор правил следующего порядка, например, «деньги – к деньгам, вши – ко вшам». И далее – далее – далее. Когда вся совокупность этих правил работает, это и создает большую машину. Она, машина, из исполнения правил-программ и состоит. Живые сообщества могут препятствовать правилам и регулировать жизнь в интересах жизни. А если таких нет, то все правила машинно исполняются.

Государство, как средство и инструмент, может быть машиной. Когда государство теряет способных управлять владельцев, оно становится инерционной машиной, выполняющей заложенную когда-то программу, которая уже никому и не нужна, но которую некому заменить и невозможно заменить. И, бывает, инерционная машина остатки бывших владельцев перемалывает. Средство, которое может быть машиной, тем более не может быть первичным. Впрочем, такое может быть – но только в последние времена системы.

Сначала «Государство – это я». Потом государство из машины подконтрольной склонно превращаться в машину контролирующую.

«Я хочу сделать так» заменяется на «я вынужден сделать так». Это разница между волей и принуждением, то есть неволей.

Когда общество (сословие, класс) умирает, его функции – поддержка культуры, и в частности литературы – переходят к государству. Общество, конкретные люди перестают платить за книги и представления; но государство платит. (Технологии вмешательства порождают таких уродцев, как министерство культуры и войны культработников за финансирование.) Эта ситуация и создает иллюзию, что государство первично и оно определяет и культуру, и даже нацию. Но это иллюзия искажения времени. Сам факт постановки идеи в этактистском ключе говорит о том, что общество заканчивается, а культура, которая поддерживается государством, близка к завершению и еще ранее – к исчерпанию. Её единственный шанс – появление нового класса, как при кризисе аристократии её культура была унаследована буржуазией.

Государство со временем заменяет умирающее-исчезающее общество. Промежуточная стадия в этом процессе – партия из однопартийной системы.

Мандаризм

Старые системы приходят к тоталитаризму. Сначала эти тоталитарные системы имеют некоторые унаследованные национальные особенности. А далее все особенности начинают исчезать.

Любой чиновник занимается регулированием и распределением при любом общественном строе. Но регулирование и распределение – это признаки социализма. Выходит, что «социализм» может быть при любом строе; вопрос только в количестве, и насколько количество переходит в качество. Случается он не в большой системе страны, а в подсистемах, начиная с военного производства. Но у составляющих социализма есть еще особенность – поскольку они эффективны и неизбежны, они распространяются и на систему.

Цезаризм – бесформенный способ управления, где значима лишь всецело персональная власть, которой в силу своих способностей пользуется Цезарь или кто угодно другой на его месте. Все учреждения не имеют ни смысла, ни веса.... Выборы вырождаются в комедию. Деньги организуют весь их ход. (с) Шпенглер.

В массовом обществе не может быть персоны как таковой. Поэтому с «персональной властью» возникают проблемы. «Цезаризм» можно отнести к поздней цивилизации, но не к самому её концу. К Цезарю, а не к Гелиогабалу. При тоталитаризме даже не «власть ради власти». Это власть ради инерции, потому что так надо, а кому надо – не известно, поскольку давно утрачено. Власть приходится держать, даже если не хочется этого делать, потому что иначе затопчут. Это скорее не власть ради власти, а бег ради бега. А выйти в отставку и выращивать капусту – это вообще недостижимый идеал.

Делай что должно, а зачем – это слишком сложно. Поэтому делается то, что было, т.е. происходит следование инерции. Поскольку «ради инерции» – то процесс управления становится все более и более машинным. Мандаризм произрастает в среде, где существует подавляющая сила инерции структур, и любая воля с этой силой сталкивается. Власть имущие безусловно существуют, но власть их сильно ограничена их же структурами.

Шпенглер не имел хорошего представления о тоталитаризме. И о Китае тоже не имел.

Теоретически тоталитаризм должен быть последней стадией системы. В замкнутой системе так и было бы. Но умирающая система ослабевает, и подвергается внешним воздействиям и реакциям на них. Эти воздействия требуют свободы действий, и тоталитаризм просто не получается.

Мандаризм – это совокупность технологий управления и далее система организации жизни.

Финальный строй всех систем – мандаринство, или мандаризм, по имени китайских универсальных управленцев – мандаринов. (Португальцы не могли различать китайских чиновников, и придумали для них это слово). До этого уровня страны доходили очень редко – или они сами рушились, или их завоевывали. А в Китае эта система реализовывалась многократно, и её элементы даже иногда специально восстанавливались. В Китае эта система стала культурой. Так вышло, поскольку Китай с одной стороны слишком большой, а с другой – разваливаться ему в общем некуда, он разваливался в себя и быстро восстанавливался. Поэтому путь исторической судьбы он мог проходить до конца и проходил несколько раз.

Всякий раз, когда территория проходит через период мандаризма, создается традиция мандаризма, он становится более традиционным, и каждый следующий раз мандаризм устанавливается быстрее благодаря этой накопленной традиции. Первый крестьянский император Китая смеялся над традициями двора, но традиции оказались сильнее. Уродец-режим Мао впал в мандаризм фактически сразу.

Мандаризм может быть реализован при вариантах авторитаризма и тоталитаризма. После кризиса жесткого тоталитаризма обычно запускается режим некоторой свободы, который не удерживается и опять пытается свалиться в тоталитаризм, но из-за внешних факторов это не всегда получается. Эти колебания больше-меньше свободы, когда её мало, и регулируются мандаринским режимом.

Для обеспечения свобод используются технологии управляемого хаоса, когда, например, преступность управляемо поддерживается органами власти, а существует она для обеспечения потребностей высших руководителей. Деньги есть инструмент свободы; при первом, исторически забегающем вперед тоталитаризме значение денег снижается, но потом они возвращаются, вливаясь с властью до неразделимости.

В мандаризме сливаются социализм как регулирование и распределение, тоталитаризм как политическая система, бюрократическая государственная машина как инерционный механизм и властвующий субъект. Стадия нации должна быть пройдена, должна быть стадия массы.

Мандаризм есть система организации государства и населения через множество управленцев (людей, специализированных на управлении, иногда бюрократов), служащих мегаструктуре-она-же-идея, где формально на первое место поставлены функциональность (в том числе бюрократии) и эффективность (поддержания существующей системы).

Мандаризм есть система организации жизни, где управленцы (множество, но не единство) как специалисты управляют всеми прочими специалистами, теоретически руководствуясь идеей всеобщего блага и поддержания (существующего) порядка.

Капиталистическая система характеризуется эксплуатацией, которую можно представить как отчуждение прибавочной стоимости. Мандаринская система характеризуется распределением. Это значит, что прибавочная стоимость еще до создания распределена, более, еще до создания придумана в нужном месте, и в таком случае вообще сложно говорить о прибавочной стоимости как таковой. Кстатi, через распределение мандаризм ближе к социализму.

Мандаризм – это функциональность ради эффективности и эффективность ради функциональности. Это максимальная машинизация всех аспектов жизни, большая, чем при тоталитаризме, и упрощенная относительно тоталитаризма.

Мандаризм – это высшая и последняя стадия социализма, что теоретически равно коммунизму. Мандаризм возникает во всех поздних системах, но чаще всего при втором поколении людей тоталитаризма.

Часто задается вопрос о будущем: корпорации или государство? Киберпанк или тоталитаризм? В мандаризме – всё одно единое, все слито вместе, корпорации встроены в единую государственную систему, киберпанк встроены в тоталитаризм как дно, как одна из тюремных зон.

Капиталистические боссы и собственники теряют отличительные черты ответственных агентов и приобретают функции бюрократов в корпоративной машине. Внутри обширной иерархии исполнительных и управляющих советов, значительно переросших индивидуальную форму управления в формах научной лаборатории и исследовательского института, правительства государства и национальной цели, осязаемые источники эксплуатации исчезают за фасадом объективной рациональности. Ненависть и фрустрация лишились своих специфических объектов, а воспроизводство неравенства и рабства скрыл технологический покров. ... Новыми чертами являются всепобеждающая рациональность в этом иррациональном предприятии и глубина преформирования инстинктивных побуждений и стремлений, скрывающая разницу между ложным и истинным сознанием. Ибо в действительности ни предпочтение административных форм контроля физическим (голод, личная зависимость, сила), ни изменение характера тяжелого труда, ни уподобление профессиональных групп, ни выравнивание возможностей в сфере потребления не компенсируют того факта, что решения по вопросам жизни и смерти, личной и национальной безопасности являются областью, в которую индивиду нет доступа. ... Это и есть чистая форма рабства: существование в качестве инструмента, вещи. И

то, что вещь одушевлена и сама выбирает свою материальную и интеллектуальную пищу, то, что она не чувствует себя вещью, то, что она привлекательна и подвижна, не отменяет сути такого способа существования. И наоборот, по мере того как овеществление стремится стать тоталитарным в силу своей технологической формы, сами организаторы и администраторы обнаруживают все большую зависимость от механизмов, которые они организуют и которыми управляют. В этой взаимной зависимости уже не осталось ничего от диалектического отношения между Господином и Слугой, которое было разрушено в борьбе за взаимное признание; это скорее порочный круг, в который заключены и Господин, и Слуга. © Герберт Маркузе. «Одномерный человек»

Мандарин – это, конечно же, чиновник. Здесь важно то, что любой управленец является типом чиновника и имеет полномочия чиновника. Предприниматель – это тоже чиновник и мандарин, банкир – тоже чиновник и мандарин. Олигарх – тоже. Все они заняты в регулировании, распределении и отчуждении. Все «служат». Все они поставлены на должности кем-то в соответствии с договоренностями. Не чиновников и мандаринов в эти времена вообще нет. Кроме крестьян.

Мандаризм – это система управления, где разделение труда по управлению реализовано в максимальной степени. Во главе системы находится управляющий круг – сообщество нескольких кланов, вокруг каждого есть свое племя. Пространство управления разделено на участки. Участки (министерства, города, корпорации, банки, фирмы) работают в автоматическом режиме, поэтому участком может управлять любой управленец-мандарин. Племя управленца, получающего участок, воспроизводит ту же структуру, только ниже уровнем – снова министерства, города, корпорации, банки, фирмы.

Прибыль не получается из экономической деятельности, из-чего-то, прибыль устанавливается чиновниками-мандаринами. И в этом есть истина – потому что все связи известны, и в системе распределения если где-то прибавит – где-то убавит. Сначала люди создают эффективные товары. В середине периода мандаризма создается общая экономическая система, единый экономический комплекс. К концу периода мандаризма, когда все товары созданы, когда кажется, что вот-вот наступит изобилие, люди начинают создавать дефицит, потому что больше им создать в рамках превосходства, в рамках престижного потребления нечего. Создавая таким образом дефицит, люди создают проблемы друг для друга. И начинают торговать решениями этих проблем. Для торговли нужна свобода, которой в это время нет, и в системе создаются зоны свободы, т.е. участки управляемого хаоса, участки свободы нарушения законов (Если система не умрет вовремя, эти участки могут расшириться и систему снести). Это поздняя экономика мандаризма. Например, придумывают сложнейшие системы экзаменов и контроля, а потом придумывают, как эти системы обмануть.

Чей центробанк, например? Про это написаны тома, а чей центробанк – не понятно. Такая же непонятная ситуация с собственностью и ответственностью. Приватизация прибылей и национализация убытков – процесс перманентный. Всё регулируется всеми и всё распределяется всеми. Никто ни за что не отвечает, а во главе обычно оказывается актер. Который не хотел, которого заставили.

Например, есть 100 кланов по 100 человек. Есть 100 ключевых структур – министерств, корпораций, банков. Каждый из 100 кланов распределяет свои 100 человек в 100 этих структур. Так система максимально стабилизируется. Борьба почти невозможна. Да и не особо нужна, у всех ведь всё есть. Всё распределено и все отрегулировано.

Бывает, что система создается вокруг спецслужб. Концентрация уровня спецслужб ведет тоже к монополизации спецслужб. Собственно спецслужбы, органы власти, СМИ, министерства, банки – все превращается и объединяется в суперспецслужбу. Но при этом эта суперспецслужба еще и растворяется в количестве людей, которое она охватывает. Вначале спецслужба может быть, но далее она перестает таковой быть.

Мандарин работает как машина. Мандарин есть выражение одномерности мира, транслированное в человека и транслируемое из человека. Это ничего больше, чем функциональность и рациональность. Это бюрократ, действующий по программе, и при этом привороживающий, и для себя, и для своего клана-племени, и чаще всего тоже по программе. Украдет не по программе – могут и посадить. Никаких идей и убеждений у него быть не должно, он чистый управленец-потребитель. Он человек-никто, поскольку всё остальное мешает одномерному представлению. Он может управлять всем, чем угодно, поскольку ко времени его появления все совершенно системы доведены до автоматизма, и личность руководителя не имеет значения. Например, спортсмены спокойно ставятся на должности чиновников и олигархов – функциональность систем от этого не меняется.

Так что управлять в общем не надо, нужно в меру красть и делиться – а как это делать, специальные люди расскажут, а при непонимании – сделают. При этом не наносить вреда функциональности системы – в этом и состоит искусство управления. И этот тип человека-мандарина, и этот тип управления-мандаризма, они одинаковы во всем мире, во всех системах. Национальность не важна, поскольку когда устанавливается мандаризм, национальности больше нет. Сама система власти жестко пресекает все человеческие побуждения со стороны мандаринов. Потому что обычно они у них настолько неприятные, что лучше, чтобы их вообще не было.

Регулирование и распределение касается и самой системы власти. В поздней системе власть распределена так, что ответственных ни за что не найти. Но

можно назначить. Таким образом происходит отчуждение от ответственности. И это в общем понятно – мало кто может понять причинно-следственные связи вообще и в системе в частности; а в отношении тех связей, которые понятны, лучше делать вид, что они непонятны.

Мандаризм может иметь внешне любую идеологическую или религиозную окраску, но она – только пустая форма. По сути мандаризм идеологической окраски не имеет и иметь не может, он отторгает любую живую часть любой идеологии, оставляя только ее мертвую формальную часть. Мандаризм есть механицизм ворующей клановой системы в условиях механистического существования властной машины вообще.

Идеология вроде бы нужна для управления массами. Но ошибка в массах. Идеология позволяет организовывать управление нациями, а не массами. Когда нации начинают рассыпаться, идеология принимает характер спекуляции на ее чувствах. Поскольку сначала исчезает, распадается всё сложное, то сначала распадаются идеологии. А масса не управляется идеологиями, она управляется психозами. Идеологии массе недоступны, поскольку слишком сложны. Это же касается и религий. Вообще идеологии и религии похожи, с некоторой натяжкой идеологии – это псевдорелигии и микрорелигии.

Не важно, с чего система начнется – с либерализма, монархизма, фашизма, коммунизма или бандитизма; закончится она мандаризмом, если просуществует до естественного конца. Потому что мандаризм – это финальная стабилизация системы в состоянии успокоения, мандаризм – аттрактор любой человеческой системы. Все цветное выравнивается до серого, все человеческое – до нейтрального и никакого. Всё хорошее известно, всё плохое тоже. Как в культуре происходит исчерпание темы, и с вершины остается только один путь вниз, то же происходит и с культурой, и с системой управления.

Первая стадия мандаринского управления – это комиссары, политические представители власти в структурах. Комиссары – это первые универсальные руководители, пока еще только политические.

Мандаризм объединяет в себе все формальные элементы от всех возможных систем общественного устройства. За всё хорошее – против всего плохого. Естественно, на формальном уровне, при утрате уровня содержания и смыслов.

Мандаризм строится на эффективности и функциональности собственно бытия, у него есть только сущее и нет должного, и все высокое – мораль, идеологию, религию, да и по возможности собственно культуру – он отвергает, превращая их оставшиеся элементы в законы.

Мандаризм может иметь коммунистическую шкуру; но при этом коммунисты будут сидеть в тюрьмах, а на должностях коммунистов будут функциональные эффективные бюрократы: серые мышки, люди-никто.

Репрессии при мандаризме жестоки и случайны, поскольку никто толком не знает, кого и за что репрессировать. Основная проблема репрессий – даже когда хочется кого-то репрессировать, собственно достойных людей не находится, вся масса однородна. Но обычно даже не хочется, хотения остаются в прошлом, просто какие-то ржавые древние механизмы выдают заказы на репрессии. И еще потому, что с пониманием причинно-следственных связей проблема, а здесь эти связи еще и запутаны. Если процессы вдруг запускаются, то они тянутся долго, чтобы можно было все варианты и последствия просмотреть и сбалансировать.

Мандаризм – система управления страной и населением и государственный строй и... необщественный строй. Мандаризм не может быть общественным строем, потому что отрицает общество. Мандаризм идет в истории параллельно с необществом, они не следуют друг из друга, они имеют общие предпосылки.

Государство занимает место общества, протекая в пустое место, где оно было, поскольку общество к этому моменту умирает – что является предпосылкой возникновения мандаризма. Закон заменяет мораль, и мораль принимает оформление в виде закона. Смерть общества предполагает смерть нации и наличие массы, и отсутствие реальных классов, обладающих классовым самосознанием.

Движитель всего социального и политического – это стремление привести существующее к должному. Но в массовом необществе существующее рассматривается как должное. Так что двигаться некуда. Если только какие детали сделать получше. Мандаризм – это бесконечный ремонт.

При том, что отдельные страны находятся в режиме мандаризма, грядет мировой мандаризм, что приведет к некоторому распределению его особенностей по разным странам, и наблюдать его в чистом виде будет затруднительно.

Мандаризм – это слияние регулирования и распределения социализма и отчуждение труда капитализма. Это слияние всех мерзостей социализма и капитализма, поскольку времена поздние, вырожденные, и мерзостей очень много. Это издевательство над живой природой человека.

По совокупности своих элементов мандаризм – это режим людей, превратившихся и превращенных в насекомых.

Кланы и программы

Родоплеменное бытие как было основным в плане популярности 100 000 лет назад, так и осталось сегодня. Бытие национальное – это исключение, требующее очень больших затрат энергии. Поэтому бытие национальное невозможно поддерживать хотя бы относительно долго. Иное дело, что нации определяют вид человечества, что создает иллюзию, что человечество в основном пребывает в состоянии национального бытия. Реально эти национальные структуры непрочные и ничтожно малочисленные – хотя и определяют историю. Нации – это периодически возникающие надстройки над племенным бытием; они определяют мир, они загоняют племенное в тень, но только пока они есть. И в оболочках наций выявляется то же самое родоплеменное бытие, которое рано или поздно, а обычно рано, теряет национальную оболочку. Что в начале – то и в конце; сначала клан провозглашает свою власть и вокруг него создается нация – сначала аристократическая. Монархическая система – она ведь кланово-племенная. В конце нация рассыпается и остаются кланы – но уже не те, не первые.

В правильном мире общество или племя стоит над государством, а обществом или племенем руководят люди. Когда общество или племя умирает, государство начинает работать по унаследованной программе, как робот, программу которому поменять забыли.

Чем больше структура, тем проще люди могут ей управлять; цивилизация, как структура максимальная, вообще никогда не подвергалась управлению, действуя всегда по собственной программе строительства человека. Большие государственные системы, империи, при прочих равных управляемы гораздо меньше, чем небольшие государства. На поздних стадиях, при накопленной инерции, ручное управление в больших системах вообще отключается – из-за невозможности такового.

Группа «государство» и группа «власть над государством, владельцы государства» – это пересекающиеся группы, в государственных структурах сидят реальные владельцы государства. Но эти же реальные владельцы сидят там не все, многие могут там не сидеть, а заниматься другими делами. Реальные владельцы, «собственно власть», «сама власть» – это кланы, объединенные в племена. Исключения – когда правящих племен нет – случаются только во времена национальных революций, тогда действительно могут править общества нации. Это в первом видимом приближении.

Но самый главный владелец позднего государства – это программа. Если присмотреться, то правящие кланы государством не управляют. Правящие кланы на государстве паразитируют. Причем паразитируют неэффективно, поскольку государством на самом деле не управляют, оно управляется программой. Могут принять только какой-нибудь дурацкий закон – именно дурацкий,

поскольку серьезный закон может повлиять на собственно большую машину, что нельзя и страшно.

Кланы – это в основном потомки людей с повышенным социальным интеллектом, и при оценке их действий это нужно учитывать. После того, как нации умирают, кланы снова вылезают на свет и берут ресурсы под контроль. Люди кланов уже не обладают талантами людей, которые власть когда-то захватили. Люди кланов – это наследники, и особым социальным интеллектом они тоже не обладают, это сложное качество, которое редко передается по наследству.

Есть кланы и есть попавшая им в руки государственная машина. Кланы не понимают толком, как эта машина работает. По сути своей она работает в убыток, но менять в ней что-то невозможно: непонятно, что это вообще есть. И этот порядок по мере возможности консервируется. Например, масса-необщество деградировала до права силы, а государство по-прежнему формально руководствуется какими-то прогрессивными общественными принципами, а реально никто уже не понимает, что это за принципы и как и почему они должны работать, но всё равно их продвигают.

Программа не получает никаких благ от того, что она реально системой управляет, поэтому назвать её владельцем сложно, а выгодоприобретателем назвать совсем нельзя. Поэтому и получается, что корпоративно-клановая система «владеет государством и страной». Что в общем тоже не совсем верно; она владеет только отчужденным продуктом, при попытке овладеть государственной машиной – машина развалится, и владеть будет нечем.

Люди в госструктурах исполняют программы. Владельцы государства почти не могут менять программы, и вся их власть состоит в способности эти программы обходить; по сути это и есть административный ресурс.

Как люди приспосабливаются к жизни в ландшафте, примерно так же люди приспосабливаются к жизни между программами. Паразиты набиваются в щели машины, и оттуда контролируют не машину, а людей и ресурсные потоки.

Программа – это еще и результат консенсуса, точка баланса множества сил, часто результат урегулирования конфликта. Любое изменение приводит к множественным реакциям, к «кругам на воде». Поэтому появляется еще одна программа: «не трогать программу». А к ней – еще одна: «а кто тронет, у того будут проблемы».

Что вверху – то и внизу. Машинная система, программная система имеет склонность набирать машинных людей. Так серые мышки проникают в структуры власти изначально и оказываются в них успешными; далее идет их накопление.

Старый клан, обросший структурами, тоже начинает действовать как машина. И получается, что в государственной машине оказывается еще одна машина. От этого состояния машинности чувство самосохранения не то что исчезает, но начинает выдавать ошибочные команды, в том числе может дать сразу противоречивое множество команд и привести машинную систему к ступору. Паразитическая система приобретает черты системы, а именно структур, в которых она развилась, иначе, оказывается производным фракталом старой системы высшего уровня.

К различению машинной и клановой частей: миром правит Америка-машина, но миром правят кланы васпов и евреев. (На самом деле кланы тоже перешли на стадию машины, так что толком никто не правит, только дивиденды получают.)

Часто говорится: правящая «система», управляющая «система». Но система эта состоит из программного инерционного момента, и набившихся в нее паразитов. Кланов в государстве-машине проводят свою политику, что естественно, но государство-машина тоже проводит свою в основном политику-инерцию и иногда политику-реакцию, причем через этих же людей кланов, что понять сложнее.

Те, кто правят миром, смотрят те же сериалы, что и масса; так же забывают события, которые перестают показывать, как и масса; с таким же нежеланием ходят на свою службу по управлению миром, с каким масса ходит на свою унылую работу. Те, кто правят миром – тоже масса. Что вверху – то и внизу. И слово «правят» здесь – из прошедших времен. Вернее будет «находятся на вершине пирамиды распределения ресурсов в результате инерционных процессов».

Чтобы понимать, как работают государства и подобные системы, нужно уметь отличать программные механизмы от воли людей и их групп. И насколько эти люди могут изменять и обходить программные механизмы. Когда говорят «власть хочет», «государство стремится» – желательно ориентироваться, какая часть системы демонстрирует хотение или стремление. А в живых системах есть и третья сторона – общество и люди.

Отчуждение

Отчуждение прибавочной стоимости в мире, где можно очень легко прогореть – наверно, уже не самая большая проблема для тех, у кого её можно изъять только теоретически. Отчуждение от результатов труда – это серьезнее, но поскольку эти результаты – обычно детали, то их тоже не особо жалко. Отчуждение времени – да, это уже серьезнее, и за время стоит бороться. Отчуждение времени – это уже несомненно отчуждение натурального и человеческого – от человека.

Слово «отчуждение» применяется, когда речь идет о лишении чего-то естественного, и обычно более естественного, чем прибавочная стоимость. На стоимость это было распространено уже с натяжкой. Речь о натуральном, о природном, о неотчуждаемых правах. Вроде права матери на ребенка и праве ребенка на мать. Это как-бы неотчуждаемое – от природы или от Бога. Отчуждать нельзя – аксиома.

Итак, дальнейшие варианты отчуждения, в дополнение к Марксу: производимые операции становятся все проще, что отчуждает трудящегося от результата труда, о котором он может даже не догадываться. Это добавляет механицизма и делает более машиной. Когда-то приспособления позволяли убрать самый низкоквалифицированный труд; его и убрали, где можно. Роботы отчуждают от человека в первую очередь высококвалифицированный труд. Умная машина делает айфон, а глупый человек упаковывает его в картонную коробку. А другой столь же глупый человек этим айфоном пользуется. Все при деле. Разумеется, на самой вершине находятся специалисты, но у них подобное разделение труда. Тем более специалистов нужно все меньше и меньше – по той же причине. В сумме большинство людей отчуждается даже от минимального удовольствия от труда. В сумме – то, что ранее виделось средствами освобождения человека труда, таковыми средствами, выходит, уже не является.

Интересное соотношение: с тем, как растет уровень автоматизации, ненужных людей становится больше. Как их становится больше – цена труда падает и автоматизация становится невыгодной. В результате этих встречно идущих процессов машины забирают высокооплачиваемые места, а низкооплачиваемые остаются людям. Машины будут снимать кино, а люди делать вручную кирпичи из грязи; да и уже делают, вообще-то. Получается и отчуждение человека от труда, и отчуждение от хорошего труда, о чем было чуть выше.

Редукция – сведение сложного к простому и высшего к низшему. Редукция часто происходит при недостатке энергии или качества: от этого сложные системы разваливаются на простые, и этот процесс тоже редукция.

Редукция – это параллельная линия распада. Распаду и редукции в цивилизации подвержено всё.

В том числе редукция – сведение человека к машине. А человека-сложную-машину – к человеку-простой-машине. Человека многомерного – одномерному. Человека – к детали.

Редукционизм как научный метод – это разбирание элементов общих на элементы меньшие, и так до бесконечности. Поскольку происходит специализация, специалисты становятся специалистами всё по меньшим элементам. Далее эти специалисты так глубоко закапываются в детали, что теряют из вида элементы общие.

Универсальный интеллект – он целостный в своей универсальности. Получается, что если интеллект не универсальный, он не целостный, он по сути фрагментарный, и потому он склонен к редукции и в мышлении, и в понимании, и в действии. И вообще все разбирать – это детское-мальчишковое. Отчуждение рук-ног от куклы с целью отчуждения ее пищалки.

Человек постепенно отчуждается от всего. Сначала от результатов своего труда, потом от понимания того, что он производит и для чего, потом он отчуждается от власти, потом он отчуждается от информации. В результате он отчуждается от всего, в том числе от самого себя, от своих мыслей и своих желаний, которые становятся тоже не его. Не удивительно, что отчужденный – в сумме отчуждений – от жизни человек относится к собственной жизни как-то никак. Поскольку само понятие «собственной жизни» для него плохо понятно, поскольку эта его «собственная жизнь» давно уже не его, она по частям, постепенно от него отчуждена.

Отчуждение уничтожает сложность. Потому что пребывая в хроническом отчуждении, человек устает и не хочет сложности. Впрочем, это тоже было у Маркса.

Множество актов отчуждения приводят к распаду систем; и, собственно, распад систем состоит из множества актов отчуждения – в том числе. Это естественно, что получится распад, если от системы отламывать детали. И при этом еще происходит упрощение, деградация.

Распад общества и распад цивилизации состоят из множества маленьких распадков; акты отчуждения – это тоже акты распада. Что вверху, на уровне системы, то и внизу, на уровне человека: деградация-упрощение.

Число взаимодействий ограничено. Чем более специалист закапывается в свою тему, тем более он отчуждается от всего, с темой не связанного.

Отчуждение как социальный процесс возникает в результате того, что сложные действия разбираются на составные части. В технологических процессах это повышает эффективность – снижает издержки и себестоимость, и вообще оптом дешевле. Но цивилизация – это тоже все более и более технологический процесс. Все, что эффективно в технологических процессах, эффективно и в цивилизации. Кроме того, этот процесс, как и все прочие, инерционный, он не только эффективен, он еще и может работать в машинном режиме.

Всё отчуждается от всего. Процесс начинается со сложных и непонятных вещей, потом приходит на уровень общих вещей, а потом начинает отчуждать то, что ранее считалось неотчуждаемым. А само понятие неотчуждаемого, будучи разделенным на элементы, тоже от человека отчуждается. Например, для большого явления, вроде права на ребенка, сначала это право разделяется на

множество мелких прав, потом они постепенно отчуждаются, и в сумме большого права на ребенка не остается, хотя формально его не отчуждали.

Отчуждение естественного происходит одновременно с утратой понятия об естественном; естественное естественным образом утрачивается в противоестественной цивилизации, а с утратой задача отчуждения становится все более простой.

Отчуждение человека от общества – общество не дает ничего человеку, а только создает проблемы. Потому что к моменту отчуждения оно становится необществом. Когда каждый человек приходит к этому заключению, само понятие общества исчезает; а общество исчезает гораздо раньше.

Отчуждение сначала информации о мире, а потом – взаимодействия с миром. Мир сам по себе, человек сам по себе. Человек массы – это зритель. Как правило, зритель отчужден от действия на сцене. Но этот подход, это отчужденное от действия восприятие переносится теперь на все жизненные явления. Вижу – отдельно, делаю – отдельно. Политика – отдельно, болельщики – отдельно, болельщики за политиков – отдельно. И сам феномен боления – возможен только в массовом необществе. Процесс боления – он коллективный, и создает иллюзию общества; если общество есть, необходимости в иллюзии общества возникнуть не может.

Когда-то техническая машина организовала отчуждение войны и убийства на войне от человека. Всё только опосредованно через машину. Государственная машина, и машина необщества почти полностью организовали отчуждение от человека жизни; машина решает, кем человек будет, какой будет степень его успеха, и т.д.; за неподчинение – наказание: обычно отправка на дно необщества.

Отчуждение деторождения от любви, секса от любви, и наоборот, и ещё все по-отдельности. Любовь редуцируется до секса, секс – до приятных-неприятных моментов физиологии и неприятных-приятных моментов оплаты-получения средств. Власть за деньги, власть равно деньги. А потом и чувства отчуждаются от человека: это все состояния, вызванные гормоном окситоцином, например, а человек вообще не при чем.

Отчуждение детей от родителей. Просто недоумки запустили программу, согласно которой «так лучше». Рабовладельцы так не поступали, считалось жестоко. В диком ветхом мире силы зла стеснялись так поступать; а в дивном новом мире так поступают силы добра. Это уже отчуждение уровня скотины в коровнике. Скотина, как правило, отчуждена от своего потомства. Его или съедают, или разводят – но решает это не скотина.

Последняя стадия отчуждения – мозги отчуждаются от тела. Мозги думают о своем, тело занимается своими делами. Мозги – это одна машина, тело – это

другая машина. Отчуждение от логики и здравого смысла. Отчуждение от понимания размерностей. Отчуждение от морали. Рот говорит о нравственности, руки лезут кому-нибудь под юбку, мозг гонит обрывки чужих потоков, а ногам просто лень. Или рот говорит о гуманизме, а руки сверлят кого-нибудь дрелью.

В основе отчуждения – внутренняя утрата; но то, что не может быть понято и использовано, отчуждается даже само, его и отчуждать не надо. В результате человек чувствует, что чего-то, какой-то детали его жизни не хватает, а какой – понять не может. Потому что та деталь, которая нужна для понимания, тоже утрачена.

Что-то важное всеми утрачено (с) Есенин.

Системы с участием людей скрепляются универсальным интеллектом. Если с универсальным интеллектом проблема, скреплять системы больше нечем и они естественным образом разваливаются. В том числе сначала от них отваливаются самые сложные и энергозатратные детали. Можно сказать, что система отчуждает их от себя.

К человеку подходит боевой суперробот и говорит: «будем есть полезную невкусную кашу? Не будем? Или посверлим зубы без наркоза? Боль? Или все-таки будем есть полезную кашу?» Это кажется ненормальным – с роботом. Но если робота заменить на государственную программу, на принуждающую систему, которая «знает, как надо» – это есть везде и постоянно. И наиболее пострадавшие от этой системы еще склонны её оправдывать, придумывая рационализации. Увы, остановить уродов и извращенцев естественного невозможно – в их среде. А поздняя цивилизация всегда их. От них можно только отсоединиться. Да, позднее государство-масса и есть боевой суперробот. Поскольку та же машина, которая ничего не понимает, не имеет вообще возможности понимать, но при этом «знает, как надо».

Глупость и жестокость

Низкий интеллект коррелируют с повышенной жестокостью.

Ограниченный интеллект очень часто оказывается низким интеллектом.

Глупость ведет к жестокости. Жестокость – это причинение лишних страданий, которых можно было бы избежать. Причинение необходимых для работы системы жизни страданий называется жесткостью.

Универсальный интеллект (УИ) – основной инструмент взаимопонимания и понимания мира. Когда УИ поврежден, то добиться взаимопонимания и понимания становится очень сложно, почти невозможно.

Глупый коррелирует с жестоким, поскольку низкий интеллект приводит к ошибкам из-за непонимания ситуаций, которые ведут к жестокости.

Глупость ведет к жестокости, поскольку глупый не понимает, что от него требуется, и потому к нему самому применяется жесткость, которая в глупом обществе почти всегда становится жестокостью. Частое применение жестокости в обществе приводит к тому, что это применение становится нормой в большей и большей степени, что ведет к инерции, и норма жестокости постепенно ужесточается дальше.

В обоих случаях присутствует непонимание. Но непонимание – это свойство систем специалистов, это свойство систем с разными людьми, где люди не понимают друг друга.

* * *

Типичный пример неспособности понять другого человека: человек говорит, что сверлить зубы – это не больно, делать укол наркоза гораздо больнее. Потому что этот человек так чувствует. Действительно, есть очень малый процент таких людей, даже меньше процента. Человек не может представить (в силу проблем с рефлексией и абстрагированием), что кто-то другой может и чувствовать по-другому. Он будет считать, что другие его обманывают. Ведь для него истина очевидна. А далее можно представить миллионы взаимосвязанных людей, и у каждого подобные свои представления об очевидном. Кто-то предлагает запретить алкоголь, кто-то собак, кто-то слова «мама» и «раса», кто-то зубной наркоз. И поток запрещения сопровождается психозами, агрессией и паранойей.

Получается так, что непонимание приравнивается к глупости, потому что, как и глупость, ведет к неадекватному представлению реальности. И то, и другое приводит к жестокости – потому что от этого кто-то бессмысленно страдает. И более того, непонимание ситуаций рождает и глупость, и жестокость.

Уровень социализации неразделимо связан с уровнем понимания. Нет понимания – нет социализации, нет социализации – человек замыкается в своем состоянии до тех пор, пока накопленный психоз этого человека не взорвется в виде явного психоза.

Ненависть вызывается раздражением, которое в свою очередь происходит от непонимания. Ненависть к другим – предпоследняя стадия. Ненависть к себе – последняя стадия. Но ненависть к себе не избавляет от ненависти к окружающим.

Человек смотрит на людей и думает: какие же они идиоты. А люди смотрят на него и думают то же самое. В поздней цивилизации все они правы.

В поздней цивилизации возникает нехватка таких способностей универсального интеллекта, как абстрактное мышление и рефлексия.

Абстрактное мышление позволяет переносить страдание другого на себя, чувствовать от чужих страданий дискомфорт – это база эмпатии. Но чтобы собственно «переносить», нужна рефлексия, в данном случае подсознательная.

У людей с низким интеллектом абстрактное мышление обычно не развито. У рекомбинантов-специалистов случается то же самое, поскольку универсальный интеллект у них низкий. В среде массы эти два типа встречаются, и получается эффект синергии, умножения жестокости. Глупость и жестокость – неизбежные атрибуты поздней цивилизации, неизбежные атрибуты массы.

Еще источник жестокости – компенсация собственных дефектов за счет других. Чем дальше в цивилизацию, тем такой компенсации требуется больше, поскольку качество людей падает.

Плохое понимание компенсируется жестокостью. Когда человеку говорят, а он не понимает, приходится обходиться с ним жестоко. Бить по морде, например, пока не поймет. И с группами точно так же приходится обходиться жестоко – даже если такого желания нет.

Но поздние люди цивилизации тоже обладают плохим пониманием, еще худшим, чем понимание первых людей – потому, что они разные и не понимают друг друга. И поэтому плохое понимание точно так же компенсируется жестокостью; а поскольку понимание хуже, чем у первых людей, и с добавкой компенсационной жестокости, то люди цивилизованные оказываются более жестокими, чем люди дикие.

Еще появляется фактор машины, который всё время растет. Машина не жестока. Но ее действия не то что бесчеловечны, они нечеловечны и очень часто ведут к жестокости.

Человек тоже переводится в режим машины все больше. И становится машиной все больше. Он может творить дикие зверства, при этом совершенно не понимая, что он делает что-то плохое. Потому что он уже машина. У машин морали нет.

Растущая жестокость вообще поднимает норму терпимости к жестокости – терпимости к ней становится больше.

Для технологического успеха нужен высокий интеллект.

Чтобы быть высоким, интеллекту нужно быть в высокой степени абстрактным.

Чем выше степени абстрактности интеллекта, тем сильнее человек переживает состояние сострадания, поскольку это состояние происходит как абстрактный перенос чужого страдания на себя.

Разделить высокий интеллект и сильное чувство сострадания в массе людей невозможно.

Вывод: нации с высоким интеллектом – нации с максимальным чувством сострадания. Речь идет о национальном большинстве, определяющем большинство.

Это чувство сострадания не дает этим нациям вести войны, особенно жесткие, на уничтожение.

А если какие-то группы в нациях и ведут такие войны, то они напускают информационный туман, чтобы высокоинтеллектуальные-с-состраданием не протестовали против таких войн. Таким образом удалось напустить тумана и провести войну с Германией, но не получилось с Вьетнамом.

Еще одно следствие: у глупых наций уровень абстрактного мышления низок. Представители глупых наций не понимают чужую боль, в том числе и у своих. Глупые нации жестоки. Поэтому для их вразумления, и для управления ими приходится применять жестокость – иначе они не понимают.

Молодые нации не жестоки, хотя часто провозглашают свою жестокость; далее они перестают провозглашать жестокость, оставаясь не жестокими; после середины пути качество падает, интеллект и абстрактное мышление начинают падать, нация становится более жестокой, но в этот момент она начинает провозглашать гуманизм, иногда до степени патологии. Старые, выродившиеся нации становятся жестокими.

Да, представить себя на месте другого человека (основной элемент социального интеллекта) – для этого тоже нужны та же способность к абстрактному мышлению.

Число формальных проявлений гуманизма достигает максимума развития своих форм к тому моменту, когда общественная биологическая база гуманизма (его содержание) оказывается исчерпанной; в результате он повисает в воздухе, что и приводит к бесчеловечному обществу, в котором провозглашается, более, зверски навязывается гуманистическая идеология. Так получается совпадение, что когда много и официально говорят о гуманизме, то к человеку относятся хуже, чем к скотине. Что дает повод говорить собственно о гуманизме как об обманной идее, что, конечно, не верно.

При формальной ценности человеческой жизни ее реальная ценность падает, жизнь начинает цениться все меньше и меньше, и в конце уступает по ценности чистой идее стандарта этой жизни. И далее – утилизация людей нестандартных и ненужных для единой машинной системы.

Первая причина падения ценности человеческой жизни – потеря в массе УИ. Гуманизм сцеплен с общим интеллектом; если в УИ выбиваются детали – гуманизм не будет восприниматься. Вторая причина – чем выше собственно интеллект, тем автоматически выше уровень сочувствия-эмпатии. (Сцепление происходит через способность к абстрагированию: кто хорошо абстрагируется от вещей, у того высокий уровень абстрагирования; а у кого высокий уровень абстрагирования – те абстрагируют наблюдаемые страдания других людей, в том числе на себя.) Поэтому высокоразвитым народам очень трудно уничтожать низкоразвитые. Уничтожают, конечно, но никогда в этом не признаются, даже себе. Индейцев восстановили, да. Ещё технологию создали – проблему выносить за кадр, чтобы не травмировать обывателей.

На самом деле с тем, как деградирует человек, с тем, как он утрачивает человеческое, то человеческого в нем становится всё меньше. И поскольку это так, то и цена уменьшенного человеческого уменьшается. Люди теряют качества. Людям свойственно уходить в сторону от негатива, и формой такого ухода, заглушкой негатива выступают все более и более – параллельно деградации – заглушающие вопли о ценности человеческой жизни. Ещё одно психопатическое проявление – одиночные акты совершенно неоправданного гуманизма к преступникам; это разные средства компенсации одного и того же.

Уровень эмпатии растет параллельно с уровнем интеллекта; потому что в общем растет способность к абстрагированию, и в рамках этой способности – часто неизбежная способность переносить чужие страдания на себя, наблюдателя. Людей перестали есть, хотя это не практично – первое следствие. Сначала интеллекта для реального гуманизма ещё недостаточно; в конце его уже недостаточно. Выходит так, что реальный гуманизм имеет пик, примерно на $\frac{2}{3}$ – $\frac{3}{4}$ истории культуры-цивилизации. В отличие от формального гуманизма, который только растет. (Например, пик гуманности в европейских войнах – вторая половина XVIII века.)

Для эмпатии-сочувствия нужны все виды интеллекта, т.е. универсальный интеллект. Нужно сначала распознать состояние другого человека, потом должно включиться абстрагирование, потом возникнуть состояние восприятия. Но универсальный интеллект в цивилизации исчезает. И вместе с ним исчезают способности к эмпатии сочувствию. То, что поздние цивилизации равнодушны к людям – это общее место; но кричат о гуманизме больше других.

Формализм побеждает – формально ценность жизни взлетает до небес, но реально она начинает стремиться к нулю. Конфликт решается путем вытеснения негативной информации из сознания.

Люди становятся слишком дороги и слишком дешевы одновременно. Социальная система навязывает к человеку множество наценок; и именно из-за этих наценок люди и оказываются дороги. Но поскольку из-за наценок возможность их использовать падает, их востребованность падает, и люди одновременно становятся слишком дешевы, поскольку не нужны.

Человек ко всему привыкает. Человек постоянно абстрагирует реальность, волей-неволей, и выводит среднее, которое и становится нормой. Деградирует собственно норма. Нормы того, что считается положительным, то же самое – нормы положительных вещей все время снижают уровень, потому что по множеству причин обесцениваются. Например, торговцы зрелищами пытаются спекулировать на остатках эмпатии, в результате этот остаток крайне быстро заканчивается, потому что мера страдания в зрелищах должна постоянно расти. Она и растет, в результате нормой становится минимальный уровень эмпатии, иначе будет постоянный психоз на её почве.

Машина – это средство. Человек – вроде бы цель. Но реально человек, вернее, большинство людей, оказываются не целью. А только средством. Средства используются. И для использования подвергаются трансформациям с целью оптимизации.

Не обязательно быть рабом чьим-то. Можно быть рабом обстоятельств, например, можно быть рабом собственного земледельческого процесса. По сути – средством для поддержания этого земледельческого процесса. Или средством для поддержания цивилизационного процесса, который сам по себе инерция угасшей культуры.

Борьба идет за то, кто будет машиной и средством, а кто хозяином и целью. Например, живая нация использует государство – набор структур – как машину. (Речь не идет о захвате государства группой лиц). Но когда нация превращается в массу, масса оказывается не в состоянии использовать государство – набор структур – как средство, и тогда набор структур становится целью, хозяином, а масса – средством, машиной для государства.

* * *

Дрессировка – это процесс прошивки программы. Под дрессировкой понимается задание культурных норм через дискомфорт, чаще всего через боль.

Под воспитанием обычно понимается задание культурных норм через объяснение. Если не понимают через объяснение – смотреть пункт дрессировка. Для

воспитания нужен относительно высокий интеллект и воспитателя, и воспитуемого. И нужно их взаимопонимание через универсальный интеллект. А если такового интеллекта уже нет, то опять только дрессировка.

Дрессировка годится только для прошивки простых задач. Поэтому сложные эффективные системы на дрессировке не построить, они в дрессировку упрутся как в потолок.

Выходит так, что невозможность воспитания ведет к дрессировке, а поскольку дрессировка – процесс машинный, то ведет к механизации, причем на довольно низком уровне.

Машина подлежит дрессировке. Человек – воспитанию. Машина в человеке тоже подлежит дрессировке. Если перепутать – возникнет очень серьезное непонимание. В позднем необществе непонимания путаница постоянна.

Есть люди-зверушки, которые не понимают воспитание, и которых можно только дрессировать.

Воспитание (в данном случае – через объяснение) возможно только в том случае, если есть общее понимание, а для понимания нужен универсальный интеллект. Получается так, что людей с разным, специальным интеллектом воспитывать невозможно по причине взаимонепонимания, в результате единственным возможным воздействием оказывается дрессировка. Что приводит или к невозможности привить культурные нормы, или к озлоблению дрессируемых, а чаще к обоим результатам.

* * *

Человеческое становится проблемой, потому что мешает машинам-коллективам и машинам-людям функционировать – и внесением сложности, и внесением человеческой ненадежности.

В городе не до человека. Людей нет, есть функции: почтальон, продавец, сосед, который мешает. (с) Антуан де Сент-Экзюпери

За стадией утраты человеческого представления о жизни следует обязательная стадия выравнивания – унификации и стандартизации, когда новопридуманные нечеловеческие представления навязываются людям. Когда людям навязывается нечеловеческое, они обычно чувствуют боль. Когда люди чувствуют боль, они хуже функционируют и снова проигрывают машинам.

К поздним временам боли накапливается очень много. Люди поздней цивилизации обладают худшим здоровьем. Люди плохо друг друга понимают – интеллекта нет. Из-за проблем с абстрагированием и рефлексией нет сострадания.

Кругом машины. Перспектив у умирающей цивилизации нет. Везде боль – от боли физической до боли метафизической.

Поздняя цивилизация (как, впрочем, любая поздняя группа) – это ад: это боль, страдание, ужас, деструктурирование всего человеческого. Да, старость – это распад. К внутренней боли вырождения добавляется внешняя боль взаимодействия; любое действие между людьми, болезненными и лишенными взаимопонимания, приводит к новой боли.

Культура-цивилизация, да и любое большое общество проходит путь от высшей формы управления с помощью морали к низшей форме управления с помощью боли. По дороге она проходит стадии чести, верности, власти, денег, страха. Она проходит стадии, постепенно от них отказываясь, поскольку они перестают работать.

Поскольку пряников все-время нехватка, для дрессировки остается только кнут. А когда применяется только кнут, пряников никогда и не будет.

Вся деятельность ведет к непониманию, жестокости, раздражению. Все эти пункты усиливают друг друга. Из этого состояния бытия и рождается мысль о непричинении страданий как о главной идее. И к отказу от деятельности, поскольку она причина страданий. Поздние цивилизации всегда приходят к буддистским принципам. Они – не попытка к жизни, они – обезболивающее.

Почему будущее никому не нужно и не интересно? Потому что люди чувствуют нарастание боли – и с возрастом, и с поколениями – и они не хотят этого дальнейшего нарастания при понимании, что оно неизбежно.

Поздние цивилизации обладают максимально совершенной техникой, позволяющей освободить труд большинства людей. И спрос на труд происходит не как спрос на выполнение работы, а как спрос на издевательства над людьми под видом труда.

Боль и страдания становятся тоже товаром; чужая боль облегчает собственную. А поскольку боли много, её становится нужно еще больше. Боль вполне естественно встраивается в цепочку одномерных конвертируемых единиц – вместе со страданием, унижением, деструктурированием и тому подобными потребительскими товарами будущего.

И это не какая-то отдельная, «плохая» группа это проводит. Это проводит большинство, масса. Ей и самой больно, деградация и дегенерация все-таки, и через этот ад она пытается снизить эту боль. Но помогает плохо, порог отсечения боли возрастает, приходится творить еще большую боль. Боль становится аналогом товара, причем ходового, и встраивается в пространство од-

номерности и тоталитаризма. Если с моралью покончить окончательно, то разные виды боли появятся на полочках с товарами. Для представителей власти – скидки.

Из массы получается собрание калек, в котором каждый кричит о своем страдании, пытаясь заглушить всех других. Чтобы хоть кого-то было слышно, например, начальство, создается целая система распределения и регулирования боли. Естественно, государственная, централизованная и социалистическая. Боль нормируется, стандартизируется, она становится еще и шоу – от цирковых представлений до ночных ковровых бомбардировок городов. Со временем масса проходит очередной порог боли за очередным, уже не действующим, и становится все более жестокой.

Что такое дискуссия разных людей массы? Один начинает ныть: «нога болит, нога болит...» Другой приходит в бешенство и начинает вопить: «врешь, гадина, нет, рука болит, рука болит!» Потом они бросаются друг на друга и пытаются вгрызться в глотки друг другу. Где это увидеть? Почти в любом социальном или политическом интернет-обсуждении.

Проблема определения скотины как машины в том, что она чувствует боль и что она страдает. Для превращенного в скотину человека чувствовать боль – это последняя способность и последнее ощущение.

Обычно люди убегают от боли. Но после множеств неудачных попыток убежать некоторые начинают бежать на боль. В свое время люди сознательно шли на то, чтобы их скармливали львам на арене, тоже не от хорошей жизни. Смерть – это культурное, высшее, приобретенное, очень многие люди смерти не боятся. Боль – это биологическое, низшее, базовое, и все люди боятся боли.

В конце процесса у людей не остается ничего человеческого, кроме страдания и боли. И это тоже главная причина, по которой цивилизации прекращаются. Продолжение жизни видится продолжением боли. Продолжать такое действительно не стоит.

Цивилизация: аннигиляция

Чем больше система, тем в большей степени она может быть машиной. Цивилизация всегда большая машина, чем нация. И цивилизация всегда неуправляемая машина, чем больше машина – тем меньше она может управляться.

Цивилизация есть машина, которая отдает людям приказы. Приказы формируются исходя из внутренних инерционных тенденций цивилизации как машины, а равно как типовые рефлексивные реакции на изменение среды. Данные собираются машинами, анализируются, данные поступают в машины, где их ждут команды «если» и программы, готовые запуститься. Приказ реализуется

через сходные участки кода, которые одинаково содержатся в цивилизации как машине и в каждом человеке как машине. Когда человек получает команду на включение нужного кода, уже содержащегося в нем, человек не думает, а исполняет. Физически цивилизационная машина находится в разных людях, детали большой машины рассредоточены по разным людям. Через сеть всех разных людей происходит трансляция команд всем. Люди получают уже не свой код, а код усредненный между своим и инерционно-цивилизационным. Люди бессознательно генерируют эти коды, в сумме их обработки получается цивилизация. По аналогии с муравьями – муравьи бессознательно генерируют эти коды, в сумме их обработки получается муравейник.

Пример: в миллионах людей сидит программа «замуж!»; попытка реализации огромного числа этих программ приводит к требованиям, в том числе к огромному числу косвенных требований, потом к конфликтам требований, и эти конфликты требований задают законы для государства. А далее эти законы становятся инерционными и начинают действовать сами по себе, вызывая поток следственных действий, уже из самих ранее принятых законов. Такое продолжается до тех пор, пока поток законов не приобретает направления антиантропности-античеловечности. Причина в том, что код оказывается усредненным, универсализированным, через то – отчужденным от людей, в массе не соответствующих ни одному человеку. И дальше законы, направленные на повышение рождаемости, ведут к снижению рождаемости, а законы, направленные на защиту женщины, доставляют женщинам множество еще больших проблем.

Цивилизация обладает всеми свойствами машины: она имеет точкой притяжения эффективность, и для этого происходят оптимизация, унификация, стандартизация и т.д.

В современном обществе это отчуждение становится почти всеобъемлющим. Оно пронизывает отношение человека к его труду, к предметам, которыми он пользуется, распространяется на государство, на окружающих людей, на него самого. Современный человек своими руками создал целый мир доселе не виданных вещей. Чтобы управлять механизмом созданной им техники, он построил сложнейший социальный механизм. Но вышло так, что это его творение стоит теперь над ним и подавляет его. Он чувствует себя уже не творцом и господином, а лишь слугою вылепленного им голема. И чем более могущественны и грандиозны развязанные им силы, тем более слабым созданием ощущает себя он – человек. Ему противостоят его же собственные силы, воплощенные в созданных им вещах, силы, отныне отчужденные от него. Он попал под власть своего создания и больше не властен над самим собой. Он сотворил себе кумир – золотого тельца – и говорит: «Вот ваши боги, что вывели вас из Египта» ... (с) Эрих Фромм

Поддержка отдельных формаций вроде сословий и классов более энергозатратна, чем поддержка одной равномерной субстанции. Нация для этой задачи должна обладать энергией; эта энергия должна быть в ее представителях, которые, в свою очередь, для этого должны быть здоровы. Поддержка национальных формаций окупается в долгосрочной перспективе и не окупается в краткосрочной. Если ориентироваться на долгосрочную перспективу, то до нее можно просто не дожить, поскольку уничтожат победители в краткосрочной перспективе.

Каждый раз, когда не хватает энергии, что-то упраздняется.

Процесс превращения в массу – это процесс перехода к однородности: что сверху – то и внизу, что снаружи – то и внутри, что в начале – то и в конце.

То, что было функционально в старой, долгосрочной, сложной системе, становится нефункциональным в новой, упрощенной системе. С тем, как цивилизационная система, а с нею все ее подсистемы упрощаются, сокращается все большее число деталей. И этот процесс сокращения идет постоянно после того, как цивилизация прошла свою вершину.

Весь этот процесс сокращения деталей идет как инерционный, и по сути является работой одной большой цивилизационной машины.

Мораль

Готтентотская мораль: общей морали еще нет. Поздняя цивилизационная мораль: общей морали уже нет. Круг замыкается. Что в начале – то и в конце. В здоровом сообществе есть закон и мораль. Они выполняют разные задачи. Поздние люди перестают понимать, зачем такая сложная структура нужна им – уже ставшим простыми и одномерными людям. Чем меньше разного рода инструкций – тем проще, и тем проще вбить их в головы. В поздней цивилизации мораль превращается в закон, в структуру. Но по своей природе мораль содержит свободы и структуры в соотношении, и если мораль превращена в структуру – значит морали больше нет, есть только закон.

У скотины морали нет. Когда мораль утрачивается, действия, называемые ранее аморальными, называются «хитростью». И рассматриваются некоторое время положительно – насколько еще могут рассматриваться вне готтентотской морали. Далее абстрагирование сокращается и затем отменяется, и понятия положительности-отрицательности уступают место готтентотской конкретике.

Добро и зло в машинных координатах – это лишние измерения, мешающие функционированию. Избавление от них происходит в любом случае.

Задача формализации всего стоит постоянно, поскольку машины и человеко-машины не понимают неформализованные данные. От этого – резкий перекосяк от содержаний к формам везде и во всем. Данные или формализуются, или упраздняются. Формализация добра и зла возможна только на самом низком уровне, вроде «не причиняй страданий». Но ведет это к дальнейшей формализации, еще и мышления, поскольку не понятно, как это страданий можно не причинять. Варианты «буддизмов» придумываются последними людьми наций. Вместе с этими людьми утрачиваются и их идеи – уровня понимания массы для них недостаточно.

Общество имеет общие представления о добре-зле, чести, морали и т.д. У общества есть общие интересы и взаимоподдержка в борьбе за эти интересы – обязательно. Но общие представления тоже обязательны.

Возможны ли эти общие представления без религии? В крайнем случае – без квази-религии, вроде коммунизма? И похоже так, что без религии общие представления невозможны. И, конечно, это должна быть настоящая религия в плане настоящего ответа на все эти вопросы, а не набор формальных ритуалов. Пусть религия не является, может не являться несущей конструкцией – но как связывающая конструкция она необходима.

Религии начинают рушиться не тогда, когда в церкви приходят погромщики. Первый шаг к разрушению религии всегда делает церковь – тем, что ставит религиозную норму на место нормы закона, и заменяет моральное наказание юридическим наказанием. Второй шаг – церковь-религия не дает моральной оценки событий. Третий – церковь-религия оправдывает вещи, которые не должна была оправдывать согласно своим же правилам. Церковь – это ведь тоже люди, и эти люди подвержены всем негативным цивилизационным тенденциям.

Необщество постоянно находится в состоянии *«по форме верно, по сути издевательство»*. И в вопросах закона, и религии, и морали.

Суть утрачена, потому что необщество; и поскольку суть утрачена, то из всего получается издевательство. Форму задают те, у кого сила; её, конечно, может задавать кто угодно. Но победит тот, у кого сила. По форме можно доказать что угодно; на самом деле «доказать» в этом случае – это тоже лукавство, это просто признать доказанным силовыми методами. Но даже люди массы могут видеть самые явные натяжки. Они могут официально одобрять что угодно, но относятся к этому скептически, как одному из мелких издевательств. Типичный пример – поздняя политика одобрения в СССР. И эти одобрения будут снова и снова требоваться от масс, и массы каждый раз будут «одобрять» – на все более и более примитивном уровне.

Если необщество всё равно есть, то ему лучше снизить число слов во избежание конфликтов, которые происходят из-за непонимания слов, и ограничиться цифрами-ценниками.

Большая цивилизационная машина ориентирована оставить от всего только мертвые формы – и от морали, и от церкви. Церковь в живом виде несовместима с машиной. У машины два варианта – война с церковью, или выхолащивание в церкви всего живого.

Опасность для машины состоит в том, что церковь может что-то заявить. И нужно, чтобы церковь ничего не заявила. Конечно, на совсем поздних стадиях это совершенно не опасно – и церковь ничего не заявит, а если вдруг заявит – слушать все равно никто не будет.

У машины не может быть морали. Ни у человека-машины, ни у системы-машины. В программе могут быть прописаны некоторые явные моральные действия. Но со временем эти элементы начинают мешать одномерности, и постепенно отбрасываются как лишние, обременяющие систему элементы.

Утрата человеческих представлений

Рациональный – значит организованный наиболее оптимальным способом, что подразумевает минимизацию расходов-издержек.

Само понятие рациональности применимо только к средствам, цели не нуждаются ни в какой рациональности.

Так повелось, что под рациональностью всегда понимают ограниченную в измерениях рациональность, урезанную рациональность. Эта же самая рациональность – это практическая рациональность короткого времени против теоретической рациональности, которая охватывала бы протяженный участок времени. С одной стороны это верно, поскольку выигрывать нужно сейчас, а потом выигрывать, может, будет и некому. С другой – само слово «рациональность» приобрело крайне ограничивающий акцент.

Когда-то у наций были пути, которыми они куда-то шли. При обсуждении таких путей появилась идея, что пути должны быть организованы рационально. Но потом пути потерялись. На их месте осталось множество программ. Тогда рациональность была объявлена самоценностью. Рациональность была применена к программам, которые выполнялись, хотя при этом сами программы на смысл уже не тестировались – большинство смыслов к моменту победы «идеологии рационализма» уже было утрачено. При этом потерялось представление, рациональность – она чего рациональность, и цель была заменена средством. X ради X, рациональность ради рациональности – это спектакль.

И люди, которые куда-то шли, тоже потерялись. Они стали играть в «рационально – не рационально» для унаследованных абстракций, как этим абстракциям лучше или хуже. Одной из главных абстракций стал «человек».

Уничтожение самих понятий добра и зла при переходе к человеку – это результат одномерности. Которая должна быть рациональной. И разумной... вроде бы... ограниченно, одномерно разумной.

Чтобы представления о добре и зле не мешали рационально функционировать (программам!) – нужно отменить понятия добра и зла. И в обществе, и в человеке. Существует общее инерционное движение, собрание инерционных моментов. Последнее, что можно подправить в этих моментах – это сделать это движение максимально рациональным: снизить издержки и т.д. Добро и зло – это машинно-лишние, нерациональные детали. Религия – первый комплект для отмены, мораль – второй, человеческое – третий.

Разные люди становятся настолько разными, что им видится разное очевидное. Например, «смерть – неизбежна, страдание – зло», или «смерть – зло, страдание неизбежно». Общество не может быть построено на этих двух противоречащих друг другу принципах одновременно, но каждый из этих принципов для кого-то является очевидным. Очевидно, что из этого состояния возможны два выхода – или одно, самое сильное очевидное, уничтожит все прочее, либо все варианты очевидного будут медленно сосуществовать и в этом сосуществовании взаимно аннигилироваться. Некоторые страны пробовали провести самое сильное очевидное как общее – но оно не проходило в силу тех или иных обстоятельств, и все возвращались ко второму варианту. А общим становилось чисто отрицание всего иерархического, сложного, многомерного.

Существуют вещи, которые множеству людей просто видимы, очевидны.

Вся эта очевидность, всё очевидное основано на универсальном интеллекте.

Добро – зло

Великое – ничтожное

Прекрасное – безобразное.

Живое – мертвое

Главное – второстепенное

Общее – детали

Машина, машиночеловек не могут различать эти понятия, в отдельных случаях различают, если им вкладывали какую-то методику, но обычно на них плывут. Причем если на обычных вещах плывут часто, то на абстракциях плывут почти всегда. А культура без абстракций больше похожа на пенек от культуры.

Если возникают проблемы с установлением событий по этим шкалам, если хочется поверить алгеброй гармонию, то нужно подключить структурированность как средство идентификации. Но сам факт, что такая необходимость возникает, говорит об утрате базового понимания вещей. Если люди не могут автоматически и согласованно разносить вещи по этим категориям, то им не договориться о вещах, более сложных, чем перемещение мебели. У них нет даже базы общества.

Нет общего правила, и никто никому не может дать какого-либо общего совета. (с) Деррида

Общая тенденция: вариабельность инерционно растет. Это значит, что разброс параметров растет. Это значит, что зона формальной нормы человека постоянно расширяется. А расширяется она сначала в зону вариаций, а потом девиаций. Когда норма расширяется в зону вариаций, происходит успех. Когда норма расширяется в зону девиаций, начинается деградация. Вариабельность продолжает расти, и люди становятся разными настолько, что перестают друг друга понимать. Простые вещи теряют свои нормы границ. Люди теряют представления о вещах и не могут о них договориться. При наличии деградации, дегенерации, деструктурирования вся индивидуальность сводится к индивидуальным девиациям; а поскольку девиантов некоторых типов может оказаться много, они могут создавать даже агрессивные группы. Поздняя индивидуальность массы, если можно так выразиться, ведет не вверх, а вниз, к низшему человеческому. Но если в начале своего появления эти люди с девиациями ещё могут создавать что-то в плане культуры, то к концу уровень падает и они способны только на агрессию и разрушение.

Всякое искусство смертно, не только отдельные произведения его, но само искусство. Придет день, когда прекратится существование последнего портрета Рембрандта и последнего такта Моцартовской музыки, хотя, пожалуй, и будет еще существовать закрашенное полотно и нотный лист, так как не будет уже ни глаза, ни уха, которым был бы доступен их язык форм. (с) Шпенглер.

Шпенглер пишет это про конец цивилизации, и это, конечно, верно. Но можно заметить, что язык форм, язык понимания форм, о котором здесь говорится, и так недоступен большинству в цивилизации, а прямо сейчас распадается окончательно, причем распадается не по линии смены культуры, а по линии распада базы понимания, универсального интеллекта, который лежит гораздо ниже этой культуры. непонимание людей – это то же самое непонимание культуры, потому что люди – это ведь тоже элемент культуры, какими бы они ни были. И где эти Рембрандт и Моцарт уже сейчас?..

Семья в своей сути явление иерархическое, патриархальное. По природе и от природы. И иной, не иерархической и не патриархальной, она быть не может. В массовом необществе собственно иерархии и патриархальности больше нет,

и семья – как она всегда была – она невозможна, для неё нет биологической и экономической базы. Правильно было бы от неё вообще отказаться, но массовое необщество как правило выбирает самый сложный и мучительный путь – принуждать к форме и запрещать по содержанию. Брак – это оформление, формальная, структурная сторона семьи. Как раз структурная-юридическая сторона есть, а сущностной – семьи – уже нет. Получается довлеющая над людьми форма непонятно чего, ушедшего в прошлое. И это непонятно что – оно новое, и никто не знает, как оно должно работать, нет инструкции. И поскольку все люди слишком разные, то не договорятся, то инструкции уже и не будет, мучиться и страдать по этой теме придется до конца цивилизации.

Происходит распад всех и всяких отношений в результате распада представления о том, какими должны быть отношения. Люди слишком разные. Что интересно, лучше отношения получаются у тех, кто меньше думает и больше следует шаблону – тогда шанс понимания через верность шаблону возрастает. Но для этого нужно иметь меньше интеллекта; его для всех типовых задач, с которыми человек сталкивается в цивилизации, лучше иметь меньше; он – обременение.

У массы нет критериев определять. Люди смотрят, но не видят. В том числе нет никакого чувства прекрасного или чувства великого – что есть производные от универсального интеллекта и врожденного внутреннего структурирования. И эти вещи не объяснить. И смысла объяснять нет. И даже авторитетная обезьянка не объясняет, а только утверждает.

Дискурс – это тоже машина. Дискурс относится к абстрактным машинам – к наборам правил. Это набор правил-программ, в соответствии с которыми разрешается что-то обсуждать. Дискурс-машина не позволяет находить смысл. Равно и не находить. Выход за границы дискурса означает, что обсуждения не будет. Дискурс только сначала задается; после того, как он задан и прошит в массу, он работает как программа. Дискурс начинается с усреднения, стандартизации, унификации идей и заканчивается идейным тоталитаризмом. Нельзя всех подписать на правила. Но есть правило: существует только то, о чем другие уже говорили. А то, о чем они не говорили, не существует. Когда все соблюдают это правило, возникают рамки дискурса.

Дискурсы поддерживают рамки всего, поскольку они сами и есть определители рамок. Но чтобы люди понимали рамки, люди должны быть достаточно одинаковыми, как минимум достаточно одинаковыми, чтобы находиться в этих самых рамках. Но люди разные слишком сильно, и рамки дискурсов разрушаются. В церкви служит трансвестит-женщино-сатанисто, но большинство не реагирует, только у кого-то индивидуальная истерика. Всем всё равно, поскольку люди настолько разные, что не могут прийти к общему в достаточных для психоза количествах. А когда такое наблюдается во всех областях – всем все становится все равно везде и во всём, толерантность становится полной и

переходит в равнодушие, а равнодушие вызывает состояния пустоты и усталости.

Если судьба людей по жизни не тащит, то они вообще не понимают, как им жить. Если об этом задумываются, что редко. Для жизни нужен УИ, чтобы ее понимать. Не всем – только некоторым, ведущим; но увы, масса не признает ведущих, поскольку не признает иерархий. Люди не поймут, им нужна команда. А среди равных команду дать некому, никто не знает, как жить, и никого нет – кругом одни машины. Машины тем более не знают.

Цивилизации кончают самоубийством. (с) Тойнби.

Жизнь в поздней цивилизации построена настолько античеловеческим и машинно-ориентированным образом, что даже простое воспроизводство населения становится невозможным. Структуры заполняют все пространство (и социальное, и интеллектуальное) и свобод не остается. Далее – человек, еще далее – ад человека и смерть человека.

Цивилизационная система не может быть реализована без вырождения. Вырождение оказывается неотъемлемой частью цивилизации. Это вырождение встроено, это не дефект, который был допущен. Нельзя как-то цивилизацию улучшить, чтобы его избежать. Чтобы его избежать, цивилизация должна быть иной принципиально. Намного более иной, чем мечтали коммунистические и прочие утописты.

Зачем всё это мировое зло делается? Ответ: низачем. Специалисты – это машины, они не понимают и не поймут, что они делают и что они делают не так, потому что не знают, зачем они это делают. Они просто делают. Сам вопрос смыслов их деятельности находится за рамками их дискурса-разумения.

Поздняя цивилизация пребывает в состоянии инерции, где все инерционные потоки переплетены. В результате попытка решения какой-либо проблемы предпринимается инерционными методами, т.е. тем же образом, каким проблема была получена. Попытка может быть начата реализовываться в любом направлении, но далее она постепенно придет к направлению инерционных потоков.

Шпенглер: стадия культуры сменяется стадией цивилизации. Следствие из Шпенглера: цивилизация есть отрицание культуры. В том числе цивилизация есть уничтожение культуры всеми возможными промышленными и массовыми средствами; потому что отрицание промышленными и массовыми средствами и есть уничтожение.

Страшнее стадии смерти цивилизации только стадия посмертного существования цивилизации – когда внешние силы поддерживают систему, или система слишком велика и какое-то время проваливается «вовнутрь» себя.

К моменту победы цивилизации над культурой побеждают и вообще остаются системы административно-машинные, вроде Рима, Англии и США, в противовес системам культурно-человеческим, вроде Греции, Франции и Европы. Это в явном виде; в виде более-менее смягченном этот процесс происходит и внутри каждой цивилизации, и внутри каждого общества.

Цивилизация в своем конце – почти полная противоположность цивилизации в своем начале. Хотя и начало цивилизации обычно тяжелое, конец – тяжелый и безнадежный. Для простого человека в истории цивилизации есть только маленький светлый участок – сразу после середины пути, «золотая осень».

К пониманию машины

У машины проблем нет, на то она и машина. Проблемы есть у людей, которые прыгают между шестеренками и не могут понять, что вообще происходит. Непонимание машины происходит в том числе из-за несоответствия накопленной информации – в наследии цивилизации 99% говорится о человеческом, и только 1% – о машинном. На самом деле в конце пропорция обратная.

Главные вещи, необходимые для понимания, применяется везде и всегда: старого мира наций больше нет; людей ничтожно мало, почти все двуногие превращены в машины.

Слово «масса» предполагает не только бесформенность, оно предполагает еще и множественность, неисчислимость.

Людей в поздней цивилизации – единицы, и они не нужны. А машины – громадные, многомиллионны; бросая им вызов, желательно иметь представление о соотношении размеров.

Немногие осознающие личности могут только смотреть на ряды машинокормушек для машиноскота, тянущиеся в планетарных масштабах. Сделать с этими кормушками ничего нельзя. Сделать что-то можно только с собой, и то это очень сложно.

Жизнь людей в поздней цивилизации – это жизнь между шестеренок машины, в которой водятся хищники.

Главное в цивилизации – это движение многомиллионных масс к точкам естественного их притяжения. Второстепенное – это воля людей, которые хотят что-то сделать. Всё равно что. Порядки несоизмеримы.

В цивилизации противостоят главное и второстепенное, глубинное и наносное: цивилизация уничтожает среду обитания, а природоохранный психоз, каким бы мощным он ни казался – это только психоз, это второстепенное и наносное, несоизмеримое по размерам с глубинным.

Смыслы и идентификации

Можно представить такой тест Анти-Тьюринга: выявить, является ли представленный человек человеком или машиной.

Первая проверка на машинность – это смыслы и смыслогенерация. Машины есть средства, и потому на смыслах плывут.

Вторая проверка – это ответы на моральные вопросы, машины не разбираются в вопросах морали. Не отличают добро от зла, мерзавца от подлеца и т.п.

И третья – машина не может выйти за пределы рамок дискурса, и сам дискурс для нее служит программой.

Способность порождать смыслы качественно отличает человека от животного. (с) А. Пелипенко.

Можно добавить – понимание, дешифровка чужих, наблюдаемых смыслов должна предшествовать смыслогенерации. И еще: большинство заявленной смыслогенерации оказывается бредогенерацией.

Прежде чем прийти к смыслогенерации, нужно пройти стадию смыслопонимания. Машины и в смыслопонимании буксуют.

Смысл – это критерий для отличия людей от машин.

Страшен автомат – машина в подобию человека. Не страшнее ли человек – в полном подобию машины, т. е. без смысла и без воли? (с) З. Гиппиус.

Смыслогенерация – это слишком человеческое. Машины не могут генерировать смыслы. Потому что машины – средства.

Машина-программа отвечает на вопрос «А смысл?» словом «Надо!» Или не отвечает вообще, выдавая лукавый (верный по форме, пустой по сути) набор слов.

Попытка осмысления обычно оборачивается только рационализацией.

Изначально машинные системы живут унаследованными смыслами и могут их сформулировать. А потом мир меняется и смыслы утрачиваются. У машин их

смысл задается им до их возникновения и существует как инерционный шлейф. И они его не могут сформулировать.

Почти всё, что отличает человека-машину от человека-личности, подходит для отличия любой системы-машины от системы-личности. Системы-личности приобретают личностные качества только постольку, поскольку в них есть люди-личности.

В постмодерне вопрос «А смысл?» вызывает в лучшем случае недоумение. Обычно он считается еретическим и вызывает истерический страх, в глубине которого осознание бессмысленности постмодерновой событийности.

Какой смысл дает цивилизация? Обычно говорят, что она дает жизнь. И в этом ее смысл. Что люди просто живут. Но ведь это не верно. Цивилизация дает только смерть. Цивилизация сначала уничтожает человека по частям, потом уничтожает его полностью, а потом уничтожает всё, что этот человек произвел. Цивилизация есть аннигиляция человека и человеческого, и это видимый факт.

Смысла в машинной системе нет изначально, есть только обломки смыслов унаследованных. А когда эти остатки проходят, смыслов не остается совсем, и единственное, что видится в действиях системы как смысл – это издевательство над людьми. Конечно, на самом деле такого смысла нет, и никакого нет, но это единственное, что видится.

Периодически возникает вопрос: как организовывать жизнь? Обычно дается ответ – рационально. Но из понимания выпадает момент, что рационально-человечески и рационально-машинно – это разные рациональности. Рациональности нужна формализация, формализации нужны критерии, и эти критерии разные для разных задач. Поскольку общество к моменту появления вопроса уже механизировано, рациональность оказывается машинной, а не человеческой. Рационально оказывается таким образом, чтобы машинный процесс получил максимум эффективности. И в результате выходит рационально ради функциональности и функционально ради рациональности. Что формально не совсем принцип спектакля «Х ради Х», но Х ради У, а У ради Х. Можно еще элемент добавить, например ту же эффективность. Но будет все равно замкнутая на себя схема, хотя и многоуровневая, но все равно тавтология. Рациональность – это средство для смысла, а не смысл.

Люди не эффективны, люди не нужны, да, факт. Кому не нужны? Этого кого-то – нет. Этот кто-то – управляющий объект, отдающий приказы, то есть конструкция хотя и реальная, но умозрительная. Конструкция, которая между всеми и которая сама по себе. Число ненужных людей в цивилизации растет до того, что все люди становятся ненужными.

Люди и массы

Специалисты-рекомбинанты подсовываются людям в качестве примера для подражания, примера успеха. Но специалисты-рекомбинанты уникальны, и подражание им приведет не к положительным результатам, а к разочарованиям. Это всё равно, что людям подражать птичкам, чтобы летать.

Чем больше система, тем больший идиот может ею руководить. Поскольку чем больше система, тем больше она машина, и чем больше, тем вероятнее, что она старше, и снова тем больше она машина. Каждый уровень может работать как амортизатор действия, и воля нейтрализуется, а инерция производится. И следствие – большой системой может руководить любой чиновник. От перестановки чиновников с одной руководящей должности на другую меняются ресурсы чиновников, а не свойства систем. Системы производят результаты инерции. Тем более что у переставляемых чиновников-мандаринов-машинок никаких частных свойств нет.

Живые общества и социальные машины могут взаимодействовать. Общества могут влиять на машины, но только в том случае, если они соразмерны. Общества могут противостоять кланам даже при превосходстве кланов (иногда). А кроме кланов и обществ ничего и нет.

Масса громадна. В постмодерне много говорится об одиночестве. Вроде бы людей больше, чем когда-бы то ни было – и вдруг одиночество. Но это одиночество – удел очень немногих, как выясняется, удел ничтожно малой части людей. Для людей основной массы одиночества нет, но не потому, что у них такая насыщенная жизнь: у них несколько иное понятие одиночества – без метафизической и прочей тоски. Собаки тоже воют, когда скучают по хозяину. Но если им дать минимальное развлечение – всё, проблема прекращается. Многие люди, глядя на работу скучающих охранников, понимают, что так бы не смогли; и действительно бы не смогли. Простые системы имеют свои достоинства, а сложные – свои. И одиночество у них очень разное. Например, простым массовым людям даже представить сложно, что такое «одиночество в толпе».

Так откуда одиночество в многомиллионном мире? А нет никакого многомиллионного мира людей; есть много миллионов человекомашин, а люди между ними просто теряются и забывают, как вообще человека можно найти и как он выглядит. А многомиллионная масса даже если когда и чувствует одиночество, всё равно его не выражает, поскольку не обладает средствами выражения.

А где не масса, а кто не масса? Массу можно представить в следующем виде: большой круг – это масса. А по краям его, внутри круга есть маленькие кружочки. Это группы людей массы, объединившиеся по своим уникальным параметрам и интересам. В том числе по интересу «мы против массы». Но

масса – это все. Чтобы выйти из круга, нужно что-то построить. И факт свершившегося построенного будет как раз говорить о том, что есть не масса. А до того «восстание против массы» протекает в пределах этой самой массы. Но это нормально для его первой стадии. Любые территории свободы начинаются с понимания отсутствия территории свободы.

Человек массы определяется скорее отсутствием универсального интеллекта. Особые способности – к власти или технические, например, не могут быть здесь характеристикой.

Мир людей в городе обычно состоит из нескольких человек, в основном изображающих из себя людей, потому что они где-то услышали о людях и им захотелось людьми быть. Все остальное обычно машинерия. Грустно жить человеку, который не нашел себе такой мирок.

После того, как основная масса многомерных людей ликвидируется, оставшихся многомерных людей некому понять. И эти люди чувствуют себя живущими на руинах культуры. Что, впрочем, так и есть.

Если мы поймём, что массы человечества, народы и расы, представляют собой низшие существа по сравнению с индивидуальным человеком, нам станет ясно, что народы и расы не в состоянии эволюционировать в такой же степени, в какой эволюционирует отдельный человек... Трагедия индивидуального человека заключается в том, что он живёт как бы внутри густой массы низшего существа, и вся его деятельность направлена на служение чисто вегетативным функциям слепого, студнеобразного организма... Человек побеждён и превращён в раба. И часто случается так, что он думает, будто обязан служить этим гигантским существам. Но высшие проявления человеческого духа, высшие виды деятельности человека этим организмам совершенно не нужны... (с) Пётр Успенский

Масса всегда, во все времена была основным, базовым элементом человечества, его подавляющим элементом. С тех пор, как земледелие как процесс начало выводить для себя человека в качестве вспомогательной машины, в качестве рабочей скотины. И над этой массой периодически возникали общества-надстройки, которые и задавали человечеству какое-то движение. Аналогично индивидуальное человеческое сознание является надстройкой над животным, так и общество является надстройкой над массой, изначально крестьянской. Общества-надстройки возникали, но никогда они не достигали массовых чисел количественно, их успех был обусловлен только их организацией. При изучении процессов развития общества обращение к вопросу взлета и падения специалистов особенно важно, поскольку прогресс специалистов более относится к надстройке над массой, и только потом этот прогресс опрокидывает надстройку в массу.

Культура возникает в стороне от массы (приверженной механицизму скотины) как проявление общества – нового живого организма, и после того, как это общество оказывается не в состоянии справиться с новым механицизмом, которое оно само создает в благих целях – механицизмом насекомого – возникает цивилизация. Культура и общество не заканчиваются сразу, но начинают идти к концу.

Механистическое побеждало человеческое, это судьба цивилизации. Человек оказывался функционален ради рациональности и рационален ради функциональности. Реально это почти произошло, человеческое – это ничтожные доли процента реальности. А большинству людей не нужны, и даже более, их раздражают даже эти оставшиеся проценты, когда они их наблюдают. Человек механистический – этот подвариант был в большинстве всегда, просто не всегда он определял бытие всех людей. Кстати, и то, что он бытие определяет, и вызывает у людей некоторое раздражение. Скотина есть всегда; но когда ей управляют – это кажется нормальным, но когда она управляет – людям это не нравится. Людям, но не скотинам и не машинам. Отсюда и идея победившего восстания машин и нового восстания против машин. Что, впрочем, будет равно восстанию против масс.

Проекты желательно уметь разделять на массовые и немассовые; по размеру, по охвату. Продвижение массовых и немассовых проектов требует разных качественно технологий, одни для других скорее не подойдут. Кроме того, для управления массовыми проектами нужна сила; она может быть выражена во власти, в деньгах, но еще, что особенно часто применялось – в обществе, если такое есть, в обществе, задающем пример. Именно «применялось» – у поздних обществ слишком мало энергии, чтобы следовать за интересными примерами, хватает только на зрительство.

Молодые люди в период созревания часто конфликтуют с машиной, поскольку гормональная перестройка организма вызывает повышение активности, в том числе человеческого начала. Они проявляют активность и натываются на структуры. Если это принимать в расчет, если об этом знать, то число скормленных машине молодых людей уменьшится.

С годами человек сам превращается в машину, поскольку у него накапливается инерция привычек и мышления, вырабатываются программы, а способности к генерации нового снижаются. И человеческие структуры по этой же схеме превращаются в машины со временем.

Можно даже взять за правило – анализируя любой феномен, любое жизненное явление, сразу делить его на части программно-машинную и человеческую. В том числе и человека. Чтобы не получилось, как в фильме «Кин-Дза-Дза»: пели-приседали перед будкой, чтобы скидку получить, а «женщину вынули, машину поставили». И это случается гораздо чаще, чем кажется; очень часто

люди что-то делают, стараются, продвигают проект – а в ответ тишина: машины не поняли.

Большинство человеческих реакций и заявлений – это чисто машинные реакции. Люди думают, что это они это придумали, а им в голове человека вынули, машину поставили. Или не вынимали, его там, бывает, и не было.

У машины не может быть морального отношения к человеку, тем более к противнику системы. У нее вообще нет морального отношения, она машина. Поэтому к любым противникам машинная система относится как к бешеным собакам, допуская только одно решение – уничтожение. Причинение максимальной боли обычно приветствуется, поскольку это причинение служит как превентивная акция дрессировки. Причем если все враги высшей степени уничтожены, система начинает точно так же уничтожать врагов следующей степени, и так теоретически до полного уничтожения населения.

Крестьянин просто произрастает, как растение (с) Шпенглер. И вся его жизнь основана на принципе произрастания: он фиксирует и реагирует, но слабо, по-растительному. Что в начале, то и в конце, и современный человек массы – это тот же крестьянин, ведущий растительную жизнь и растительно реагирующий на внешние раздражители. В начале культуры крестьянину в каких-то обычно внешних целях прививается мораль. Затем эту мораль в нем проращивают, добавляя культуры. Он поднимается над этой растительной жизнью, создает город, потом цивилизацию, а потом, истратив на это все свои качества, исчезает. Он не возвращается в крестьянство – горожанин, ставший человеком массы, не может более вернуться в пространство, которое он же и уничтожил. Новое крестьянство возникает из минимально затронутых цивилизацией людей. К сожалению, в современном мире невозможно установить, как происходил процесс первого цивилизационного прорастания культуры, или хотя бы автономный процесс. Все процессы были преемственны от прежних, и культура прививалась людьми, сохранившими её от прежней цивилизации. Кстати, эта преемственность и приводит иногда к ошибочной идее, что цивилизация или была и есть одна, или что она идет с древнейших времен, не прерываясь.

Начало и конец похожи, но часто противоположны. Изначальные крестьяне похожи на массу; но они начало, а масса – конец. Из первоначальных крестьян иногда делается масса сразу, безо всякого исторического процесса. Но именно к крестьянам заложен потенциал этого процесса. А в массе этот потенциал уже утрачен. В любом случае потенциал есть или нет, но он не наблюдается. Это и создает сходство.

У Шпенглера крайне гуманные формулировки. Конечно, крестьянина можно сравнить с растением. Но будет более похоже, если сравнить его со скотиной. Скотина всё-таки выше растения. *«Дай, Боже, скотину с приплодом, а детей с примором».* (с) Народное.

Скотина – это, конечно, сумрачная зона для понимания человека. Потому что она – страдающая машина, чего быть не должно. Но в ней всё начинается, и в ней всё и заканчивается. Насекомое в человеке оказывается не столь живучим.

Путь свободы

Путь качественного и количественного расширения собственно человеческого начала – это путь расширения зоны свободного выбора – как количества этих выборов и как качества этих выборов.

Люди делают выбор, люди транслируют выбор. Все остальное прочее вращается вокруг этого выбора и систем обеспечения-реализации этого выбора. Система обеспечения выбора – это система обеспечения свобод и структур.

Жизнь человека – это перманентный процесс реализации свободы выбора. Человек реализовывается как человек именно в процессе выбора.

Машина не реализуется, а выполняет программу и выбор у нее прописан программно.

Там, где нет выбора, там нет человеческой реализации и по сути нет человека, там машина.

Природа изначально машинна, человек, поднявшийся над природой – нет, он отвергает машинность ради свободного выбора.

Человеческое – это всегда осуществлять выбор; и для того, чтобы осуществлять и далее декларировать выбор, сам выбор, саму возможность выбора, систему свободного выбора нужно тоже осуществлять, декларировать и защищать.

Эта система свободы противопоставляется как системам чисто механистическим (насекомым), так и системам животное-это-машина. Тогда зверь и скотина оказываются уровнями пути к системе свободы; и сложно сказать, что дальше от свободы – насекомое или скотина.

В основе выбора лежат «добро-зло», «хорошо-плохо», «прекрасно-безобразно», «причинение страдания – отказ от причинения страдания».

Процесс развития жизни людей – это изменение системы жизни в сторону реализации большего числа свобод. (Расширение зоны свободы).

Для реализации большего числа свобод нужно большее число структур. Тогда процесс развития жизни людей – это увеличение числа структур.

Свободы и структуры отрицают друг друга и находятся в постоянном движении; сложная задача состоит в обеспечении роста числа свобод при росте числа структур.

Тогда процесс деградации жизни людей – это сокращение числа свобод. И еще процесс деградации – это утрата структур; тех структур, которые есть опоры высших свобод.

Машина создает для человека клеточку, в которой он должен быть. Если человек плохо соответствует клеточке, машина его наказывает. А если машине не удалось создать клеточку для человека, этого человека машина наказывает за это постоянно.

Поздние люди не против следовать по конвейеру от школы через работу к могиле как образцовые машинки, шая в определенном, предписанном диапазоне. Проблема в том, что мест на этом конвейере тоже не хватает. Система выкидывает людей с конвейера и за это считает их преступниками. Само понятие вины сначала размывается, а потом теряется – как и все понятия.

Машинные системы не любят неожиданностей и логично стремятся к предопределенности. Чтобы заранее знать, например, кого награждать, а кого наказывать, выбирается самый простой вариант: богатых – награждать, бедных – наказывать.

Машинное – это очень старое проявление – животное; и машинное – это очень новое, постчеловеческое-массовое. Машинное – это до-моральное, и машинное – это после утраты морали. Снова оказывается что в начале, то и в конце.

Машина – это взбесившаяся материя. Ее заклинали к повиновению, а она вышла из-под контроля. Причем вышла везде, и в самом человеке тоже.

Материя против сознания, против духа и против души, если в последнее кто еще верит.

Большая машина убивает всё человеческое в людях. Маленькая внутренняя машина убивает человеческое внутри человека. А лишённые всего человеческого люди жить не могут и не хотят, потому что жить без человеческого невыносимо мучительно. Конечно, можно пойти и дальше и постараться уйти от человеческого вообще – но это уже будет уровень клиники.

Машина – посредник в аннигиляции человека и человеческого. Причина в самом человеке, в том что человек еще не решил этой задачи – как разорвать круг вырождения, которым заканчивается цивилизация. Глобальный прогресс можно определить именно как путь к этому решению.

Ужас не в падении цивилизации. Ужас в её существовании. Её существование – это пустота и безысходность. Кроме падения, ничего интересного не ожидается.

Цивилизация есть окончательное решение человеческого вопроса.

*Для человечества в целом нет надежды, но для отдельного человека она есть.
(с) Эрик Берн.*

Первые цивилизованные люди, увидев издержки цивилизации, начинают строить города-сады. Но жизнь проходит не только вне людей, но и внутри людей. Проходит несколько поколений, и всё последнее, что остается от природы, поздние цивилизованные люди уничтожают не просто так, поскольку постольку прибыль-эффективность, а с душой, с каким-то похожим на религиозное остервенением, с ненавистью к проявлениям этой жизни.

Аттрактор массы – пустыня; масса перерабатывает через потребление всё сущее в пустыню. Обычно под рэпчик или матерные частушки. Что, впрочем, сливается в одно.

Человеческое проигрывает машинному и исчезает: неконкурентоспособно. Людей не остается, люди не нужны, недостаточно эффективны; и это судьба цивилизации. Остаются развалившийся минарет, осыпавшийся дувал, пересохший арык и ни единого дерева.

**Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»**

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода.](#)